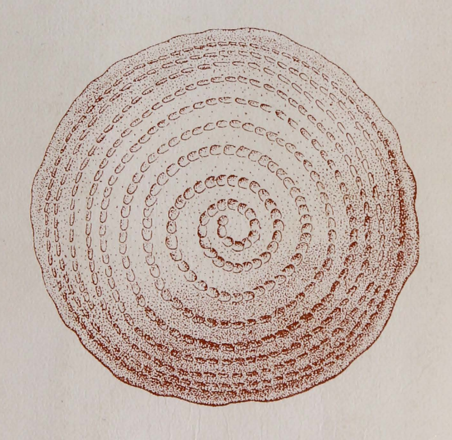
В.Т. КОВАЛЕВА, О.В. РЫЖКОВА, А.В. ШАМАНАЕВ

ТАШКОВСКАЯ КУЛЬТУРА:
ПОСЕЛЕНИЕ АНДРЕЕВСКОЕ ОЗЕРО XIII

Екатеринбург
2000

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А.М.ГОРЬКОГО

В.Т. Ковалева, О.В. Рыжкова, А.В. Шаманаев

ТАШКОВСКАЯ КУЛЬТУРА: ПОСЕЛЕНИЕ АНДРЕЕВСКОЕ ОЗЕРО XIII

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2000

ББК Т4(2) 243.2
К 56

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского государственного университета им. А.М.Горького

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 160 с.

Более двух десятилетий уральские археологи раскапывают необычные для региона укрепленные (на Южном Урале) и неукрепленные (в Нижнем Притоболье) поселения с кольцевой планировкой, которые, по всей вероятности, появились с миграцией на Урал индоиранского (арийского) населения на рубеже III – II тыс. до н.э.

В работе, наряду с публикацией полностью раскопанного поселения на Андреевском озере у г.Тюмени, дана реконструкция хозяйственной деятельности, социальной организации и духовной культуры конкретного коллектива эпохи бронзы.

Данное исследование адресовано не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования РФ № 36 (конкурс грантов по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук)

Рецензенты: канд. ист. наук, профессор Б.Б.Овчинникова (Уральский университет), д-р ист. наук, профессор А.Ф.Шорин (Институт истории и археологии УрО РАН)

ISBN 5-7996-0091-6

«Каждая эпоха создает свое собственное представление об историческом прошлом».
Люсьен Февр

ВВЕДЕНИЕ

Ташковская культура занимает компактную территорию Нижнего Притоболья протяженностью с севера на юг около 250 км и от 50 до 100 км с востока на запад. В пределах этого ареала выделяются четыре группы памятников, для каждой из которых исследованы поселения с кольцевой планировкой: южная (ташковская) – в бассейне р. Исети; восточная (заводоуковская) – по р. Ук – правому притоку Тобола; северо-западная (тюменская) в бассейне р. Туры и северная (искинская) в бассейне р. Иски – левого притока Тобола. Частично раскопанное поселение на участках IX и X южного берега Андреевского озера также было круглоплановым. Планировка других поселений ташковской культуры не установлена, поскольку они раскопаны либо частично (Заводоуковское XIII), либо были в значительной степени разрушены строительными работами (Дуванское IV, поселение на северном берегу оз. Андреевского и др.; рис.1).

Ташковская культура, по всей вероятности, сложилась на рубеже III – II тыс. до н.э. (функционировала в пределах первой четверти – первой трети II тыс. до н.э.) в результате миграции индоевропейского населения на восток и северо-восток и колонизации им местного энеолитического (сосновоостровская, андреевская, липчинская культуры). Мигранты, расселяясь по берегам рек, реже – проточных озер, адаптировались в условиях северной окраины лесостепи, воспринимая у зауральского населения некоторые технические и технологические навыки и знания, но сохраняя и передавая

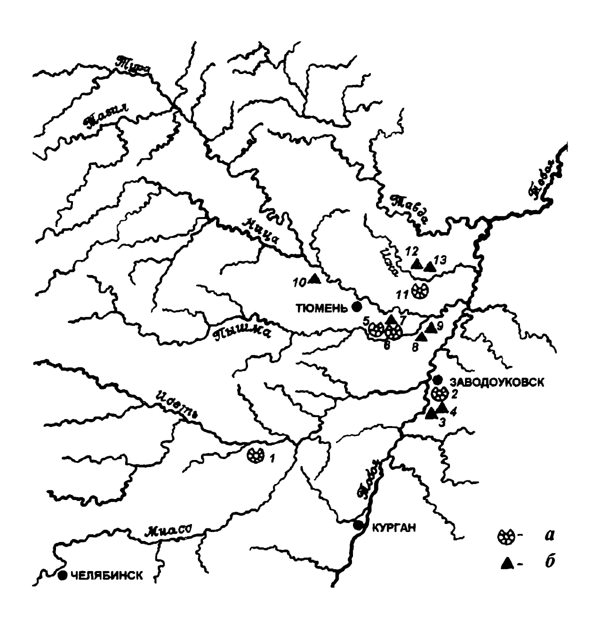

Рис.1. Карта распространения памятников ташковской культуры: а – с концентрической планировкой; б – с неустановленной планировкой; 1 – Ташково II; 2 – Заводоуковское Х; 3 – Заводоуковское XIII; 4 – Ук III; 5 – ЮАО-XIII; 6 – ЮАО-IX-X; 7 – Северный берег Андреевского озера; 8 – Дуванское IV; 9 – Дуванское V; 10 – Липчинская стоянка; 11 – Иска III; 12 – Ипкуль I; 13 – Байрык-Иска I

от поколения к поколению тщательно продуманную, отрегулированную и иерархизированную систему сакрального поведения.

С приходом нового населения в Нижнее Притоболье появились значительные по площади (от 1 000 $м^2$ до 3 000 $м^2$ и более) и численности (от 80 до 100 и более человек) круглоплановые поселения, состоящие из наземных бревенчатых домов площадью 40 – 50 $м^2$, как правило, с одним очагом в центральной части жилища. Принцип планировки ташковских поселений во многом сходен с планировкой поселений начала бронзового века Северо-Западной Анатолии и Балканского региона: радиальное расположение домов с "входными воротами" и свободной от фундаментальных построек центральной площадью – "анатолийская поселенческая схема" по Н.Я.Мерперту[1].

О разноэтничном составе населения свидетельствует сочетание на всех поселениях ташковской культуры двух основных орнаментальных традиций: накольчатой и гребенчато-ямочной, первая из которых принадлежала пришлому, а вторая – местному населению. Накольчатая техника орнаментации соотносится с новыми мотивами на сосудах, которые не встречались на неолитической и энеолитической посуде Зауралья – это прежде всего меандры и меандровидные узоры, "елочка", валики, спирали, овалы и др. Меандрово-ковровый орнамент, отмечает Б.А.Рыбаков, появился в балкано-дунайских культурах неолита, продвинулся вместе с индоевропейскими колонистами далее на север, распространяясь по области линейно-ленточной и накольчатой керамики. Для ритуальной посуды меандрово-ковровый орнамент являлся обязательным, сосуществуя с другим ритуально-символическим узором – "змеиным"[2].

Одной из характерных деталей орнаментации ташковских сосудов являются валики, опоясывающие сосуд. Они

появились на Балканах, во "фракийской" зоне индоевропейцев еще во второй половине IV тыс. до н.э. В эпоху ранней бронзы область культур с валиковой керамикой охватывала многие области Центральной Европы, север Балкан, Карпатский бассейн и другие регионы[3].

Открытая в начале 80-х гг., ташковская культура целенаправленно изучается коллективом екатеринбургских и нижнетагильских археологов. Несмотря на «молодость», ташковская культура успела «обрасти» солидной историографией, спорными проблемами, различными версиями. Интерес исследователей к ней постоянно возрастает. Чтобы ослабить накал теоретических споров, необходимо сосредоточить усилия на анализе и критике источника. Монографически пока опубликованы материалы поселения Ташково II на р. Исеть в Курганской области[4], в то время как раскопками исследовано не менее 10 поселений ташковской культуры. Значительный интерес представляют поселения на оз. Андреевском, в 18 км к юго-востоку от г. Тюмени. В 1990 – 1994 гг. полностью раскопано поселение с кольцевой планировкой на участке XIII южного берега (в дальнейшем – ЮАО-XIII), а еще ранее – в конце 60-х – 70-е гг. исследовались жилища на участках IX и X (соответственно – ЮАО-IX и ЮАО-X).

Данное монографическое исследование является продолжением работы, выполненной по поселению Ташково II[5]. При подготовке достаточно объемного материала к изданию обработка керамики частично произведена О.В.Рыжковой и И.А.Приходченко[6]. Обработка коллекции каменного инвентаря осуществлена А.В.Шаманаевым, в том числе функциональный анализ, выполненный под руководством Г.Ф.Коробковой[7]. Остеологический материал обработан П.А.Косинцевым.

Современный уровень знания требует глубокого анализа культуры на стыке различных дисциплин гуманитарного

цикла. Наряду с типологическим и трасологическим методами в работе широко используется семиотический подход в изучении духовной культуры и этнической специфики населения ташковской культуры. Совокупность знаковых средств выражения человеческой деятельности скрепляет этническую общность, становясь ее выразителем. В конкретных ландшафтных и исторических условиях складываются устойчивые стереотипы культуры, характеризующие конкретные этносоциальные общности. Необходимы синтез и интерпретация фактов.

Авторы в силу своих возможностей ставят задачу не только опубликовать материал, но и попытаться осмыслить его в контексте этнокультурной ситуации степной и лесостепной зон Восточной Европы и Урала на рубеже III – II тыс. до н.э., расширить понимание археологических реалий за счет привлечения смежных дисциплин, концепции "диалога культур".

[1] См.: **Мерперт Н.Я.** О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) // РА. 1995. № 3. С. 28 – 46.

[2] См.: **Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. М., 1994. С.157 – 158.

[3] См.: **Черных Е.Н.** Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1993. С.96.

[4] См.: **Ковалева В.Т.** Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург, 1997.

[5] См.: Там же.

[6] См.: **Рыжкова О.В., Приходченко И.А.** Характеристика керамики ташковского типа поселения Андреевское озеро XIII (ЮАО–XIII) // Вторые Берсовские чтения. Екатеринбург, 1994. С.36 – 38.

[7] См.: **Шаманаев А.В.** Каменная индустрия поселения Андреевское озеро XIII (ЮАО–XIII). Ташковская культура // Там же. С.38 – 42.

Глава 1
ИСТОРИОГРАФИЯ И СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Открытию ташковской культуры предшествовали разведочные работы и раскопки на оз. Андреевском в конце 60-х – 70-х гг., проводимые под общим руководством В.Ф.Генинга в связи со строительством Тюменским моторным заводом на Южном побережье спортивно-оздоровительного комплекса. Одновременно вдоль западной части берега строилась детская железная дорога, а к востоку от Козловой переймы намывались пляжи, возводились дачные поселки. Разведочные работы показали, что практически все побережье представляет собой сплошной культурный слой с поселениями различных археологических эпох. Перед археологами стояла задача спасения наиболее ценных памятников в достаточно короткий срок. Интенсивные раскопки проводились на участках VI – XII – ЮАО, поскольку расположенные на них археологические памятники в первую очередь подвергались полному уничтожению.

В ряду исследуемых оказалось поселение со слабоуглубленными жилищами на участке X - раскоп № 1 (раскопки В.Т.Юровской-Ковалевой 1970 г.)[1]. Впервые был получен своеобразный комплекс плоскодонной керамики, орнаментированной по методу отступающей палочки, гребенчатым штампом, ямочными вдавлениями. Наряду с керамикой на поселении найдены обломки керамических грузил, металлический слиток, каменные орудия. Керамика поселения ЮАО-X условно была названа *керамикой логиновского типа* по некоторым чертам сходства с посудой раннего слоя Логиновского городища на р.Ишим (раскопки В.Ф.Генинга, В.В.Евдокимова)[2]. Однако уже в те годы автором раскопок были отмечены и существенные отличия накольчатой кера-

мики Андреевского озера от собственно логиновской: узоры на керамике тюменских поселений никогда не вдавливались так глубоко и не располагались так плотно, как на посуде Ишимско-Иртышского междуречья; горизонтальные зоны разделялись поясами из круглых глубоких ямок. И наконец, для керамики собственно логиновского типа характерна преимущественно накольчатая техника орнаментации, в то время как на всех поселениях логиновского типа Тюменского Притоболья в одном комплексе сочетаются различные орнаментальные традиции: накольчатая, гребенчатая и ямочная.

Раскопки на других участках, в том числе на многослойном поселении северного берега Андреевского озера, позволили проследить стратиграфическую позицию комплексов логиновского типа и датировать их ранним бронзовым веком[3]. В отношении генезиса было высказано предположение об участии энеолитической липчинской культуры в формировании культуры начала бронзового века логиновского типа[4].

Исследователи 70-х гг., придавая первостепенное значение определенному сходству в технике орнаментации плоскодонной керамики, объединили памятники с линейно-накольчатым орнаментом в обширную этнокультурную общность раннего бронзового века. В.Ф.Генинг включил в нее поселения на Андреевском озере у г.Тюмени, ранний слой Логиновского городища на Ишиме, поселение Черноозерье VI на Иртыше, самусьские памятники Томского Приобья[5].

Позднее М.Ф.Косарев тюменские памятники логиновского типа также включил в круг родственных культур как вариант самусьской общности южно-таежной и частично лесостепной зон Западной Сибири развитого бронзового века[6].

Самусьская культурная общность, согласно М.Ф.Косареву, это круг родственных культур, сложившихся около середины II тыс. до н.э. от низовьев Томи на востоке

до Тюменского Притоболья на западе. Им выделено четыре варианта самусьской общности: тюменский, среднеишимский (логиновский), среднеиртышский и юго-восточный[7].

Раскопками М.Ф.Косарева и Л.Н.Коряковой на оз. Ипкуль (ранний слой Ипкульского городища и Ипкульского могильника), В.И.Стефанова на р.Дуван (поселение Дуванское IV), В.Д.Викторовой на Андреевском озере (ЮАО-IX), разведкой и раскопками А.С.Сергеева на юге Тюменской области расширен ареал памятников логиновского типа в Нижнем Притоболье.

В 1982 г. В.Т.Ковалевой было открыто поселение Ташково II (Каргапольский р-н, Курганская обл.), а в 1984 – 1986 гг. оно полностью раскопано под ее руководством. Это было первое в Среднем Зауралье поселение с кольцевой планировкой, а вещевой комплекс его во многом идентичен комплексам логиновского типа на Андреевском озере и другим уже исследованным памятникам с накольчатым орнаментом на керамике. Все они могли быть объединены в рамках единой археологической культуры. Вновь исследованное поселение Ташково II стало своего рода эталоном этой культуры, которая и была названа *ташковской.* В то же время подчеркивалось ее отличие от древностей логиновского типа на Ишиме, поскольку они, по всей вероятности, были синхронными, но не родственными ташковским[8].

Полученная с поселения Ташково II абсолютная дата по С14 – 3 780 ± 40 (образец ЛЕ–2639), типологическая характеристика основных категорий находок, генетическая преемственность керамики с гребенчатым и ямочным орнаментом ташковских комплексов с культурой зауральского энеолита III тыс. до н.э. позволяли с достаточным основанием датировать ташковскую культуру ранним бронзовым веком (начало II тыс. до н.э.). Керамика с накольчатым орнаментом не име-

ла генетических корней в местном энеолите, как и кольцевая планировка поселений.

При решении вопроса генезиса культуры немаловажное значение имеет хронологическая позиция исходных памятников. Две наиболее дискуссионные проблемы, связанные с изучением ташковской культуры, – хронологии и генезиса – оказались взаимосвязанными.

Продолжая традицию 70 – 80-х гг., свердловские археологи В.И.Стефанов, О.Н.Корочкова, Н.К.Стефанова предлагают для ташковской культуры довольно позднюю дату – XVII – XIV вв. до н.э., включая ее в единый историко-культурный пласт с кротовской, логиновской и одиновской культурами[9]. Хронологическую и культурную близость древностей кротовского и ташковского типов допускает С.А.Григорьев, предполагая масштабную миграцию населения кротовской культуры в Притоболье, Приуралье и даже на Среднюю Волгу[10].

Более гибкой позиции придерживается М.Ф.Косарев, который в одной из своих последних работ внес существенные коррективы к более ранней точке зрения: он отмечает хронологическую близость ташковских, логиновских и одиновских комплексов, датируя их ранним бронзовым веком, а кротовские и елунинские комплексы соотносит с самусько-сейминской эпохой бронзового века южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири[11]. Эта позиция нам представляется достаточно обоснованной и вполне согласуется с фактическим материалом. Еще ранее к такому выводу пришла Н.К.Стефанова в результате тщательной источниковедческой работы с материалами логиновского, одиновского и кротовского типов Ишимско-Иртышского междуречья[12]. Поскольку рядом исследователей продолжаются поиски стадиальной близости или даже родства древностей кротовского и таш-

ковского типов, есть необходимость отметить как типологические, так и стадиальные их различия.

При атрибуции керамических комплексов исследователи не без основания придают первостепенное значение технике орнаментации, набору мотивов, особенно специфических. Для всех ташковских комплексов характерны различные орнаментальные традиции, но специфику их определяет отступающе-накольчатая. Для кротовской керамики характерно "абсолютное преобладание шагающей и щагающе-протащенной гребенки". Специфические для ташковских комплексов мотивы - "елочка", меандры, спирали, овалы, концентрические окружности, змеевидные узоры и т.д. - не встречаются на посуде ни логиновского, ни кротовского типов. Наличие в ташковских комплексах сосудов, орнаментированных техникой протащенно-шагающей гребенки, свидетельствует о генетическом родстве с местной энеолитической традицией.

В комплексах ташковских поселений достаточно часто встречаются округлодонные и остродонные сосуды, свидетельствующие о непосредственной близости к энеолиту Зауралья, как и многие мотивы. Нет никакой лакуны между энеолитом и началом бронзового века в Нижнем Притоболье. Наиболее существенным стадиальным признаком ташковских и кротовских памятников является уровень металлургического производства. Население ташковской культуры занималось только металлообработкой, расплавляя в тиглях на костре металлический лом и слитки, принесенные на поселения. К настоящему времени полностью исследованы крупные поселения, но других свидетельств металлургического производства не найдено: отсутствуют шлаки, крупные металлические изделия, как и литейные формы для их изготовления. Только в двух экземплярах содержится олово (0,5 и 1%).

Вряд ли этот факт можно считать серьезным основанием для относительно поздней даты ташковской культуры.

Для населения, оставившего памятники кротовского типа, известны литейные формы, в том числе для отливки вильчатого наконечника копья, а также ножи, аналоги которым найдены в Турбинском могильнике[13]. Уровню развития металлургии, как правило, соответствует и уровень хозяйственной деятельности. Экономика населения кротовской культуры базировалась на придомном скотоводстве, чего нельзя сказать о хозяйстве населения ташковской культуры.

Каменные наконечники стрел так называемого сейминского типа вряд ли могут служить основанием для синхронизации древностей ташковского и кротовского типов, как и для объяснения миграции населения из Прииртышья в Притоболье[14].

Присутствие наконечников сейминского типа на памятниках синташтинской культуры позволяет С.А.Григорьеву предполагать миграцию населения из Передней Азии в Зауралье, а в другом случае, практически при аналогичной ситуации, почему-то миграция предполагается с востока.

Ташковская культура по времени близка логиновским, одиновским, вишневским комплексам и, по мнению многих исследователей, соотносится с периодом раннего бронзового века[15]. Накольчатую технику орнаментации можно считать стадиальным признаком. В культурах среднего и позднего периодов бронзового века Евразии она практически не встречается.

Относительно генезиса ташковской культуры предложено три основные позиции: формирование ее на местной основе; на основе местного энеолита при определенном воздействии более южных культур; формирование ташковкой культуры в результате миграции в Нижнее Притоболье нового населения и колонизации им местного энеолитического.

Авторами данной монографии вначале было высказано предположение об автохтонном происхождении ташковской культуры в результате внутренней прогрессивной трансформации, главным образом, как следствие освоения производящих форм экономики[16]. Однако многие факты оказались в противоречии с этой позицией: поселения с кольцевой планировкой, накольчатая техника орнаментации в сочетании с плоскодонной формой посуды и мотивами, которые не встречались на неолитической и энеолитической посуде Зауралья. Установлен факт сожжения поселений при переселении на другое место. Картина мира населения ташковской культуры, реконструируемая на основании знаковой системы, оказалась во многом созвучной ранним гимнам Ригведы. Эти и другие факты привели к отказу от ранее высказанного мнения об автохтонном генезисе ташковской культуры. Она, по мнению В.Т.Ковалевой, сформировалась в результате миграции индоевропейского, вероятно индоиранского, населения в Притоболье и колонизации им местного, в том числе финно-угорского, населения скорее всего мирным путем[17].

К этому же выводу еще ранее пришла Л.Я.Крижевская, подчеркнув влияние передневосточной цивилизации; обращалось внимание на отсутствие истоков для формирования ташковской культуры в предшествующее время и исчезновение круглоплановых поселений в последующий период[18].

Иного мнения придерживается Т.М.Потемкина, полагая, что ташковская культура сформировалась на основе культуры энеолита Среднего Зауралья при определенном воздействии культур юга[19].

Следует иметь в виду, что при взаимодействии различных этносов, как правило, заимствуются прежде всего отдельные технологические достижения (изготовление керамики, плавка металла) или достижения, связанные с хозяйственной деятельностью (земледелие, скотоводство). Но появ-

ление на достаточно компактной территории комплекса новых стереотипов культуры, соотносимых главным образом с духовной сферой, знаковой системой, картиной мира, невозможно объяснить иначе, как миграцией нового населения, культура которого была отличной от культуры населения Нижнего Притоболья. Эти новации тем более трудно объяснить у населения северной группы ташковской культуры (бассейн р.Иски), поселения которых были удалены на значительное расстояние от собственно степного коридора, по которому и могла передаваться информация. Раскопки на Андреевском озере и на Иске показали, что мигрирующее (индоевропейское) население, оторванное от исходного массива, сохраняло ядро культуры, отраженное в знаковой системе.

По-видимому, следует отказаться от высказанного ранее Г.Б.Здановичем и В.Т.Ковалевой предположения о возможном участии населения ташковской культуры в сложении синташтинской[20]. На наш взгляд, механизм формирования ташковской и синташтинской культур во многом сходен, являясь результатом взаимодействия мигрирующего и автохтонного населения, при этом специфику культуры определяло мигрирующее население. По всей вероятности, появление в Зауралье культур с кольцевой планировкой поселений своими корнями уходит в циркумпонтийскую зону и непосредственно с ней связано.

В настоящее время многие проблемы, связанные с изучением ташковской культуры, уже нашли отражение в работах археологов. Наиболее полно освещены вопросы, связанные с реконструкцией хозяйственной деятельности и палеодемографии[21], а также социальной реконструкции[22]. Интересная работа начата О.В.Рыжковой по изучению планиграфии находок на поселении и использованию метода связей для социальных реконструкций[23]. Отдельные сюжеты, связанные с

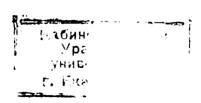
изучением духовной культуры, освещены в работах В.Т.Ковалевой[24]. Менее разработанной остается проблема динамики ташковской культуры.

В русле этой проблемы значительный интерес представляет материал, полученный раскопками на многослойном поселении Ук III (левый берег р.Ук - правого притока Тобола) в окрестностях г. Заводоуковска Тюменской области. Ташковский комплекс поселения имеет многие черты сходства с собственно ташковскими - форма посуды, некоторые мотивы, наличие тиглей, выполненных на фрагментах керамики, глиняные изделия рожковидной формы. Однако керамика поселения Ук III имеет и существенные отличия: орнамент на большинстве сосудов выполнен в технике прочерчивания, что не характерно для комплексов ташковского типа; отсутствует и разнообразие мотивов, характерных для посуды с накольчатым орнаментом. Для одной из групп Н.К.Стефанова находит аналоги в керамике раннего этапа петровской культуры и датирует поселение Ук III XVII в. до н.э.[25] Нам пока трудно ответить на вопрос о причинах появления подобных комплексов: являются ли они результатом взаимодействия населения ташковской и петровской культур или, скорее всего, результатом ассимиляции населения ташковской культуры. Удивляет отсутствие каких-либо технологических и хозяйственных изменений в позднем комплексе. На поселении Ук III, несмотря на отмеченные отличия, сохраняются металлообработка с использованием тиглей, ранний облик изделий из камня, характерные для поселений ташковской культуры глиняные рыболовные грузила, присваивающий тип хозяйства, в то время как для населения петровской культуры исследователи отмечают довольно высокий технологический уровень металлургии и производящий тип экономики[26].

В связи с исследованием могильника Чистолебяжий (Белозерский р-н, Курганская обл.) А.В.Матвеевым высказано мнение о формировании ташковской культуры в рамках новокумакской эпохи и сосуществовании ее с алакульской культурой на раннем (чистолебяжском, по А.В.Матвееву) этапе. Начало формирования алакульской культуры А.В.Матвеев относит к рубежу III – II тыс. до н.э.[27] Синхронность ташковских и алакульских древностей документируется находками двух сосудов (один в другом) в яме 2 кургана 19 Чистолебяжского могильника, близких как ташковским, так и логиновским, и сосуда алакульского типа в жилище 11 поселения ЮАО-XIII. Новые абсолютные даты, полученные для ташковских комплексов: Ле–5751 – Ташково II (жил.9, уголь) – 3600 ± 45 лет т.н., калиброванный возраст 2050 – 1870 лет до н.э. (95 %, σ2), 2040 – 1900 лет до н.э. (68 %, σ1); Ле–5772 – ЮАО-XIII (жил.7, уголь) – 3660±40 лет т.н., калиброванный возраст 2190 – 1930 лет до н.э. (95 %, σ2), 2140 – 1970 лет до н.э. (68 %, σ1), вполне согласуются с этим выводом.

Формирование синташтинской культуры Г.Б.Зданович и Д.Г.Зданович «удревняют» до XVIII в. до н.э.[28] По всей вероятности, ташковская культура несколько «древнее» синташтинской, но не исключено их сосуществование на каком-то этапе.

Дальнейшее изучение ташковской культуры во многом зависит от тщательного источниковедческого анализа комплексов, особенно с изолированным культурным слоем, с тем чтобы можно было проследить ее динамику и характер взаимодействия с другими культурами.

[1] См.: **Юровская (Ковалева) В.Т.** Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. Свердловск, 1973. Вып.12.

[2] См.: **Генинг В.Ф., Евдокимов В.В.** Логиновское городище // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып.8. С.115 – 117.

[3] См.: **Юровская В.Т., Сосновкин И.Н.** Поселение эпохи бронзы на северном берегу оз. Андреевского близ г. Тюмени // Вопросы истории Западной Сибири. Тюмень, 1974. Вып.1.

[4] См.: **Юровская В.Т.** Классификация и относительная хронология... С.12 – 13.

[5] См.: **Генинг В.Ф.** Исследования Уральской археологической экспедиции в 1970 году// Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып.15. С.7 – 8.

[6] См.: **Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С.86 – 89.

[7] См.: Там же. С. 87 – 96.

[8] См.: **Ковалева В.Т.** Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // ВАУ. Свердловск, 1988. Вып.19.

[9] См.: **Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.** Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья: (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. Свердловск, 1991. Вып.20. С.75.

[10] См.: **Григорьев С.А.** Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С.91.

[11] См.: **Косарев М.Ф.** Из древней истории Западной Сибири: общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. М., 1993. Вып.4. С.69 – 71, 80 и далее.

[12] См.: **Стефанова Н.К.** Кротовская культура в Среднем Прииртышье // ВАУ. 1988. Вып. 19. С.71.

[13] См.: Там же. С.66.

[14] См.: **Григорьев С.А.** Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. С.91.

[15] См.: **Татаринцева Н.С.** Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С.112; **Крижевская Л.Я.** Значение культурных связей эпохи ранней бронзы в Южном Зауралье // Археологические культуры и культурно-исторические общности. Екатеринбург, 1993. С.107.

[16] См.: **Ковалева В.Т., Рыжкова О.В.** Проблема перехода от энеолита к бронзовому веку в лесном Зауралье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. С.34.

[17] См.: **Ковалева В.Т.** Проблема этнической идентификации населения ташковской культуры // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конф. Челябинск, 1995. Ч.5, кн.1. С.69 – 78; **Ковалева В.Т., Приходченко И.А.** Проблемы генезиса ташковской культуры Нижнего Притоболья // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Уфа, 1996. Ч.1. С.19 – 21.

[18] См.: **Крижевская Л.Я.** Значение культурных связей для организации поселений и домостроительства эпохи ранней бронзы в Южном Зауралье // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Урал. археол. сов. Екатеринбург, 1993. С.107 – 108.

[19] См.: **Потемкина Т.М.** Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. 1995. № 1. С.18.

[20] См.: **Зданович Г.Б.** Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования, поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С.41; **Ковалева В.Т.** Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург, 1997. С.75.

[21] См.: **Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю.** Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989; **Коробкова Г.Ф., Рыжкова О.В.** О хозяйственно-производственной деятельности на поселении Ташково II // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск, 1993; **Шаманаев А.В., Симонов А.В.** Рыболовство населения ташковской культуры // ВАУ. Екатеринбург, 1998. Вып.23; **Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю.** Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры (по материалам археологических находок и экспериментов) // Там же; **Козынцева Н.Н.** Палеодемографический аспект изучения ташковской культуры // Там же.

[22] См.: **Ковалева В.Т.** О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит - начало бронзового века) // ВАУ. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С.15 – 20.

[23] См.: **Рыжкова О.В.** Использование метода связей для социальных реконструкцией (по материалам поселения Ташково II) // ВАУ. Екатеринбург, 1993. Вып.21.

[24] См.: **Ковалева В.Т.** Космогонические представления населения ташковской культуры // Археоастрономия: проблемы становления: Тез. докл. междунар. конф. М., 1996. С.76 – 80; **Она же.** "Язык жрецов" (по материлам поселения Ташково II) // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: Теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997. С.104 – 107.

[25] См.: **Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.** Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск, 1991. С.16 – 22.

[26] См.: **Зданович Г.Б.** Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988. С.139.

[27] См.: **Матвеев А.В.** Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998. С.370 – 372.

[28] См.: **Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.** Протогородская цивилизация "страна городов" Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конф. Челябинск, 1995. Ч.5, кн.1. С.49.

Глава 2
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЕЛЕНИЯ И НАХОДОК

Андреевское озеро представляет собой систему озер, соединенных протоками. Самое крупное из них – Большое Андреевское – отделено от Малого Андреевского узким и длинным песчаным островом, протянувшимся с севера на юг более чем на 2,5 км. Остров известен под названием «Большой остров», или «Остров». Его южная оконечность отделена узким проливом – Первой Переймой, или Козловой переймой – от выступающего на север мыса Южного берега – Козлова мыса. Малое Андреевское озеро переходит на востоке в узкий рукав – Вторую перейму, – за которым находится система меньших по площади озер – Песьяное, Грязное, Бутурлинское (рис.2). Характер плесов и перешейков свидетельствует о том, что в прошлом озеро было проточным[1]. Берега озера невысокие, поросшие камышом. Возвышенные места имеют характер песчаных гряд, покрытых преимущественно сосновым лесом. Прослежена приуроченность стоянок каменного века к краю террасы. Памятники бронзового и железного веков располагаются выше.

Во время разведочных работ в 1967 – 1969 гг. южное побережье было разбито на условные участки в зависимости от характера памятников. Исследованные в разные годы жилища ташковской культуры были сосредоточены к юго-востоку от Козлова мыса (участки IX, X, XIII – рис.3.). Поселение ЮАО-XIII занимало довольно ровную, хорошо задернованную и покрытую редким лесом площадку боровой террасы, возвышающуюся до 4 – 4,5 м относительно современного уровня воды в озере и удаленную от его кромки на 300 – 350 м. На этой площадке отчетливо фиксировались впадины округлой формы диаметром от 6 х 6 до 8 х 8 м, глубиной от современной поверхности 0,3 – 0,4 м. Семнадцать впадин рас-

полагались по кругу и оказались остатками от котлованов жилищ, а одна находилась на западной стороне внутренней площадки и отличалась менее выраженными очертаниями, уплощенным центром, меньшей глубиной – до 0,25 м – следы большого кострища (рис.4).

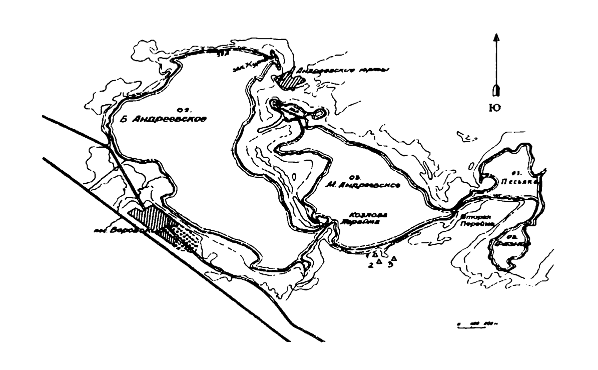

Рис.2. Система андреевских озер:
1 – поселение ЮАО-IX; *2* – ЮАО-X; *3* – ЮАО-XIII

Поселение исследовано раскопом площадью 2 950 $м^2$, разбитым на квадратные участки 2 х 2 м и ориентированным по сторонам света; они пронумерованы с севера на юг арабскими цифрами, а с запада на восток обозначены буквами русского алфавита. Для получения целостного представления об исследуемых объектах и их взаиморасположении раскопки проводились широкой площадью с выносом отработанного грунта из раскопа. Бровки шириной 0,4 м, ориентиро-

ванные по сторонам света, оставлялись через 6 – 8 м, жилища вскрывались полностью с одной бровкой, как правило, проходящей через центр впадины.

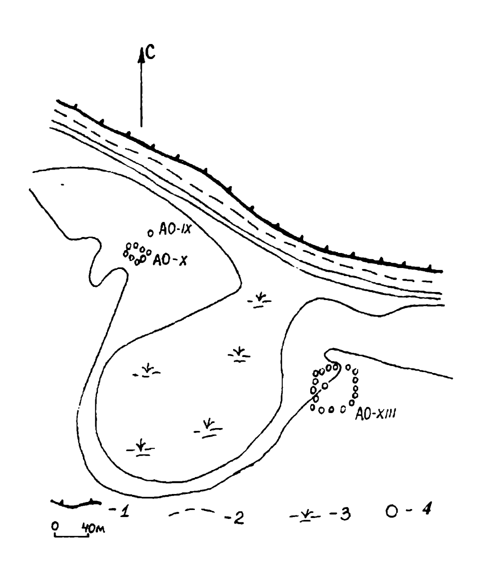

Рис.3. Топографический план южного берега Андреевского озера: участки VI – XIII; *1* – граница озера; *2* – тропа; *3* – болото; *4* – жилищная впадина

Дерн, толщиной до 0,1 – 0,15 м, снимался пластами, поддерновая гумусированная прослойка выравнивалась до одного уровня, а затем зачистками производилась выборка культурного слоя. Находки фиксировались с индивидуальной

отметкой глубины залегания от условного нуля (северо-западный угол участка Ш–26). На большей части памятника культурный слой представлял собой супесь светло-коричневого цвета с вкраплениями угля, золы, прокаленного грунта. Мощность его до 0,1 – 0,3 м в межжилищном пространстве и до 0,4 – 0,5 м – в заполнении котлованов жилищ. В северо-восточной части памятника однородность слоя нарушалась линзами слабо окрашенной супеси розовато-коричневого цвета с керамикой и каменным инвентарем кошкинского типа (ранний неолит), который подстилал слой с находками ташковской культуры.

За пределами кольца домов культурный слой резко обрывался, за исключением северной стороны, где он продолжался в сторону озера на 12 – 15 м, образуя тонкую – не более 0,05 – 0,15 м – прослойку между дерном и напластованиями более ранних эпох. Слой с находками неолита и энеолита выделен в отдельный памятник – ЮАО-XIII-А.

Очертания жилищ отчетливо фиксировались у дна котлованов, когда светло-коричневая супесь по периметру сооружений переходила в темно-серую или черную с вкраплениями угля. В профиле можно было проследить округлые, диаметром 0,12 – 0,15 м, очертания нижних бревен, позволяющих предполагать конструкцию домов и толщину бревен. Дно жилищ, как правило, ровное, котлован углублен в материк на 0,2 – 0,3 м. Особенно четко, в виде ровной прямой линии, фиксировались внешние очертания котлованов с прямыми углами на фоне светлого материкового песка. Внутренние линии стен менее выраженные, так как развалы горевших бревен от стен жилищ оставляли по периметру котлованов черный слой супеси с углем шириной от 0,3 – 0,4 м до 1 – 1,5 м (рис.5).

Следов конструкции входа в жилище ни в одном случае не выявлено, что позволяет предполагать его наземное устройство. Очаги выделялись по специфическому заполнению

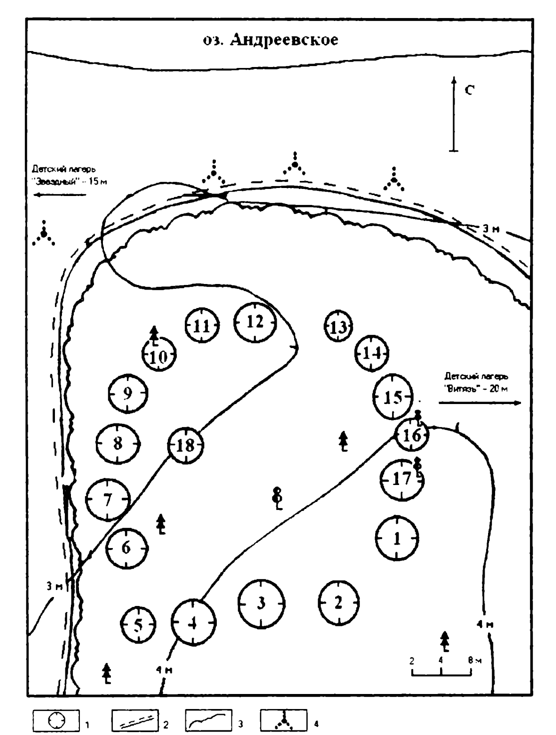

Рис.4. Поселение ЮАО-XIII. Топографический план:
1 – жилищная впадина; 2 – проселочная дорога; 3 – граница леса; 4 – кустарник

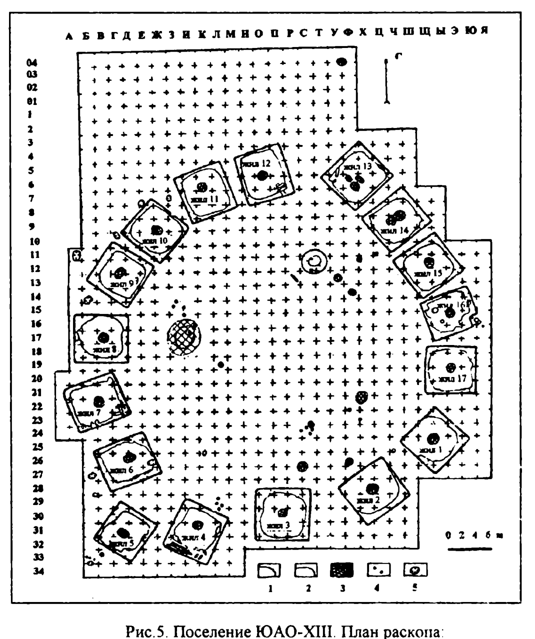

Рис.5. Поселение ЮАО-XIII. План раскопа:

1 – внешняя граница котлована жилища; *2* – внутренняя граница темно-серой супеси; *3* – очажный прокал; *4* – ямки от столбов; *5* – ямы

– буро-рыжей супеси с вкраплениями угля и кальцинированных косточек.

Поселение, по всей вероятности, погибло от пожара, поскольку в основании всех жилищ сохранились следы обуглившихся бревен. На поселении нет признаков беспорядка, который бы свидетельствовал о возникшей внезапно опасности, как нет и останков погибших. Учитывая установленный факт гибели от пожара и других исследованных поселений ташковской культуры, можно предполагать преднамеренное его сожжение.

Исследование памятника начато с юго-восточной стороны, поскольку в этой части поселения в 1979 г. были предприняты рекогносцировочные раскопки экспедицией Тюменского университета под руководством Л.А.Осоткиной[2]. Раскоп был частично наложен на впадины 1 и 2. Материалы раскопок переданы нам и включены в данную публикацию.

Жилище 1 находилось в юго-восточной части поселения. Оно прямоугольное, близкое к квадрату, площадью 47,6 $м^2$ (6,8 х 7 м). Котлован углублен в материк на 0,25 м. Заполнение – супесь светло-коричневого цвета, переходящая в черную с вкраплениями угля в северо-восточной части котлована.

Очаг, диаметром 1,4 м, находился в центральной части жилища и представлял собой пятно супеси бурого цвета с вкраплениями угля; углублен в материк ниже пола на 0,1 м. Следов прокала не зафиксировано. Находки – фрагменты от 9 сосудов (рис.11), 2 глиняных рыболовных грузил с раздвоенными концами, а также шлифованное орудие в форме уплощенного конуса, возможно, использовавшегося для расширения отверстий в шкурах, – находились на полу жилища у очага и юго-восточной стенки.

Жилище 2 расположено в юго-восточной части поселения, в 3 м к юго-западу от жилища 1; оно прямоугольное, площадью 50,3 $м^2$ (6,8 х 7,4 м). Котлован углублен в материк

на 0,3 м и заполнен супесью светло-коричневого цвета. У восточной и юго-восточной стен культурный слой имел более интенсивную окраску с вкраплениями угля. Очаг в виде аморфного пятна бурой супеси фиксировался сразу под дерном. На полу котлована оно приобрело округлую форму диаметром 1,4 м. В основании очага, размещенного в центре дома, уплотненная супесь бледно-оранжевого цвета.

Большая часть находок обнаружена у очага, восточной и юго-восточной стен котлована. Это фрагменты от 7 сосудов (рис.12), глиняное рыболовное грузило, пластина с ретушью, трасологически определенная как вкладыш ножа для мяса, комбинированный с резчиком по дереву (на одном из углов заготовки), фрагмент абразива для заточки металлических инструментов. На одном из фрагментов сосуда изготовлен тигель.

Жилище 3 находилось в южной части поселения; оно квадратное, стены ориентированы строго по сторонам света, площадь его 54 м^2 (7,3 x 7,4 м). Котлован, углубленный в материк на 0,3 м, был заполнен супесью светло-коричневого цвета, по периметру переходящей в черную с углем у дна котлована (рис.6).

Очаг, диаметром 1,2 м, углубленный в пол на 0,08 м, занимал центральную часть жилища. От него к северной стенке удалось проследить «дорожку» шириной до 2 м (участки П–28 – 29) – слабый прогиб пола, позволяющий предполагать вход в жилище со стороны площади и напротив очага.

В юго-западной части дома, на полу (участок О–31), найден раздавленный, но полностью восстанавливаемый сосуд, опрокинутый вверх дном (сосуд № 68) – это один из самых крупных на поселении (высота его 41 см, диаметр устья – 32 см). Рядом с ним находились фрагменты двух сосудов меньшей емкости; верхняя часть одного из них использована для основания тигля. У южной стенки (участок О–32) обнаружено скопление рыболовных грузил в виде вогнутых уп-

лощенных стержней с раздвоенными концами (21 экз.). Другие находки располагались у очага и в северной части жилища: фрагменты и развалы от 10 сосудов (рис.13 – 15), рыболовные грузила округлой формы с одним желобком (2 экз.) и подпрямоугольной формы с двумя перекрещивающимися желобками (2 экз.), кремневые отщепы (3 экз.), ошлакованная керамика, тигель, мелкие кальцинированные косточки (17 фрагм. от 2 особей собак).

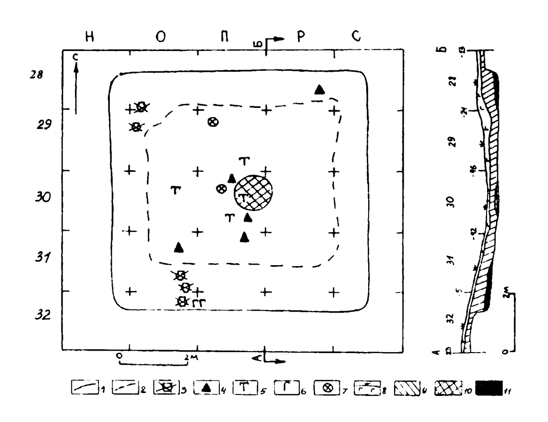

Рис.6. Поселение ЮАО-XIII. План жилища 3 и разрез по линии А–Б: *1* – очертания жилища на глубине -60 см; *2* – граница темно-серого и светло-коричневого слоев на глубине -60 см; *3* – развал сосуда; *4* – керамика; *5* – тигель, *6* – рыболовное грузило, *7* – кость, *8* – дерн; *9* – слой светло-коричневой супеси; *10* – очажный слой бурой супеси, *11* – темно-серая супесь с остатками угля

Жилище 4 расположено в южной части поселения, в 3 м к юго-западу от жилища 3; оно прямоугольное, площадью 46 м^2 (6,4 х 7,2 м), ориентированное по длинной оси с северо-востока на юго-запад, котлован углублен в материк на 0,25 м. В заполнении его – супесь светло-коричневого цвета, которая на дне вдоль стен приобретала более интенсивную окраску.

Очаг, диаметром 1 м, был устроен на полу, смещен от центра в северную часть дома, ближе к предполагаемому входу. Бурую супесь в очаге подстилал прокал светло-оранжевого цвета.

У восточной стены выявлено углубление в полу на 0,2 м, размером 0,6 х 0,9 м, заполненное, как и очаг, бурой супесью, возможно, зольник. У южной стены зафиксированы следы от горевших деревянных конструкций: три параллельно лежащих «бревна», возможно, были остатками нар или развалом стен.

Поселение ЮАО-XIII: процесс работы (жилище 4, участок Л-32)

Поселение ЮАО-XIII: процесс работы (жилище 4)

Находки сосредоточены вокруг очага и вдоль северной и южной стен жилища – это фрагменты керамики от 8 сосудов (рис.16) и изделия из камня – 7 экз. Среди них: 1 наконечник стрелы подтреугольной формы со скошенным основанием, выполненный из зеленой кремнистой породы (рис.48–*15*), скребок из розово-серого кремня (рис.49–*2*), 3 пластины с ретушью, обломок шлифованного орудия. По данным трасологического анализа, скребок использовался для обработки шкур. Одна из пластин с ретушью, вероятно, была вкладышем ножа по мясу, две других являлись орудиями для обработки дерева.

Жилище 5 находилось в юго-западной стороне поселения; оно прямоугольное, площадью 39,6 м^2 (6,0 х 6,6 м), котлован с отвесными стенками и ровным дном углублен в материк на 0,2 м и заполнен супесью светло-коричневого цвета,

переходящей у дна – по периметру – в черную с вкраплениями угля.

Очаг находился в центре дома, но был несколько смещен в его южную половину. Он овальной формы, размером 1 х 1,4 м, углублен в пол на 0,05 м, в основании его – прокал.

У южной и северной стен найдены развалы от 5 сосудов (рис.17), обломок глиняного рыболовного грузила с раздвоенными концами. Комплекс изделий из камня включал целый наконечник стрелы подтреугольной формы со скошенным основанием из мелкозернистого кварцита и 3 сломанных (рис.48–*22, 24*); скребок из розово-серого кремня, использовавшийся для обработки шкур (рис.49–*1*); пластину без ретуши, оказавшуюся вкладышем ножа для разделки мяса, комбинированного с резчиком по дереву. Большую часть находок составляют отщепы без ретуши (7 экз.) и чешуйки (409 экз.). Практически все изделия из камня залегали компактной группой к западу и северо-западу от очага. В жилище зафиксирован точек, на котором, судя по отщепам и чешуйкам, производилась обработка камня трех основных пород – розово-серого кремня (153 экз.), мелкозернистого кварцита (69 экз.) и зеленой кремнистой породы (199 экз.).

Жилище 6 находилось в юго-западной стороне поселения; оно прямоугольное, площадью 46 м^2 (6,4 х 7,2 м), по длинной оси ориентированное с северо-востока на юго-запад, глубина котлована – 0,2 м. У южной стороны зафиксированы следы горевших бревен.

Очаг, расположенный в центре жилища, имел овальную форму размером 1,2 х 1,4 м, углублен в пол на 0,05 м. В заполнении очага – бурой супеси – найдены дробленая керамика, кальцинированные косточки, тигель, выполненный на крупном фрагменте керамики, плиточка со сколами из зеленой кремнистой породы.

В юго-восточной части жилища, у стены, зафиксировано углубление в полу на 0,12 м, размером 0,8 х 1,4 м. В нем

найден развал сосуда. Всего в жилище найдены развалы от 11 сосудов, большая часть которых находилась ближе к очагу и у восточной и западной стен (рис.18; 19; 20–*1*; 23–*1,2*).

Жилище 7 расположено на юго-западной стороне поселения, в 2,5 м к северо-западу от жилища 6. Оно прямоугольное, площадью 46 $м^2$ (6,4 х 7,2). В заполнении котлована супесь коричневого цвета, а у стен на дне она переходила в темно-черную с углистыми включениями. У южной стены и в юго-восточном углу жилища сохранились следы нар или развал стены в виде тлена от горевших бревен.

В центре дома находился очаг, диаметром 1,4 м, углубленный в пол на 0,05 м. В жилище найдены развалы от 6 сосудов (рис.20–*2*; 21–*2,3*; 22; 23–*3*).

Следует заметить, что жилища 6 и 7 построены по единому стандарту: стены их попарно параллельны, они одинаковы по площади и оба ориентированы по длинной оси с северо-востока на юго-запад.

Жилище 8 расположено в западной стороне поселения; оно квадратное, площадью 50,4 $м^2$ (7 х 7,2 м), стены ориентированы по сторонам света. Следы горевших стен сохранились в виде темно-серой с углистыми включениями супеси по периметру котлована шириной от 0,6 – 0,8 м до 1 – 1,2 м.

В центре дома находился очаг, диаметром 1,3 м, углубленный в пол на 0,06 м. У западной стены жилища, за очагом, вскрыта яма овальной формы, размером 0,4 х 0,8 м, глубиной 0,3 м, округлое дно которой было выстлано углистой черной прослойкой толщиной 0,01 м. В яме найдены фрагменты керамики от 2 сосудов.

Большая часть находок обнаружена у очага, у северной и восточной стен – развалы от 10 сосудов (рис.24), 3 каменных изделия. Наибольший интерес представляют две пластины, использовавшиеся для резки мяса; небольшой участок края одной из них применялся для обработки дерева (рис.50–*3*). Кроме того, найден отщеп из зеленой кремнистой породы.

У южной стены находки практически отсутствовали. По-видимому, в этой части дома находилось место для отдыха.

Жилище 9 занимало северо-западную часть поселения, оно прямоугольное, площадью 47,6 м^2 (6,8 х 7 м), глубина котлована – 0,2 м. В центре помещения находился очаг, сохранившийся в виде пятна овальной формы бурой супеси, размером 1,2 х 1,4 м, углубленный в пол на 0,04 м. В очажном слое зафиксировано скопление мелких кальцинированных косточек.

Находки в основном были сосредоточены в северо-восточной и восточной частях дома – это развалы от 10 сосудов (рис.25 – 27), обломки глиняных грузил – 3 экз., тигель, 2 абразива по металлу (рис.50–*9*).

Жилище 10 расположено в северо-западной стороне поселения, в 1 м к северо-востоку от жилища 9, и в определенной степени является его аналогом: оно прямоугольное, площадью 47,6 м^2 (6,8 х 7 м), углублено в материк на 0,25 м. Стены обоих домов параллельны, а углы ориентированы практически по сторонам света.

Очаг находился в центре жилища, размер его 1,2 х 1,4 м, углублен в пол на 0,05 м. В северо-восточной стене дома, почти в середине, зафиксирован выступ материкового песка подпрямоугольной формы, размером 0,5 х 0,6 м, разрывающий линию очертания котлована. С внешней стороны материковый останец фиксировался как ниша в стене. Возможно, во время строительства дома на этом месте было большое дерево, которое не смогли или не захотели убрать, поэтому стена получилась составной.

В жилище найдены развалы от 5 сосудов (рис.28), обломки 2 глиняных рыболовных грузил и 3 каменных изделия – фрагмент наконечника стрелы, отщеп от шлифованного орудия и плитка, служившая абразивом по металлу (рис.50–*10*).

Жилище 11 находилось в северной стороне поселения; оно прямоугольное, площадью 49,6 м^2 (6,8 х 7 м), котлован углублен в материк на 0,25 м, в заполнении его – супесь светло-коричневого цвета, по всему периметру переходящая в темно-серую, с углем на дне котлована.

Очаг, диаметром 1,2 м, находился на полу и был смещен от центра в северную часть жилища. Вокруг очага зафиксирован небольшой прогиб пола. В заполнении очага – бурая супесь с вкраплениями угля.

Находки сосредоточены у очага и стен жилища – развалы от 4 сосудов (рис.29 – 30), обломки тиглей, рыболовных грузил, фрагмент наконечника стрелы, абразив по металлу (рис.50–*8*), 5 пластин, среди которых функционально определены проколка (рис.49–*16*), вкладыши наконечников метательного оружия и ножей для разделки мяса, орудия для обработки дерева.

Жилище 12 находилось справа от входа на поселение. Оно прямоугольное, площадью 49 м^2 (6,8 х 7,2 м). В юго-восточной части котлована, на полу, зафиксированы следы от горевших деревянных конструкций. В центре дома имелся очаг, диаметром 1,2 м, углубленый в пол на 0,02 м. Мощность очажного слоя – бурой супеси – 0,16 – 0,18 м.

Находки сосредоточены у очага и стен жилища – развалы от 23 сосудов (рис.31 – 34), обломки глиняных рыболовных грузил, тигель, изделия из камня: 2 пластины и 3 отщепа. Одна из пластин определена как вкладыш наконечника метательного оружия, а один из отщепов – как резчик по дереву.

Жилище 13 расположено слева от входа на поселение; оно прямоугольное, площадью 49 м^2 (6,8 х 7,2 м). Котлован с отвесными стенками углублен в материк на 0,24 м. Углы дома ориентированы практически по сторонам света. По всему периметру котлована, под слоем светло-коричневого цвета, прослеживалась полоса темно-серой супеси на материке ши-

риной до 0,9 м. В юго-западном углу сохранились следы от горевших деревянных конструкций в виде тлена.

Очаг, диаметром 1,2 м, углубленный в пол на 0,07 м, был значительно смещен от центра в юго-восточную часть дома. В его заполнении – супесь бурого цвета – найдено большое количество металлического лома – всплески, капли, слиточки меди весом 29,2 г.

К северу от очага зафиксировано углубление в пол на 0,1 м овальной формы, размером 0,8 х 1,6 м, заполненное буро-рыжей золистой супесью. К северо-западу от очага находилось еще одно углубление в полу на 0,12 м, размером 0,9 х 1 м и заполненное, как и очаг, супесью бурого цвета. Возможно, это остатки очагов, функционировавших в разное время или используемых для разных целей.

Находки были приурочены к очагу и юго-восточной стене – развалы от 10 сосудов (рис.35 – 37), обломок глиняного рыболовного грузила, наконечник стрелы подтреугольной формы со скошенным прямым основанием из розово-серого кремня (рис.48–*12*), фрагмент наконечника из зеленой кремнистой породы, абразивная плитка для затачивания металлических предметов, 3 пластины, 3 отщепа, обломок кварцитовой гальки. Две пластины являются комбинированными орудиями – вкладыши ножей по мясу и резчики по дереву (рис.50–*1*). Третья пластина использовалась как сверло по кости или рогу.

Жилище 14 находилось в северо-восточной стороне поселения; оно прямоугольное, площадью 44 м^2 (6,3 х 7 м), котлован углублен в материк на 0,2 м. В центре дома – очаг, диаметром 1,3 м, заполненный супесью бурого цвета с остатками угля. На дне очага, углубленного в пол на 0,06 м, прокаленный песок.

К очагу примыкало углубленное в пол на 0,04 м пятно бурой супеси, диаметром 1,4 м, возможно, второй очаг, но он функционировал в другое время или имел иное назначение.

Находки – фрагменты и развалы от 8 сосудов (рис.38) и изделия из камня залегали у очага и восточной стены жилища. Два скребка из розово-серого кремня использовались для скобления шкур (рис.49–*5,6*). Небольшая плиточка применялась для затачивания металлических предметов. Особый интерес представляют два сверла по твердому материалу, скорее всего камню (рис.49–*9, 10*). Пластины, 4 экз., определены как вкладыш ножа для мяса, комбинированный с резчиком по дереву; развертка для расширения отверстий в деревянных изделиях; скобель по дереву. Одна пластина без следов использования. Кроме того, найден фрагмент острия наконечника стрелы из розово-серого кремня.

Жилище 15 находилось в северо-восточной стороне кольца домов; оно прямоугольное, площадью 45,5 м^2 (6,5 х 7 м). Котлован углублен в материк на 0,25 м. Светло-коричневая супесь, заполняющая котлован, у стен на дне имела темно-серый цвет.

В центре дома находился очаг овальной формы, размером 1,2 х 1,4 м. Он располагался на полу и сохранился в виде прокала оранжевого цвета на материке под слоем бурой супеси с вкраплениями угля.

Находки были сосредоточены у очага, в северо-западном углу и у северной стены – это развалы от 6 сосудов (рис.39 – 40), фрагменты глиняных рыболовных грузил, изделия из камня: ребристая пластина из кремнистого зелено-серого сланца, скол со шлифованного орудия.

Жилище 16 расположено в западной стороне поселения, котлован с отвесными стенками углублен в материк на 0,2 м и заполнен супесью светло-коричневого цвета. Внешние очертания котлована, как и у других жилищ на поселении, отчетливо фиксировались в виде прямой линии на материке, поскольку по всему периметру сохранились следы тлена с углем от горевших деревянных конструкций. Однако у прямоугольного котлована отсутствовал юго-восточный угол:

вместо него на участках Ю–15, 16 фиксировался останец материкового песка подпрямоугольной формы, размером 1,2 х 1,8 м, так что западная и южная стены оказались короче, а площадь дома – 43 м^2 (восточная и северная стены имели длину 6,4 и 7 м). Возможно, это был вход в жилище (?), хотя подобная ситуация на поселениях ташковской культуры нами встречена впервые.

Вместо угла, почти в центре материкового останца (участок Я–16), находилась яма диаметром до 0,6 м, глубиной до 0,35 м, заполненная черной супесью с углем без находок.

Вдоль стен с внутренней стороны на полу залегал достаточно мощный слой черной супеси с углем (до 0,03 – 0,04 м), имеющий сложную конфигурацию.

В центре сооружения находился очаг диаметром 1,3 м, заполненный супесью бурого цвета. В западной стороне, на полу котлована, зафиксированы три ямки: одна, диаметром 0,36 м, была углублена в пол на 0,15 м и заполнена черной супесью с углем (участки Щ, Ы–15, 16); две другие, диаметром 0,2 м, глубиной 0,12 м, находились на участках Ы–15 и Ы–16, в заполнении их – та же черная супесь с углем. Находки в ямках отсутствовали.

На дне жилища найдены развалы от 9 сосудов (рис.41), изделия из камня – 6 экз.: 3 наконечника стрелы иволистной формы с черешком из кремнистых пород различных оттенков зеленого цвета (рис.48–*2, 4, 7*). Острие одного из наконечников было использовано как сверло по твердому материалу, скорее всего камню (рис.48–*7*). Другие изделия – скребок по шкуре из розово-серого кремня (рис.49–*7*) и два отщепа без ретуши и следов использования. Находки в основном были сосредоточены вдоль северной стены и очага.

Жилище 17 находилось в восточной стороне поселения; оно квадратное, площадью 49 м^2 (7 х 7 м), стены ориентированы по сторонам света; котлован с отвесными стенками и ровным дном имел глубину 0,25 м и был заполнен светло-

коричневой супесью. Вдоль стен у дна котлована – тонкий слой супеси темно-серого цвета с вкраплениями угля. В центре дома – очаг, диаметром 1,4 м.

У восточной стены, на полу (участок Ю-20), найден целый тигель, изготовленный на крупном фрагменте венчика сосуда. Развалы и фрагменты от 14 сосудов находились главным образом вдоль западной стены и очага (рис.42).

При вскрытии **впадины № 18** вместо ожидаемого котлована от жилища были зафиксированы следы большого кострища округлой формы, размером 4,6 х 5 м. Оно представляло собой чашевидное углубление в материк с пологими стенками и неровным дном, заполненное неоднородной, как по структуре, так и по цвету, супесью различных оттенков бурого, темно-серого, темно-коричневого цвета с включениями золы, угля, прокалов. На периферии кострище было углублено в материк на 0,08 – 0,12 м, а в центральной части, размером 2 х 3 м, – на 0,15 – 0,18 м, от чего на поверхности и фиксировалась неглубокая впадина (рис.7). В очажном слое находки практически отсутствовали, за исключением мелких фрагментов керамики ташковского типа, кусочков охры и единичных отщепов. По-видимому, формирование очажного слоя происходило постепенно, в течение длительного времени в результате многократного возжигания небольших кострищ, по всей вероятности, связанных с ритуальной практикой. Это предположение подтверждается найденными недалеко от кострища своеобразными находками, скоре всего имеющими культовое назначение: головка птицы (рис.46–*4*), днища от сосудов со своеобразным орнаментом и числовой символикой. Каких-либо следов производственной деятельности вблизи очага не обнаружено.

После выборки очажного слоя на материке зафиксированы следы от двух ям: одна – на участке И–17, с отвесными стенками, диаметром 0,4 м, глубиной – 0,43 м, в заполнении ее – супесь черного цвета с вкраплениями угля; другая – на

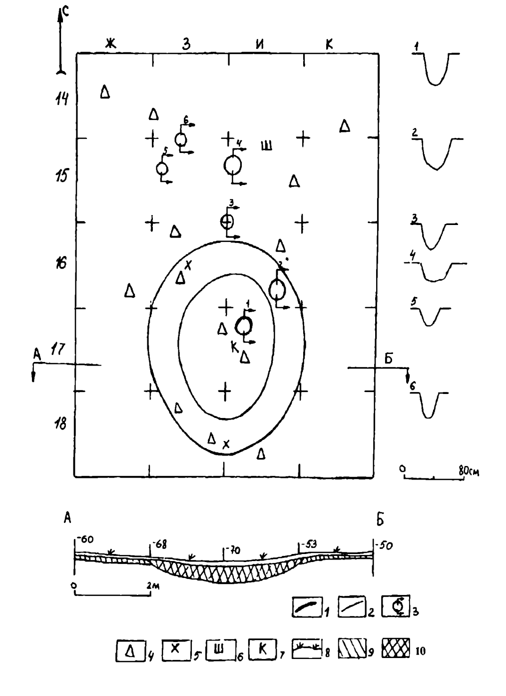

Рис.7. Поселение ЮАО-XIII.

План центрального очага и разрез по линии А–Б:

1 – очертания очага на глубине -85 см; *2* – очертания очага на глубине -95 см; *3* – ямы от столбов с указанием линии разреза; *4* – керамика; *5* – отщеп; *6* – шлифованное орудие или отщеп шлифованного орудия; *7* – охра; *8* – дерн; *9* – слой светло-коричневой супеси; *10* – слой бурой супеси

участке И–16, диаметром 0,4 м, глубиной – 0,2 м, в заполнении – супесь темно коричневого цвета (рис.7).

Другие ямки находились к северу и северо-западу от кострища: на участке З–16, диаметром 0,32 м, глубиной 0,28 м; на участке З–15, диаметром 0,4 м, глубиной до 0,3 м; на участке З–15 сохранились следы еще от двух ямок, одна из которых диаметром 0,25 м, глубиной 0,2 м, а другая – диаметром 0,25 м, глубиной 0,3 м. В заполнении ям – темно-серая супесь, находок не было. По-видимому, все эти ямки были от столбов, которые устанавливались специально для проведения ритуала. Диаметр и глубина ям позволяют сделать такое предположение. Особенно следует отметить наличие ям от столбов ниже основания кострища. Вероятно, они были установлены раньше, когда очажный слой был еще небольшим. Другие столбы могли быть установлены позднее, по мере накопления зольного слоя. Предполагать наличие какого-либо наземного крытого сооружения вряд ли возможно, поскольку ямки от столбов находились либо в кострище, либо поблизости от него (рис.7).

Строго напротив входа на поселение, в 10 м к югу от него (участки С,Т–11–12), зафиксированы остатки необычного сооружения, представляющего собой круглый «стол» – материковый останец диаметром 1,6 м, окруженный рвом (канавой) с отвесными стенками, глубиной 0,5 м, шириной 0,7 – 0,8 м. В канаве, заполненной супесью серого цвета, найдены единичные мелкие фрагменты керамики ташковского типа. В северо-западной части останца находилась ямка диаметром 0,25 м, глубиной 0,2 м, заполненная супесью серого цвета без находок; на дне рва (участок С–12–13) имелась другая яма, по-видимому, от столба, ее диаметр 0,35 м, углублена ниже дна канавы на 0,4 м.

К юго-западу от канавы (участок Р–13) зафиксирована еще одна яма, вероятно, также от столба, диаметром 0,26 м, глубиной 0,25 м, заполненная супесью черного цвета. К юго-

востоку от ямы на материке фиксировалась ровная полоса темно-серой супеси с углем длиной 1,2 м, шириной 0,2 м, мощностью до 0,04 – 0,05 м. Возможно, это след от упавшего и сгоревшего столба (?).

К востоку и юго-востоку от рва находились три очага: ближе всех (на расстоянии около 2 м) располагался очаг на участке У–13, округлой формы, диаметром 1 м, мощностью 0,12 м; другой очаг – на участке Ф,Х–12, диаметром 0,8 м, мощностью 0,25 м; третий – на участке Ф–14, диаметром 0,9 м, мощностью 0,13 м. Все они наземные, в заполнении – бурая супесь с углем и фрагментами керамики ташковского типа.

Можно предположить, что кольцевой ров вместе со столбами был частью какого-то культового сооружения. В отношении очагов нам пока не удалось решить вопрос об их синхронном или разновременном функционировании. С большой вероятностью можно предполагать приуроченность очага на участке У–13 к культовому комплексу. Рядом с ним найден раздавленный, полностью востанавливаемый сосуд – самый маленький на поселении (№ 62), скорее всего культового назначения.

Другие очаги находились главным образом в юго-восточной части внутреннего пространства поселения. Самый крупный из них – на участках Ф, Х – 21–22; он овальной формы, размером 1,5 х 1,8 м, мощностью 0,12 м. В заполнении – углистая супесь бурого цвета. Вокруг очага найдено 113 изделий из камня (пластины – 6 экз., отщепы – 44 экз., чешуйки – 63 экз.) – это один из 4 зафиксированных на поселении точков. Находки залегали на глубинах от –23 до –30 от условного нуля и концентрировались в пределах овала размером 1,7 м с севера на юг и 1,2 м – с запада на восток (рис.8). Еще один очаг находился напротив северной стены жилища 2, в 2 м от нее (участок Ф–26); он округлой формы, размером 1 х 0,8 м, мощность очажного слоя 0,12 м. Доста-

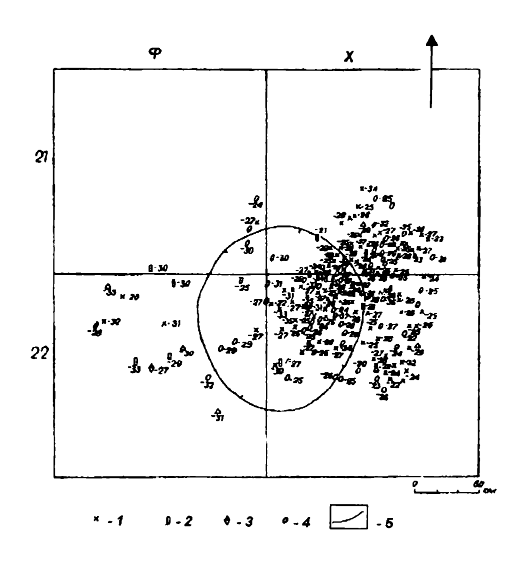

Рис.8. Поселение ЮАО-XIII. Точек в квадратах Ф–Х–21–22:
1 – отщеп; *2* – пластина; *3* – наконечник стрелы; *4* – керамика;
5 –граница очажного прокала

точно мощный очаг находился на участках Р,С–26–27, в 3 м к северу от северо-восточного угла жилища 3. Он округлой формы, размером 1,2 х 1,3 м, мощность очажного слоя 0,18 м. Следы небольшого кострища сохранились на участке С–23–24 – диаметр его 0,8 м, мощность слоя – 0,15 м. Очаги наземные, во всех найдены фрагменты керамики.

К югу от последнего очага зафиксированы 4 ямки, вероятно, от столбов. Диаметр их 0,2 – 0,25 м, глубина в материке – 0,2 м. Расстояние между ямками 1 – 1,5 м.

Следы еще одного кострища сохранились на западной стороне площади – участок Л–19. Оно округлой формы, диаметром 0,7 м, мощностью очажного слоя 0,12 м, в слое – фрагменты керамики.

Кроме очагов на поселении выявлены ямы, различные по размерам. Большинство из них находилось за пределами круга, но примыкало к стенам домов. На внутренней площадке, между жилищами 1 и 2 (участки Ч–25–26) раскопана яма овальной формы, размером 0,4 х 0,6 м, углубленная в материк на 0,25 м и заполненная супесью темно-серого цвета, в которой найдены единичные отщепы и фрагменты керамики. В юго-западном секторе поселения (участки К–25–26) находилась еще одна яма, размером 0,44 х 0,6 м, глубиной 0,3 м и заполненная коричневой супесью с единичными фрагментами керамики.

Другие ямы зафиксированы за пределами внутренней площади. Довольно большая яма выявлена к юго-западу от жилища 5; она овальной формы, размером 0,5 х 0,8 м, углублена в материк на 0,35 м. В заполнении ямы – коричневой супеси – найдены 2 фрагмента керамики. К северу от этой ямы зафиксированы 4 ямки от столбов диаметром 0,18 – 0,24 м, глубиной 0,15 – 0,17 м. Особенно интересной оказалась яма подпрямоугольной формы на участках Б–28–29 (в 2 м от юго-западного угла жил.6). Размер ее 0,7 х 0,9 м, глубина в материке – 0,6 м. Заполнение ямы неоднородное: слой серой

супеси у дна перекрыт прослойкой прокала, поверх которого слой пестроцвета. В яме найден обломок медного изделия, кальцинированные косточки, мелкие фрагменты керамики.

В 2 м к северу от этой ямы находилась еще одна (участок Б–27) овальной формы, размером 0,6 м х 1 м, глубиной 0,3 м; заполнена супесью коричневого цвета.

Между жилищами 8 и 9 (участок Б–14–15) раскопана яма диаметром 1 м, глубиной 0,2 м. В заполнении ее – супесь рыжего цвета, в которой найдены фрагменты керамики, отщеп, пластина, обломок шлифованного орудия. Довольно большая яма находилась в 3 м к западу от жилища 9 (участок А–11). Она овальная, размером 1,2 х 1,4 м, глубиной 0,4 м, с заполнением из светло-серой супеси. В яме найдены 3 фрагмента керамики и отщеп.

Неглубокая – 0,2 м, овальной формы и размером 1 х 1,1 м яма находилась около северо-западного угла жилища 10. Заполнение ямы – супесь коричневого цвета, в котором найдены 2 фрагмента керамики ташковского типа и отщеп. К этому жилищу примыкала еще одна яма размером 0,9 х 1,2 м, глубиной 0,2 м с заполнением супесью коричневого цвета; находки – 2 фрагмента керамики. И еще одна небольшая яма находилась между жилищами 10 и 11 (участки Ж, З–7): она округлой формы, размером 0,6 х 0,7 м, углублена в материк на 0,14 м; в заполнении – супесь коричневого цвета с фрагментом керамики.

На расстоянии 12 – 13 м к северо-востоку от входа (участки У,Ф–03–04), за пределами кольца домов, находилось кострище овальной формы размером 1 х 1,4 м, мощностью 0,15 м. Вокруг очага и в его заполнении найдено 244 изделия из камня – это еще один точек. Находки (скребок – 1 экз. – рис.49–*3*, пластины – 3 экз., отщепы – 25 экз., чешуйки – 215 экз.) концентрируются в пределах овала размером 1,2 м с севера на юг и 1,7 м с запада на восток.

Четвертый точек располагался на межжилищном пространстве в квадратах Л,М–21–22. Изделия из камня (389 экз.) залегали на глубине от -53 до -70 см от условного нуля тремя компактными группами. Одна из них – в южной части участка в пределах овала размером 0,8 м с севера на юг и 0,6 м с запада на восток. Вторая группа находок располагалась на пересечении квадратов Л,М–21–22, также в границах овала 0,4 x 0,6 м. В северо-западной части квадрата М–21 залегало третье скопление диаметром 0,3 м. С точком связаны 4 наконечника стрел, 3 пластины, 167 отщепов и 215 чешуек.

Сохранившиеся котлованы от жилищ и следы сгоревших бревен по их периметру позволяют реконструировать дома как наземные бревенчатые, по-видимому срубные, с двухскатной или односкатной крышей, крытой соломой или камышом. Основания домов были углублены на 0,2 – 0,3 м. В центральной части всех жилищ располагались наземные очаги с достаточно мощным очажным слоем. Входы в жилища не фиксировались. Вероятно, они устраивались в стенах, обращенных к площади и были неуглубленными (рис.9, 10).

Находки, большую часть из которых составляет **керамика**, в основном были сосредоточены в жилищах. Практически все фрагменты разобраны по сосудам, каждому из которых присвоен номер и заведена карточка с характеристикой формы, размера, техники и мотивов орнаментации. Из 208 выделенных на поселении сосудов в жилищах найдены 115, на межжилищном пространстве (в дальнейшем – МЖП) – 53 (табл.1).

Посуда плоскодонная, округлодонные сосуды единичны. По форме можно выделить два типа: слабопрофилированные горшки вытянутых пропорций, когда высота сосуда больше диаметра по венчику (например, сосуд № 68 – диаметр дна – 12 см, венчика – 32 см, высота – 41 см) и приземистые сосуды, у которых диаметр по венчику меньше высоты (сосуд № 3 – диаметр дна – 8, венчика – 17, высота – 14 см; со-

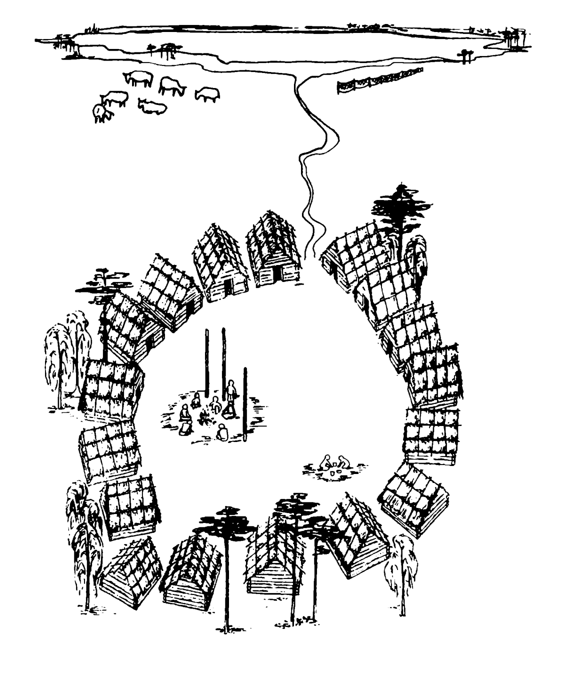

Рис.9. Поселение ЮАО-XIII. Реконструкция

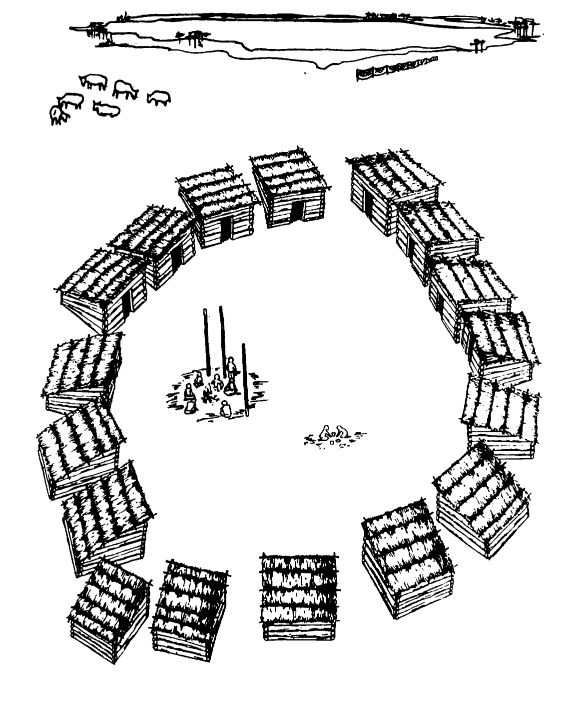

Рис.10. Поселение ЮАО-XIII. Реконструкция

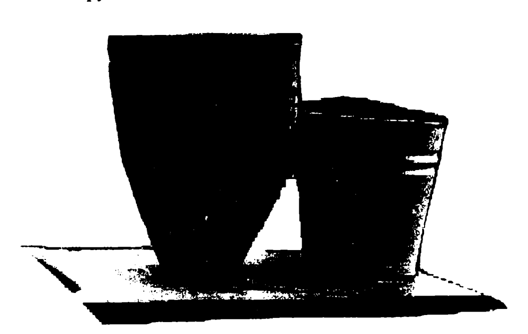
Таблица 1. Поселение ЮАО-XIII. Характеристика жилищ и распределение основных находок

№ жилища	Размер жилища, м	Площадь жилища, м^2	Диаметр очага, м	Сосуды, шт	Орудия на фрагментах керамики, экз.	Изделия из камня, экз.	Рыболовные грузила, экз.	Свидетельства металлообработки
1	6,8 x 7	47,6	1,4	9	5	1	2	+
2	6,8 x 7,4	50,3	1,4	7	6	2	1	+
3	7,3 x 7,4	54	1,2	10	6		25	+
4	6,4 x 7,2	46	1,0	8	10	7		
5	6,0 x 6,6	39,6	1 x 1,4	5		422	1	+
6	6,4 x 7,2	46	1,2 x 1,4	11	9	1		+
7	6,4 x 7,2	46	1,4	6	1			
8	7 x 7,2	50,4	1,3	10		3		
9	6,8 x 7	47,6	1,2 x 1,4	10	2	2	4	+
10	6,8 x 7	47,6	1,2 x 1,4	5	1	3	2	
11	7 x 7	49	1,2	4	2	11	1	+
12	6,8 x 7,2	49	1,2	23		4	6	+
13	6,8 x 7,2	49	1,2	10	1	10	1	+
14	6,3 x 7	44	1,3	8	1	10		+
15	6,5 x 7	45,5	1,2 x 1,4	6		2	2	
16	6,4 x 7	43	1,3	9	4	6		
17	7 x 7	49	1,4	14	4			+
МЖП				53	20	968	7	+
Всего:				208	72	1452	52	

суд № 52 – диаметр дна – 8, венчика – 16, высота – 15 см; сосуд № 49 – диаметр дна – 8 см, венчика – 18 см, высота – 14 см). Один сосуд (№ 175) выделяется как по форме, так и по орнаментации – это горшок высотой 10 см, диаметром дна 9,5 см, венчика 14 см с уступом (ребром) при переходе от шейки к тулову.

Срезы венчиков округлые, прямоугольные, скошенные внутрь, гофрированные. Иногда срез венчика орнаментировался насечками, пальцевыми вдавлениями.

Посуда изготовлена ленточным способом с донным начином. Ленты шириной 5 – 8 см крепились друг к другу внахлест, а места стыков уплотнялись поясками из глубоких ямочных вдавлений. В глиняном тесте – примесь песка, шамота, органики. Толщина стенок сосудов – 0,5 – 0,7 см, днищ – 0,4 – 0,8 см. Поверхность сосудов, особенно внешняя, тщательно заглажена, иногда залощена до блеска; на внутренней поверхности встречаются следы (бороздки) от заглаживающего инструмента.

Поселение ЮАО-XIII. Сосуд № 68

Емкость посуды также различна – от очень маленьких (№ 62 с диаметром дна 3,5 см, венчика – 6 см, высотой – 7 см) до очень больших (№ 68; рис.15).

Вся внешняя поверхность сосудов орнаментирована, нередко орнаментировались и днища. Узор наносился двумя основными способами: отступающей палочкой – накольчатая техника и гребенчатым штампом путем протаскивания, оттисков, шагающе-протащенной гребенкой. В редких случаях использовались гладкий штамп или прочерчивание; ямочный орнамент, за редким исключением, занимал подчиненное положение. Характеристика сосудов по технике орнаментации приведена в табл.2. На 80 сосудах орнамент выполнен отступающей палочкой с округлым концом (овальный накол); 44 сосуда орнаментированы оттисками гребенчатого штампа; 50 – шагающе-протащенной гребенкой; на 34 сосудах сочетаются накольчатая и гребенчатая техники или печатно-гребенчатая техника с шагающе-протащенной гребенкой (табл.2).

Одна из основных особенностей комплекса керамики ташковского типа – горизонтальная зональность в расположении орнамента. На большинстве сосудов выделяются три основные зоны: шейки, тулова и дна с придонной частью, но на ряде сосудов орнаментальные зоны не выделены. От венчика до днища они орнаментированы горизонтальными поясами из шагающей гребенки (сосуд № 49); шагающей гребенки в сочетании с поясками из ямочных вдавлений (сосуд № 80) или горизонтальными линиями, сгруппированными по 2 – 4 в сочетании с поясками из ямок (сосуд № 44).

Для каждой зоны характерен определенный набор мотивов. Всего выделено 144 мотива, в том числе по венчику – 48; по тулову – 47; по основанию шейки – 18; в придонной части – 19; 12 разделительных зон по тулову. Орнаментальные мотивы по тулову сосудов составлены из различных комбинаций прямых, волнистых, наклонных линий, зигзага,

ромбов, треугольников, «елочки», меандровидных узоров. Мотивы по венчику – это разнообразные сочетания ямочных вдавлений, насечек, наклонных линий, прямых и волнистых

Таблица 2

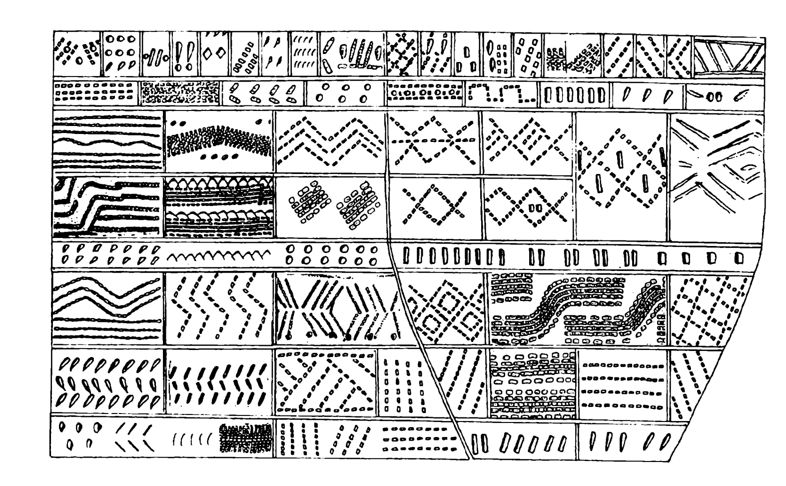
Поселение ЮАО-XIII.
Распределение сосудов по технике орнаментации

№ жи-лища	Техника орнаментации							Итого
	Отступающая палочка	Печатно-гребенчатый штамп	Шагающе-протащенная гребенка	Плоский штамп	Ямки, насечки	Отступающая палочка, гребенчатый штамп, протащенная гребенка	Гребенчатый штамп, шагающе-протащенная гребенка	
1	4	3	1			1		9
2	3	1	2			1		7
3	6		3				1	10
4	4		1		1		2	8
5		3	1			1		5
6	7	1	2			1		11
7	2	1	3					6
8	3	4	1		1	1		10
9	5		5					10
10			1	2	1		1	5
11		2	1		1			4
12	4	3	11		3		2	23
13	5	2	1	1			1	10
14	6	1					1	8
15	1	1	2		1		1	6
16	4	1	2		2			9
17	5	5	4					14
МЖП	21	16	9	2	3	1	1	53
Всего	80	44	50	5	13	6	10	208
% от общего кол-ва	38,46	21,16	24,05	2,4	6,25	2,88	4,8	100

Таблица 3

Поселение ЮАО-XIII. Расположение орнаментальных композиций на сосудах по зонам

Окончание табл.3

линий, реже встречаются ромбическая сетка, меандры. Наиболее сложные мотивы на днищах – крест, спираль, концентрические окружности, различные комбинации из насечек и ямок. Днища некоторых сосудов орнаментированы не только с внешней, но и с внутренней стороны (рис.45–*1*, 2, 46–*5*).

В отличие от керамики поселения Ташково II, на посуде ЮАО-XIII отсутствуют налепные валики по шейке сосуда. Больше сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом. Распределение орнаментальных мотивов по зонам приведено в табл.3.

Кроме посуды на поселении были найдены **керамические грузила** (51 экз.), большая часть которых находилась в жилищах (рис.47). Можно выделить их 4 типа:

– с раздвоенными концами в виде слегка выгнутых и уплощенных стержней длиной 8 – 12 см, шириной 1,4 – 2 см, толщиной 1,2 – 1,6 см, весом 23 – 38 г, которые отдельные исследователи склонны считать моталками – 42 экз.(рис.47–*1*–*3*);

– сигаровидное длиной 15,2 см, диаметром до 2 см, весом 61 г – 1 экз. (рис.47–6);

– с одним желобком, имеют форму слегка вытянутой и уплощенной сферы размером 2,9 х 3,7 х 4,2 см, весом 53 г и 2,3 х 3,9 х 4 см, весом 37 г – 2 экз. (рис.47–4);

– с двумя перекрещивающимися под прямым углом желобками, имеют форму параллелепипеда, небольшие – 2,5–3 х 3,8 см, толщиной 1,6 – 2,1 см, весом 23 – 28 г и более крупные – 4 х 5 см, толщиной 2,3 см, весом 62 г – 6 экз. (рис.47–5).

Можно отметить, что грузила последних трех типов на других памятниках ташковской культуры не встречены.

Орудия на фрагментах керамики имеют, как правило, фиксируемые невооруженным глазом следы использования на краях в виде затертости, заглаженности, линейных следов, перпендикулярных или слабо наклоненных к кромке. В по-

перечном сечении кромки скругленные или плоские, обычно наклоненные под острым углом к внутренней или внешней поверхности фрагмента. Трасологический анализ следов использования, проведенный с применением бинокулярного микроскопа МБС–10 и увеличений от 14 до 50 крат, показал, что большая часть этих орудий использовалась в качестве скребков по шкуре. Не исключено, что некоторая часть черепков могла служить скобелями по дереву или абразивами для затачивания металлических предметов. Однако достоверно определить эти функции не удалось. Всего выделено 72 фрагмента со следами износа на краях.

На поселении найдены фрагменты керамики, которым оббивкой по краю была придана округлая форма. Следов использования или шлифовки на краях, как и отверстий в центре, нет. В среднем они имеют диаметр 5 см при толщине черепка от 0,5 до 0,7 см. Возможно, эти предметы были **заготовками для** так называемых **пряслиц**. О знакомстве населения ташковской культуры с этим типом изделий свидетельствуют находки на поселении Ташково II[3].

Изделия из камня. Многослойность памятника обусловила необходимость выделения каменного инвентаря, относящегося к комплексу ташковской культуры. За основу были взяты изделия, найденные в жилищах, прежде всего на дне котлованов. Как показал стратиграфический и планиграфический анализ, ниже пола домов культурного слоя раннебронзового времени нет. Также нет слоев или находок, относящихся к более раннему времени. Вероятно, при сооружении котлована весь более ранний материал перемещался с выкидом и уже вне пределов очертаний жилищ оказывался погребенным под новыми напластованиями. Для атрибуции находок на МЖП и за пределами кольца домов, кроме учета их стратиграфического и планиграфического положений, проводилось сравнение по характеру сырья и типологическим признакам с изделиями, выделенными как эталоны.

Оказалось, что наконечники стрел и скребки образуют устойчивые серии с характерным набором типологических признаков и отличающихся по сырью от материалов других эпох. По аналогии с этими орудиями были выделены и другие находки изделий из камня.

Всего комплекс каменного инвентаря ташковской культуры включает 1452 экз. В качестве сырья в основном использовались кремнистые породы: 1210 экз. (83,3% от всего комплекса); в их числе преобладает розово-серый кремень различных оттенков – 725 изделий (49,9%); в небольшом количестве представлены яшмы. Кроме того, использовались сланцы, мелкозернистый кварцит и некоторые другие породы камня (210 экз. – 14,5%). Для изготовления шлифованных изделий использовалась зеленокаменная порода – 32 экз. (2,2%). Следует отметить, что розово-серый кремень принципиально отличается от сырья неолитического времени. Его главными особенностями являются своеобразный оттенок и более высокое качество. Зеленая, зелено-серая и серая кремнистые породы по цвету нехарактерны для неолитического материала данного памятники и отличаются от сырья, связанного с эпохой энеолита. Следует отметить, что находки энеолитического времени локализуются в основном за пределами кольца жилищ, в северной части памятника. На этом участке находки, относящиеся к ташковской культуре, немногочисленны, залегают либо непосредственно в поддерновом слое, либо ниже его на 3 – 5 см, но всегда выше находок более раннего времени. Из каменных изделий, найденных на этой части памятника, в состав комплекса раннебронзового времени включены только те изделия, которые по своим морфологическим признакам и сырью можно уверенно соотнести с изделиями, найденными в нижних горизонтах заполнения котлованов жилищ. Не исключено, что включение некоторых находок в состав ташковского комплекса спорно. Однако эти изделия единичны и не могут существенно по-

влиять на общий облик каменной индустрии, во всяком случае наконечники стрел, скребки, большая часть пластин были выделены, на наш взгляд, корректно. Менее уверенно это можно сказать о шлифованных орудиях. Различия в характере сырья этих изделий незначительные. Четких критериев для разделения их по форме или технике обработки не выработано. Поэтому с ташковским комплексом были соотнесены только те находки, которые по своему стратиграфическому или планиграфическому положению можно выделить с большой долей вероятности.

Представление о технике раскалывания камня дают орудия и продукты расщепления. Орудия представлены кварцитовыми отбойниками двух типов - крупной и двумя мелкими гальками.

Нуклеусы в коллекции отсутствуют. Их немногочисленные обломки невыразительны. Однако характер пластин – тонкие, призматические, с тщательно подготовленными ударными площадками, преимущественно средние по ширине (0,8 – 1,5 см) – позволяет предположить использование призматических ядрищ. Возможно, раскалыванию подвергались плитки, для которых требовалась минимальная предварительная подготовка. Ориентируясь на критерии, предложенные Е.Ю.Гирей и Л.Е.Нехорошевым, можно предположить использование техники отжима[4]. Об этом свидетельствуют регулярность расположения и высокая степень параллельности ребер на спинке, ровность краев, отношение длины к толщине, достигающая у отдельных экземпляров до 23 : 1 (в среднем 19 : 1, при этом нужно учесть, что целые пластины единичны).

Индустрия памятника имеет выраженный пластинчатый характер. Хотя отщепы (1208 экз.) составляют 83,2% всей коллекции каменных изделий, чешуйки размером до 1 см, непригодные для использования в качестве заготовок (779 экз.), составляют 53,7% от числа всего каменного инвентаря.

В то же время из 117 пластин (8,1%) практически все могли быть заготовками. Преобладание орудий на пластинах по отношению к орудиям на отщепах подтверждают и данные трасологического анализа (3,6 : 1).

Среди продуктов расщепления преобладают средние по ширине (0,8 – 1,5 см) пластины – 94 экз. (6,5% от числа всех изделий из камня), чешуйки (до 1 см) – 779 экз. (53,7% всех изделий) и мелкие (от 1 до 3 см) отщепы - 414 экз. (28,5% всех изделий).

В составе орудийного набора выделяются пластины и отщепы с ретушью – 33 и 9 экз. соответственно, – скребки – 7, наконечники стрел – 34, фрагмент ножа – 1, сверла – 4, резцы – 2, резчики – 2, шлифованные орудия и их фрагменты – 32.

В технике вторичной обработки преобладает двухсторонняя ретушь на наконечниках стрел и ноже – 35 экз. (28,9% изделий с вторичной обработкой), заостряющая – 32 (26,4%) и затупливающая – 19 (15,7%). Заметных предпочтений в расположении ретуши нет.

На территории поселения раскопаны 4 производственные площадки, связанные с расщеплением камня и изготовлением орудий. Центром трех площадок являлся очаг. Несколько каменных изделий, в том числе наконечник стрелы, скребок из розово-серого кремня с синеватым оттенком, найдены в пределах площадок и связанных с ними очагов. Как показало прокаливание изделий из более светлой породы этого вида, потемнение и характерный синеватый оттенок являются следствием нагревания. На скребке, связанном с площадкой, находящейся за пределами поселения, заметны участок матовой "преповерхности" и блестящие сколы снятий Эти признаки, по мнению Е.Ю.Гири, свидетельствуют о применении тепловой обработки камня. В основном она могла способствовать нанесению на заготовку отжимной ретуши[5].

С использованием абразивной техники связаны 32 находки, только 7 из них – более или менее сохранившиеся орудия. Остальные 25 – отщепы и осколки.

Наконечники стрел – 34 экз. (рис.48–*1–19, 21–26*), из них 13 – обломки, по которым нельзя достоверно реконструировать форму целого изделия. Выделяются два основных типа: иволистные с черешком – 9 экз. и подтреугольные без черешка с основанием различной формы (прямым, скошенным, выпуклым, вогнутым) – 12 экз. Можно отметить тесную связь типа наконечника с сырьем и техникой изготовления. Иволистные с черешком наконечники сделаны на пластинах, подтреугольных или трапециевидных в сечении, оформлены краевой ретушью, как правило, со стороны брюшка, более плоской и двухсторонней ретушью оформлены черешок и острие (исключение составляет только один со сплошной двусторонней ретушью). Заготовками для изделий второго типа служили плитки и отщепы розово-серого кремня различных оттенков и мелкозернистого кварцита. Наконечники из кремня тонкие (до 0,2 см). Ретушь плоская, сплошная, двухсторонняя, отжимная. Изделия из кварцита характеризуются теми же чертами, но более грубо выраженными. Нужно отметить, что наконечники стрел этих типов были распространены в Нижнем Притоболье в энеолитическое время. Отличительными чертами орудий ташковского комплекса являются сырье, более ровные края, более плоская и мелкая ретушь, более тщательное оформление. Эти различия особенно хорошо проявляются при сравнении с коллекцией каменного инвентаря могильника на Большом Андреевском острове[6].

Наконечники копий или ножи представлены обушковой частью одного изделия размером 5,9 х 2,7 х 0,4 см, изготовленного из плитки зеленой кремнистой породы (рис.48–*20*). Ретушь двухсторонняя, плоская, негативы фасеток округлые

и удлиненные. Судя по разнице в их форме и размерах, плитку сначала оббивали, а затем ретушь наносили отжимом.

Скребки – 7 экз. изготовлены на пластинах (концевые 3 экз.) и на отщепах (4 экз), по параметрам близкие к концевым (рис.49–*1–7*). Во всех случаях сырьем послужил розово-серый кремень. Лезвия скребков выпуклые, дугообразные, оформлены крутой, на большинстве экземпляров веерообразно расходящейся ретушью. Характерной чертой является высокое основание головки, в среднем в 1,5 раза превышающее минимальную толщину заготовки.

Пластины с ретушью – 33 экз. (рис.49–*9–18, 20–31*, 50–*1–7*); преобладают изделия с односторонней на спинке – 12 экз. Вероятно, во многих случаях она сочетается с ретушью утилизации или подживляющей.

Сверла представлены 4 экз., в одном случае кончик орудия сломан, но выражены плечики, три других выделены по наличию противолежащей сходящейся на острие ретуши. Все эти орудия изготовлены на пластинах (рис.49–*9–12*).

Резцы и резчики – угловые, одинарные на пластинах (по 2 экз.; рис.49–*13–14*).

Кроме 4 скребков выделено 9 отщепов с ретушью, не имеющих выраженной орудийной формы.

Шлифованные орудия (7 экз.) – тесла и топоры с полностью шлифованной поверхностью, из них 2 имеют линзовидное сечение, а 5 – многогранное (рис.51–*4–8*). Этот факт может говорить об использовании разных способов предварительной обработки заготовки – оббивкой или выпиливанием[7].

Для установления функционального назначения был проведен трасологический анализ коллекции орудий под руководством Г.Ф.Коробковой. В работе использовался бинокулярный микроскоп (МБС–10), дающий увеличение до 100 крат. Для уточнения определений функций некоторых ору-

дий применялись металлографический микроскоп и увеличение до 200 крат. Практически для всех изделий характерна плохая сохранность поверхности, что затрудняло, а в некоторых случаях делало невозможным определение функции по микропризнакам. Орудия залегали в довольно рыхлом песчаном грунте, возможным результатом воздействия которого стал сильный блеск, сплошь покрывающий предметы и перекрывающий заполировку и линейные следы. Функции сильно деформированных орудий, а также инструментов, не имеющих ярко выраженных микропризнаков, определялись по макропризнакам[8].

В результате анализа были выделены 123 изделия со следами использования (8,5% от всех предметов из камня). В основном заготовками орудий служили пластины – 71 экз. (60% от всех пластин) и 20 отщепов (1,7% от числа всех отщепов). В 55 случаях заготовки орудий были оформлены ретушью: наконечники стрел и их обломки (34 экз.), фрагмент ножа (1 экз.), резцы (2 экз.), скребки (7 экз.), орудия с боковой выемкой (3 экз.), пластины с ретушью (1 экз.) и шлифованные орудия (7 более или менее целых). В других случаях использовались неретушированные заготовки, гальки, плитки.

С охотой связаны 69 орудий. Наконечники стрел и их обломки имеют следы использования, характерные для оружия ударно-проникающего действия, в большинстве случаев видимые невооруженным глазом. Фрагменты делятся на две группы - кончики острия и насады. Первые, вероятно, результат сломов в момент проникновения наконечника в тело животного, и были принесены на поселение вместе с тушами. Вторые, возможно, были выброшены при ремонте охотничьего вооружения. Полифункциональное использование для этих изделий не характерно. Только в одном случае наконечник был использован как сверло по камню.

Кроме цельнокаменных население поселка использовало и вкладышевые наконечники, но, возможно, в меньшей степени. Выделено 5 вкладышей, заготовками для которых послужили сечения пластин шириной до 1 см. Износ на них напоминает вкладыши мясных ножей, но выражен более слабо, редкие фасетки ретуши утилизации более сильно наклонены к кромке и имеют меньшие размеры, чем на вкладышах ножей. В паз эти изделия крепились параллельно оправе.

Выделено 29 вкладышей ножей для мяса, из них 27 – сечения пластин длиной до 5 см. Для двух других были использованы длинные (до 7,3 см) и почти целые пластины. Характер и степень износа одинаковые для всех орудий этого типа: незначительная выкрошенность, кромка слабо затуплена, ретушь утилизации почти не выходит за пределы кромочной линии, фасетки двух типов - полулунные, выламывающие край и единичные, плоские, с краями, диагональными кромке. Заполировка прослеживается в редких случаях также, как и линейные следы. Большая часть вкладышей полифункциональна (19 из 29). Как правило, износ, характеризующий другую функцию, накладывается на лезвие ножа по мясу. Способ крепления, как и у вкладышей наконечников метательного оружия, параллельно оправе.

Разделочные ножи (?) представлены единственным обломком обушковой части изделия (рис.48–*20*). Острие отсутствует, поверхность изделия сильно деформирована и окатана, что позволяет установить его функцию только предположительно и в основном на основании его морфологии.

С обработкой металла связаны 6 абразивов для затачивания металлических предметов (рис.50–*8–9*). Для них характерны четкие линейные следы и специфический "металлический" блеск рабочей поверхности, особенно четко фиксируемый на орудиях из более твердых и однородных по

структуре пород камня. На 4 инструментах хорошо видны желобки - длинные, узкие, неглубокие, позволяющие предполагать, что эти орудия были использованы для затачивания мелких предметов типа игл, шильев.

С изготовлением орудий труда из камня связаны отбойники. Один из них – крупная кварцитовая галька (3,3 х 4,6 х 7,6 см) весом около 200 г – использовался, вероятно, для грубой оббивки (рис.51–*1*). Другой – небольшая яйцевидная галечка (2,1 х 2,5 х 3,5 см) весом около 20 г – являлся ретушером ударного действия (рис.51–*2*). Оба орудия имеют следы износа в виде пикетажа на двух торцах. Третья галечка, типологически выделенная как отбойник, выраженных следов использования не имеет (рис.51–*3*).

Интересны три сверла по камню. Все они изготовлены из зеленой яшмовидной породы. Два – на толстых, до 8 – 9 мм, пластинах (рис.49–*9–10*), а третье - на острие иволистного наконечника стрелы (рис.48–*2*). Характерными признаками являются сильная затертость рабочих поверхностей, особенно на гранях и ребрах, четкие линейные следы. Судя по характеру последних - прерывистые, накладывающиеся друг на друга, более четко выраженные на одной стороне, чем на другой, а также по асимметричной форме рабочей части в плане, два сверла использовались для ручного сверления. Другой характер износа имеет третье орудие этого типа. Все грани сработаны равномерно, линейные следы четкие, строго параллельны друг другу, острие симметричное в плане, что свидетельствует об использовании станкового сверления.

С обработкой шкур связаны 14 орудий: 8 скребков (рис.49–*1–8*), 5 проколок (рис.49–*15–16*), 1 развертка (?). Все скребки имеют довольно слабый износ рабочего лезвия. Шесть из них изготовлены на отщепах, рабочие лезвия оформлены характерной ретушью. Боковые края имеют мелкую, иногда двустороннюю намеренную ретушь, предназначенную, возможно, для более жесткого закрепления ору-

дия в рукоятке. Один скребок изготовлен на конце пластины. От вышеописанных его отличает более короткое лезвие и отсутствие подработки на боковых краях. Он также использовался в рукоятке. Для другого скребка был использован торец пластины без вторичной обработки, ретушь видна только под микроскопом, кромка очень тонкая, скругленная, заполировка типичная для орудий по шкуре. Вероятно, этот скребок использовался для выскабливания участков, трудно доступных для скребков с длинным лезвием или выделки небольших мягких шкурок.

Для проколок в 4 случаях были взяты неретушированные заготовки и в качестве рабочей части использовались естественные острые концы сколов (рис.49–*16*). Только в одном случае пластина была специально оформлена вторичной ретушью (рис.49–*16*). Это орудие имеет наиболее сильную степень сработанности.

Еще одно орудие, связанное с обработкой шкур, весьма своеобразно. Это плитка, подпрямоугольная в сечении и коническая в плане, изготовлена с применением абразивной техники, рабочий конец округлен (рис.49–*19*). На этой части орудия фиксируется развитая заполировка, характерная для орудий по шкуре. Вероятно, изделие использовали для расширения отверстий в толстых шкурах после прокалывания.

Большая группа инструментов связана с обработкой дерева – 58 экз. (47,2% от всех орудий), из которых 40 (32,5%) комбинированные. Представлены практически все возможные рабочие операции.

Наиболее многочисленны резчики – 21 экз. Однако только один монофункционален. Для всех остальных использованы орудия другого функционального назначения, и резчик, как правило, накладывается на уже утилизированное лезвие. В качестве основы использовались мясные ножи - 13 экз., скобели для дерева – 3, строгальный нож для дерева – 1, пилка для дерева – 1 экз. Представляет интерес нож для

обработки дерева, на рабочих участках которого удалось определить три функции – пилка с 2 лезвиями, часть одного из лезвий использовалась для скобления, а один из углов использован как резчик. Характер следов износа на рабочих кромках резчиков позволяет установить различные способы их использования: строгание, выскабливание, прорезание. Интересен один клювовидный резчик на углу сломанной пластины, вероятно, использовавшийся для тонкой гравировальной работы.

Стоит остановиться на особенностях орудий с резцовыми сколами, представленных 2 экз. Типологически это одинарные боковые резцы на пластинах, использованные первоначально как вкладыши мясных ножей. Но в одном случае резцовый скол использован для закрепления вкладыша в оправе или рукоятке, и 2 резчика для дерева занимают углы противоположного торца, накладываясь на первоначальную функцию. Во втором случае резцовый скол был нанесен для подправки лезвия мясного ножа, а затем угол скола использован как резчик со строгающей кинематикой.

Вторым по численности типом орудий для обработки дерева являются скобели – 13 экз. В 6 случаях длина рабочего лезвия не превышает 1 см, возможно, эти орудия применялись для обработки мелких предметов. Кроме того, один скобель изготовлен на отщепе (все остальные - на пластинах и сечениях пластин) и имеет морфологию скребка и выпуклое дугообразное лезвие. Однако под микроскопом заметна двухъярусная выкрошенность. Фасетки нижнего яруса мельчайшие, кромочные, образуют на отдельных участках легкую забитость, фасетки верхнего яруса более крупные, группируются, образуя ретушь утилизации, напоминающую вторичную. Кромка очень тонкая, в плане непрерывная. Характерная для орудий по дереву заполировка занимает вершинки микрорельефа. Орудие использовалось в рукоятке, вероятно, для выскабливания полостей при изго-

товлении деревянной посуды. В других случаях использовалась, как правило, вся длина края пластины.

Пилок для дерева выделено 8 экз. Заготовками для них служили сечения пластин длиной от 3,3 см до 6,8 см. В работе использовался практически весь край пластины. В трех случаях на втором крае - скобель по дереву и в одном пилка комбинируется со строгальным ножом для дерева. Кроме того, на трех орудиях фиксируются резчики для дерева. По величине угла заострения рабочего лезвия выделяются 2 группы: первая – от 26° до 31° (8 лезвий) и вторая – 40 – 42° (5 лезвий). Интересно отметить, что лезвия с большим углом заострения имеют более четко выраженные линейные следы или линейную направленность заполировки, которая в целом также более выражена. В то же время лезвиям второго типа присуща более интенсивная ретушь утилизации и сильно затупленная кромочная линия, на некоторых участках фиксируется легкая забитость.

Строгальные ножи для дерева – 7 экз., один из них двулезвийный. Заготовками служили пластины и сечения пластин. Особый интерес представляет нож с выемкой, оформленной намеренной ретушью. Выемка располагается ниже рабочей поверхности лезвия, следов утилизации на этом участке нет. Вероятно, она служила для упора пальца при работе. От скобелей по дереву эти орудия отличаются большим углом наклона фасеток ретуши утилизации к кромочной линии, слегка зубчатым профилем лезвия, более тонкой кромкой, в некоторых случаях прослеживается заполировка, далеко заходящая на боковую сторону, прилегавшую к поверхности обрабатываемого материала.

Сверла и развертки по дереву представлены соответственно 1 и 2 экземплярами. Для них характерна двухсторонняя, мелкая, как правило, двухъярусная выкрошенность на обоих краях, прилегающих к острию. Сработанность на одном крае более интенсивная, что вместе с асимметричностью

рабочей части свидетельствует о ручном использовании этих орудий. Кромка в плане и профиле волнообразная, заполировка занимает выступающие участки микрорельефа, линейные следы практически не прослеживаются. Развертки в отличие от сверла не имеют следов сработанности на конце рабочей части. В работе были задействованы прилегающие к ударному бугорку края пластин, что, вероятно, связано с желанием повысить износоустойчивость орудий. О размерах просверливаемых или расширяемых отверстий позволяет судить ширина рабочих частей этих инструментов: максимально от 0,9 до 1,3 см.

Шлифованные орудия в основном обломки; только 6 изделий имеют хорошую сохранность рабочих участков, позволившую изучить их под микроскопом. Выделено 5 топоров для рубки дерева и одно долото по дереву для мелких плотницких работ, использовавшееся в рукоятке.

Орудия по кости и рогу немногочисленные: 1 пилка с двумя лезвиями, два сверла и один резчик на углу пластины, противоположный торец которой был использован для скобления шкуры. Следы износа, характеризующие кинематику этих орудий, такие же, как и на описанных выше инструментах этих типов для работы по дереву. Однако лезвия орудий по кости и рогу имеют многоярусную, ступенчатую выкрошенность. Фасетки ретуши утилизации большие по размеру, характерным их признаком является забитость кромочной линии, границы заполированных участков четкие, что и позволяет отличить эти инструменты от деревообрабатывающих. Максимальный диаметр сверел для кости и рога меньше, чем у аналогичных инструментов для дерева, – до 0,7 мм. Интересно отметить, что заготовкой для одного из этих орудий послужила пластина с выемкой на боковой стороне ближе к торцу, противоположному рабочему острию. И в этом случае следов износа на участке, обработанном намеренной ретушью, нет. Таким образом, можно заключить,

что выемки на боковых сторонах пластин использовались только как упорные площадки для пальцев или как технический прием для закрепления в рукоятках.

Значительную часть в составе коллекции занимают комбинированные орудия - 32 экз. (26% от всех орудий) Наиболее часто (19 экз.) встречается комбинация вкладыша мясного ножа, служившего основой, с другой функцией, как правило, связанной с обработкой дерева, 17 орудий, из них в 13 случаях вторая функция – резчик по дереву. Два вкладыша с острыми концами использовались для прокалывания шкур.

Характерной чертой является сочетание двух кинематически разных функций, связанных с обработкой дерева – 10 экз.

Выше уже было описано своеобразное трехфункциональное орудие – пилка–скобель–резчик по дереву. Это единственный экземпляр такого рода. Обычно комбинировалось не более двух функций. В отличие от орудий для обработки дерева инструменты для кости и рога, как правило, монофункциональны. Только в одном случае резчик по кости и рогу сочетается со скребком по шкуре. Так же нехарактерным следует признать и полифункциональное использование наконечников стрел.

Вероятно, значительная часть орудий с комбинированными функциями, прежде всего в тех случаях, когда совпадает обрабатываемый материал, в действительности свидетельствует не более чем о смене одного активного элемента другим в едином технологическом процессе. Экспериментальные и этнографические данные показывают, что при производстве даже несложных изделий требуется применение различных по кинематике операций, которые осуществляются одним и тем же инструментом[9].

На поселении сохранились многочисленные следы **металлообработки**: ошлакованная и оплавленная керамика

иногда с каплями меди, целые тигли и их фрагменты, металлический лом, две медные платины. Большинство тиглей выполнены на фрагментах керамики: использовались боковые части сосудов или фрагменты венчиков со сферической поверхностью, к которым прикреплялись бортики высотой до 1 – 1,5 см. В глину для изготовления бортиков добавляли измельченные кости рыб, ракушку. Не исключено, что фрагменты от сосудов могли использовать многократно, в то время как бортики - один раз. Отдельные их фрагменты в большом количестве встречены у очагов в жилищах. Тигли округлой формы диаметром 10 – 12 см или овальные, размером в среднем 9 х 12 см (рис.12–*3*, 35–*2*).

Наиболее интересный тигель-льячка найден на МЖП. Размер сохранившейся части 8,4 х 6,9 см; высота тигля 3,6 см. На его внутренней стороны орнамент в виде «елочки», выполненный гребенчатым штампом и ямочными наколами, а с внешней стороны – такой же «елочкой», но без ямок (рис.52–*4*). Фрагмент тигля меньшего размера найден также на МЖП, длина сохранившейся части 5,8 см, толщина стенок – 2 см. Он орнаментирован ямочными вдавлениями только с внутренней стороны (рис.52–*5*). Фрагмент тигля найден в жилище 3, толщина стенок – 2,4 см (рис.52–*3*).

В жилищах 11 и 13, в очагах, обнаружен металлический лом. Целых изделий и литейных форм не найдено. Две медные пластины происходят с МЖП: одна размером 4,2 х 2,7 см (рис.52–*2*), другая размером 2,4 х 2,4 см (рис.52–*1*), их толщина – 0,01 см.

[1] См.: **Сосновкин И.Н.** Из историографии памятников материальной культуры Андреевского озера // Исторический сборник. Тюмень, 1970. Вып.3. С.60 – 61.

[2] См.: **Осоткина Л.А.** Отчет о раскопках на южном берегу Андреевского озера в 1979 г. (участок XIII) // Арх. Тюм. ун–та. 1980, ф.1 д.5.

[3] См.: **Ковалева В.Т.** Взаимодействие культур и этносов по материлам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург, 1997. С.34.

[4] См.: **Гиря Е.Ю., Нехорошев П.Е.** Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. 1993. №4. С.20 – 21.

[5] См.: **Гиря Е.Ю.** Тепловая обработка кремнистых пород и способы ее определения в археологических материалах // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994. С.172 – 173.

[6] См.: **Зах В.А., Зотова А.Н., Панфилов А.Н.** Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребенья Обь-Иртышья. Омск, 1991. С.26 – 30.

[7] См.: **Сериков Ю.Б.** Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С.43.

[8] См.: **Коробкова Г.Ф.** Экспериментально-трасологические разработки как комплексное исследование в археологии // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994. С.3 – 15.

[9] См.: **Филиппов А.К.** Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С.45.

Глава 3
ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Нижнее Притоболье занимает восточную часть Среднего Зауралья и в физико-географическом отношении представляет собой лесостепь с континентальным климатом. Вся территория этого района покрыта многочисленными реками системы Тобола (Тавда, Тура, Ница, Исеть), принадлежащей Обь-Иртышскому бассейну, большими и малыми озерами. Растительный покров представлен в основном смешанными сосново-березовыми лесами, широко распространена осина[1]. Вероятно, такой облик притобольская лесостепь приобрела уже в атлантическом периоде и с некоторыми изменениями сохраняет его до сих пор[2]. Палеоэкологические исследования последних лет на территории Тюменского Притоболья позволили установить, что в начале суббореального периода климатические показатели были сравнимы с современными. Однако в конце III – первой трети II тыс. до н.э. – время существования памятников ташковской культуры – начинается очередная волна потепления. Палинологические материалы отмечают степную растительность со значительной долей поленых группировок и ограниченным участием лесных сообществ в ландшафте. Климатические характеристики указывают на сухой и жаркий климат. Средние июльские температуры увеличиваются до +24...+28° С, январские – до –5° С и выше, годовые – до +8° С...+12° С. Количество осадков в теплый период в 1,5 – 2 раза ниже современных значений. Сокращается в 1,5 – 2 раза и сумма осадков за год[3].

Для изучения хозяйственной деятельности на поселении Андреевское озеро XIII археологические реалии слишком скудны и позволяют выявить лишь основные направления занятий населения, но определение их значимости возможно с привлечением косвенных данных.

Без сомнения, значительная роль принадлежала охоте. В Притобольской лесостепи водились разнообразные промысловые животные, дававшие мясо, шкуры, кость и рог для изделий. К сожалению, в песчаной почве остеологический материал практически не сохраняется. На поселении собраны мелкие кальцинированные косточки, главным образом в очагах, которые в большинстве своем оказались неопределимыми; из определимых – лошадь – 3/2*; северный олень – 1/1; лось – 5/1; собака – 17/2; млекопитающие средних и крупных размеров – 173 особи.

По-видимому, основными промысловыми животными были лось и северный олень. Близость системы озер позволяет предполагать добычу водоплавающей птицы, которая должна была водиться в прибрежных зарослях. Еще в начале XX в. здесь обитали около 20 видов водоплавающих. Наибольшее промысловое значение в древности, скорее всего, имели утки различных пород. В период линьки они собираются в огромные стаи, становясь легкой добычей охотников. Согласно этнографическим данным, в этот период обычно осуществляются массовый сетевой лов и забой птицы[4]. Возможно, охотникам помогали собаки.

О существовании различных направлений охотничьей деятельности свидетельствуют параметры наконечников стрел. Можно выделить три их группы, основываясь на соотношении длины и ширины целых изделий этого типа. Во-первых, короткие (19 – 30 мм) и широкие (12 – 27); во-вторых, короткие (21 – 37) и узкие (10 – 15); в третьих, длинные (54 – 62) и узкие (13 – 17). Возможно, различные пропорции наконечников связаны с их охотничьей специализацией. Сравнительно большой размер наконечников позволяет предположить, что они использовались для охоты на крупных животных. Мелкие звери и птицы, скорее всего, добывались с применением силков и ловушек.

---

* Первая цифра обозначает количество костей, вторая – особей.

Разделка туш животных осуществлялась цельнокаменными и вкладышевыми ножами. Починка охотничьего инвентаря производилась на поселении, о чем свидетельствуют находки насадов наконечников стрел, в том числе с характерными для «стреляных» сломами.

Расположение поселка на берегу оз. Андреевского, являющегося частью системы соединенных протоками водоемов, создавало благоприятные условия для занятий рыболовством. Видовой состав ихтиофауны озер Нижнего Притоболья беднее, чем в реках бассейна Тобола. Наиболее распространенные и важные для хозяйства рыбы - щука, плотва, язь, пескарь, карась, окунь, ерш, налим[5]. Самой крупной из перечисленных является щука, которая в зауральских водоемах часто достигает 16 кг и более. Представители других видов редко имеют вес больше 4 – 6 кг, в среднем взрослые особи весят 0,5 – 1 кг. Все эти рыбы неприхотливы, их ловят почти в любое время года, но особенно много весной, в период нереста, и осенью[6]. По расчетам Ю.Ф.Кирюшина и А.М.Малолетко, в таежной зоне озеро площадью 1 – 1,5 тыс. га может дать до 40 – 60 т рыбы в год без нарушения экологического равновесия[7]. Скорее всего, продуктивность водоемов Нижнего Притоболья была аналогичной.

Можно предположить, что население поселка использовало разнообразные снасти и приемы ловли рыбы – запоры, ловушки, битье из лука, крючки и т.п., судить о которых можно только на основе косвенных данных. Все эти приемы были хорошо известны в Зауралье уже в неолите – энеолите и, вероятно, продолжали существовать и в раннебронзовое время. Сетевое рыболовство документируется находками керамических грузил для сетей.

Стоит остановиться на особенностях типологического набора грузил, встреченных на поселении. Большую его часть составляют так называемые моталки с раздвоенными концами (42 экз.). Такие изделия обычны для памятников

ташковской культуры. Грузила с раздвоенными концами появляются и получают распространение в энеолитических культурах Среднего Зауралья. От прямых или дугообразных ташковских их отличают тройной изгиб стержня и встречающийся орнамент[8]. Возможно, эти изделия свидетельствуют о сохранении в системе рыболовства ташковской культуры местных традиций. Другое дело – округлые и подпрямоугольные в плане грузила с одним или двумя желобками. Следует отметить, что на других поселениях ташковской культуры такие изделия неизвестны. Они встречаются в материалах более поздних культур бронзового века Среднего Зауралья и Западной Сибири[9]. Возникает вопрос о правомерности связи этих грузил с населением ташковской культуры. Однако 5 из 8 экз. найдены в пределах заполнения котлованов жилищ, в том числе на уровне дна. Таким образом, можно связать появление изделий этих типов в Нижнем Притоболье с населением ташковской культуры. Учитывая, что весят они в 1,5 – 2 раза больше традиционных с раздвоенными концами, их могли использовать для больших по размеру сетей.

Судя по этнографическим данным, наибольшее значение для хозяйства имели способы, обеспечивающие массовую добычу рыбы – сетевой и запорный лов. Переймы системы андреевских озер были удобны для устройства запоров и установки сетей. Сетями рыбу ловили как летом, так и зимой. Вероятно, значение этого способа возрастало в зимнее время, так как другие снасти и приемы могли в этот сезон применяться ограниченно, а водоемы Нижнего Притоболья даже в теплые зимы с конца октября – ноября до февраля – марта покрыты льдом. Установка сетей предполагает использование водного транспорта – лодок или плотов. Следует отметить, что массовый лов рыбы имеет значение только при условии заготовки добычи впрок. Зимой рыба легко сохраняется в замороженном виде, а в другое время

года могли использоваться различные способы консервации – сушка, вяление и т.д.

Основная часть грузил (44 из 51 экз.) была найдена в жилищах, из них около половины – фрагменты. Вероятно, сушка сетей осуществлялась непосредственно у воды, а на поселении найдены оторвавшиеся и разбитые при хранении и переноске изделия. Исключение составляет жилище 3, где найдено скопление грузил с раздвоенными концами (21 экз.), возможно, от сети, оставленной в доме.

Так как грузила и их фрагменты встречены в 10 из 17 жилищ, можно предположить, что лов рыбы осуществлялся отдельными семьями для удовлетворения собственных потребностей. Изготовление грузил и плетение сетей не являются сложными или трудоемкими операциями и могли производиться одним домохозяйством. Более широкая кооперация трудовых усилий требовалась для сооружения и ремонта запоров и, возможно, изготовления лодок (плотов?). Не исключено, что сети и продукты рыболовства являлись собственностью отдельных семей.

Исходя из предположительной численности населения поселка (не менее 100 человек), продуктивности водоемов и энергетической ценности пресноводной рыбы, можно предположить, что рыболовство могло удовлетворить потребности жителей в пище в среднем на 30 – 40 %.

Несмотря на то, что прямых данных о собирательстве не найдено, продукция этой отрасли могла служить дополнением к рациону питания и основным источником витаминов. Кроме того, собирательство могло обеспечивать население поселка сырьем, например, для производства сетей, циновок, плетеных емкостей. Стоит отметить, что в коллекции каменного инвентаря поселения Ташково II выделены ножи для срезания растений с твердым волокнистым стеблем[10].

Обработка камня и изготовление изделий производились прежде всего на 4 производственных площадках – в

жилище 5, на МЖП внутри кольца домов (участки Л–М/21–22 и Ф–Х/21–22) и за пределами поселения к северо-востоку от входа (У–Ф/3а–4а). Как показал планиграфический и функциональный анализ находок, деятельность вблизи этих точков не ограничивалась только изготовлением орудий из камня. Здесь могли обрабатывать шкуры, чинить охотничье вооружение, производить различные работы по дереву. Отсутствие на территории Нижнего Притоболья выходов кремней и яшм приводило к необходимости импортировать это сырье из других районов, вероятно, с Южного Урала. Зеленокаменная порода, использовавшаяся для производства шлифованных орудий, встречается вблизи поселка. Отсутствие шлифовальных плит для камня и следов первичной обработки этого сырья позволяет предположить, что эти орудия изготовлялись за пределами поселения. Возможно, существовала мастерская возле выходов зеленокаменной породы.

Обработка шкур производилась как каменными, так и керамическими скребками[11]. Как показали эксперименты, керамические орудия почти не уступают каменным по своим рабочим качествам. Однако эффективность таких инструментов на начальной стадии обработки кожевенного сырья низкая. Керамический скребок удобнее использовать после предварительной обработки шкуры каменным. В процессе работы лезвие раскрашивается, что дает постоянную абразивную подсыпку, улучшающую качество выделки. Фрагменты керамики особенно производительны при осуществлении волосозгонки или мягчении.

Вероятно, орудия дифференцировались по рабочим операциям. Так, один из каменных скребков имеет очень короткое рабочее лезвие (около 1 см) и, судя по следам использования и морфологии, мог служить для выскабливания тонких, небольших шкурок или участков, труднодоступных для орудий с более длинным лезвием. Для проделывания отверстий в шкурах использовались каменные проколки.

Можно предположить существование металлических острий для той же цели, судя по характеру следов использования на абразивах для затачивания металлических предметов. Отверстия в грубых, толстых шкурах иногда расширяли специальным орудием. Так как на памятнике не найдены пряслица, свидетельствующие о ткачестве, возможно, население пользовалось кожаной и меховой одеждой.

На поселении производилась разнообразная обработка дерева. При строительстве жилищ использовались шлифованные топоры и тесла. Интересно, что количество этих орудий невелико – 5 более или менее целых топоров и долото. Вероятно, подготовка бревен, жердей и подобных им деталей дома осуществлялась за пределами поселения. Скорее всего эти операции локализовались на местах вырубки, а на территорию поселка доставлялись уже готовые бревна, требовавшие минимальной доработки.

Кроме того, дерево широко употреблялось для производства предметов быта и вооружения, что позволяют установить косвенные данные, прежде всего трасологический анализ каменных орудий. Практически все деревообрабатывающие инструменты использовались в рукоятках. Выявлены все основные операции, использующиеся для изготовления деревянных предметов: скобление, пиление, резание, строгание. Часть орудий применялась для производства небольших предметов, так как длина рабочего лезвия, например скобелей, не превышает 1 см, а пилки имеют малую глубину проникновения в обрабатываемый материал. Возможно, эти орудия были связаны с производством и ремонтом вооружения – древков стрел, деталей лука, ловушек. Особенности следов на лезвии и морфология одного из скобелей позволяют предположить его использование для изготовления деревянной посуды. В связи с этим можно отметить малое количество керамических сосудов небольшого объема, т.е. посуды индивидуального пользования. Не исключено, что такие емкости изготовлялись из дерева.

Большое количество резчиков по дереву (21 экз.) позволяет предположить широкое распространение техники расчленения дерева и гравировки по этому материалу. Вполне вероятно, деревянные поделки украшались орнаментом.

Не исключено, что некоторая часть фрагментов керамики со следами вторичного использования применялась при обработке дерева – выскабливании горелой древесины при изготовлении полостей, пазов или для шлифования деревянных поверхностей. Однако из-за плохой сохранности лезвий таких орудий, активно разрушающихся в процессе работы, определить количество этих инструментов затруднительно.

В меньшей степени, чем деревообработка, документировано производство изделий из кости и рога. Из рабочих операций отмечены пиление, сверление и резание.

Население поселка было знакомо и с простыми механическими приспособлениями. Одно из сверл по камню использовалось в станке. Не исключено, что подобные станки применялись для добывания огня.

Жители поселения, бесспорно, занимались металлообработкой. Руда, свидетельства об ее обработке и расплавке, шлаки отсутствуют. Вероятно, приносились медные слитки (один найден на поселении ЮАО-Х) или готовые вещи, которые после износа переплавлялись. В очажном слое жилища 13 собран металлический лом весом около 30 г, который, по всей вероятности, использовался для переплавки и изготовления новых изделий. Металл плавили в тиглях, выполненных на фрагментах керамики путем налепа глиняных бортиков или специально изготовленных.

Следует отметить децентрализованный характер металлургии. Во многих жилищах найдены целые тигли или их крупные фрагменты (жил.2, 3, 9, 11, 12, 17), ошлакованная керамика, иногда с капельками меди, а в жилище 13 – медный лом. Судя по находкам, плавка производилась главным образом в жилищах, в очагах. На МЖП и площади также

найдены тигли и ошлакованная керамика, но они не образуют скоплений и не привязаны к какой-либо производственной площадке. Большое количество остатков металлообрабатывающего производства, многочисленные и достаточно вместительные тигли позволяют предполагать широкое использование медных орудий.

Наиболее спорным является вопрос, связанный с придомным скотоводством. В свое время уже были приведены косвенные свидетельства о возможности существования животноводства у населения ташковской культуры[12]. К иному выводу пришел П.А.Косинцев, охарактеризовав хозяйство как присваивающее[13]. На всех полностью исследованных раскопками однослойных поселениях преобладают кости лошади, принадлежность которой к домашней или дикой форме не вполне ясна. Кости лося преобладают только на многослойном поселении Ук III. В целом определимых костных останков на всех поселениях единицы, поэтому такая категоричность в оценке типа хозяйственной деятельности вряд ли правомерна. При этом сам П.А.Косинцев допускает возможность существования в хозяйстве населения ташковской культуры некоторого количества домашних животных.

Хозяйство жителей поселка ЮАО-XIII было комплексным, сочетающим присваивающие и производящие формы. Нам представляется, что производящая экономика представлена в затухающей, деградирующей форме. Мигрирующее население, по всей вероятности, было знакомо с придомным скотоводством, но в новых условиях отдавало предпочтение охоте и рыболовству, поскольку они требовали меньше трудовых затрат и были более рациональны в конкретной экологической среде. Наконец, следует принять во внимание тот факт, что при оседлом образе жизни такому крупному коллективу, как проживавшему на поселении ЮАО-XIII, одной присваивающей экономики было явно

недостаточно. Нужен был резерв на случай неудачной охоты.

Е.Е.Кузьмина не без оснований полагает, что кругло-плановые поселения, воспроизводящие модель Вселенной, могли возникнуть в культуре населения степей, когда центральная площадь использовалась как загон для скота. Традиция планировки вписанных друг в друга круга и квадрата позднее использовалась у индоиранского населения при сооружении храмов и царских курганов[14].

Генезис поселений с кольцевой планировкой, как и формы производящей экономики у населения ташковской культуры, мы не связываем с внутренней трансформацией энеолитических культур Зауралья, поскольку для нее не было никаких оснований. Новации связаны с миграционным процессом и адаптацией в новых условиях.

Поселение Андреевское озеро XIII, по всей вероятности, представляло собой единый социум – общину, состоящую из 17 семей, каждая из которых проживала в отдельном доме. Судя по децентрализации некоторых видов деятельности и отсутствии на поселении общих хранилищ или хозяйственных ям, можно предполагать значительную самостоятельность отдельных семей.

Палеодемографический аспект изучения поселений ташковской культуры уже был освещен в ряде статей[15]. В данной работе уточняются некоторые цифровые показатели, связанные с площадью жилищ, предполагаемой численностью отдельной семьи и всего коллектива общины. Из табл. 4 видно, что правильные прямоугольные дома на поселении Андреевское озеро XIII различались по площади: наименьшую площадь занимало жилище 5 – 39,6 м^2, а наибольшую – жилище 3 – 54 м^2; большая часть домов имела площадь в среднем 45 – 50 м^2.

Нормативный показатель площади пола на одного человека в первобытности сильно варьируется в зависимости от

формы хозяйственной деятельности, климатических условий, традиций и т.д. Е.Е.Кузьмина определила численность малой семьи для населения андроновской культуры в 5 – 6 человек[16], а при расчете численности населения трипольской культуры исследователи основываются на показателе 5 – 7 человек для индивидуальной семьи. Эта семья включает в себя брачную пару, нескольких детей и одного или двух престарелых сородичей[17].

Если для поселения ЮАО-XIII численность семьи принять в среднем за 6 – 7 человек, то площадь пола на одного человека будет составлять не менее 7 м^2, тогда численность населения поселка составит примерно 100 человек. Однако при ином расчете – 5 м^2 на человека – семья могла состоять из 9 – 11 человек, и на поселении тогда проживало до 160 жителей (табл.4). Большая площадь жилищ позволяет предполагать содержание новорожденных домашних животных в холодное время года в доме.

Любой коллектив, проживающий на столь компактной территории, должен был выработать определенную систему социальной регуляции. Анализ находок и их планиграфия не дают серьезных оснований для выводов о социальной или имущественной дифференциации населения, как и о выделении лидера.

Одним из важнейших средств информации о социальной организации общества является архитектура поселения. Она воплощает в себе не только представления о мире, но и об обществе. Структура Вселенной, как правило, соотносится со структурой поселения. Место дома в кольце застройки определяло многие стороны общественного поведения членов общины.

Таблица 4

Поселение ЮАО-XIII.
Соотношение площади пола жилища и численности семьи

Жилище	Площадь пола, м^2	Площадь пола на 1 человека, м^2	Кол-во человек	Площадь пола на 1 человека, м^2	Кол-во человек
1	50	7	6 – 7	5	9 – 10
2	50	7	6 – 7	5	9 – 10
3	54	7	8	4,9	10 – 11
4	46	7,5	6	5,1	8 – 9
5	40	7	5 – 6	5	7 – 8
6	46	7,6	6	5,1	8 – 9
7	46	7,6	6 – 7	5,1	8 – 9
8	50	7	6 – 7	5	9 – 10
9	48	7	6 – 7	4,8	9 – 10
10	48	7	6 – 7	4,8	9 – 10
11	50	7	6 – 7	5	9 – 10
12	49	7	6 – 7	4,9	9 – 10
13	49	7	6 – 7	4,9	9 – 10
14	44	7	6	4,9	8 – 9
15	45	7	6	5	8 – 9
16	43	7	6	4,8	8 – 9
17	49	7	6 – 7	4,9	9 – 10

На поселении ЮАО-XIII жилища 3, 8, 17 отличаются от других тем, что их стены ориентированы по сторонам света. Условная линия от входа к жилищу 3 делит поселок на восточную и западную половины, а линия от жилища 8 к жилищу 17 делит каждую из половин еще на две части. Условные линии как бы задают основные направления пространства и делят круг на четыре сектора. Наиболее отчетливо выделяются группы жилищ справа и слева от входа, а также группа юго-западного сектора (жил.4 – 8). Менее компактна группа жилищ юго-восточного сектора.

Четырехчастная структура поселения, вполне возможно, связана с системой брачных классов – эндогамная община с экзогамными половинами. В каждом секторе могли прожи-

вать семьи близких родственников, между которыми существовали какие-то формы кооперации и взаимопомощи.

В каждом из секторов выделяются отдельные дома, большие по площади, с большим количеством находок (табл.4) – это жилища 3, 6, 9, 12, 13. Именно в этих жилищах найдено большинство сосудов с семантически значимыми символами – числовыми и геометрическими. По-видимому, на поселении выделялась группа людей, занимающих достаточно высокий социальный статус – служители культа, жрецы, которые являлись хранителями священного знания, были ответственны за своевременное проведение ритуала, направляли деятельность общины, осуществляли внешние связи.

Социальная структура и духовное состояние общества так или иначе находят отражение в материальных формах. Поселок с кольцевой планировкой вокруг центральной площади был построен по определенному плану, который диктовался не столько практическими, сколько идеологическими запросами. Порядок в обществе, по-видимому, поддерживался обычаями, переходящими от поколения к поколению, и ритуалом. Условия для нормальной жизни человек создавал сам, регулярно участвуя в жертвоприношениях, цикличность которых призвана поддерживать порядок в космосе и человеческом сообществе. Жрецы и руководили ритуалом. Возможно, в данном случае высокий социальный статус определялся не богатством, а вещами, используемыми в ритуале.

[1] См.: **Каптерев Л.** Урал // Природа Урала. Свердловск, 1936. С.22 – 24.

[2] См.: **Хотинский Н.А., Немкова В.К., Сурова Т.Г.** Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982. С.148 – 149.

[3] См.: **Рябогина Н.Е., Ларин С.И., Семочкина Т.Г.** Палеоэкологические условия обитания носителей доисторических культур Тюменско-

го Притоболья (по данным споро-пыльцевого анализа) // Экология древних и современных обществ: Тез.конф. Тюмень, 1999. С.61 – 63.

[4] См.: **Куклин С.А.** Птицы Урала // Природа Урала. Свердловск, 1936. С.196 – 197.

[5] См.: **Цеханович Ю.Б.** Рыбы Урала // Природа Урала. Свердловск, 1936. С.230.

[6] См.: **Сабанеев Л.П.** Рыбы России. М., 1993. Т.1. С.20 – 25, 310 – 370; **Он же.** Рыбы России. М., 1993. Т.2. С.98 – 102, 203 – 205.

[7] См.: **Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.** Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979. С.127 – 128.

[8] См.: **Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С.43.

[9] См.: Там же. С.111 – 162.

[10] См.: **Ковалева В.Т.** Взаимодействие культур и этносов... С.42 – 43.

[11] См.: **Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю.** Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры (по материалам археологических находок и экспериментов) // ВАУ. Екатеринбург, 1998. Вып.23. С.205 – 215.

[12] См.: **Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю.** Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С.150 – 160.

[13] См.: **Косинцев П.А.** Хозяйство населения ташковской культуры // XIV Уральское археологическое совещание: Тез.докл. Челябинск, 1999. С.82 – 83.

[14] См.: **Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? М., 1994. С.72 – 73.

[15] См.: **Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю.** Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени; **Козынцева Н.Н.** Палеодемографический аспект изучения ташковской культуры // ВАУ. Екатеринбург, 1998. Вып.23.

[16] См.: **Кузьмина Е.Е.** О некоторых вопросах андроновской демографии // Изв.Сиб. отд–ния АН СССР. Сер. общ. наук. Новосибирск, 1974. № 6, вып.2. С.106.

[17] См.: **Колесников А.Г.** О количественном составе простой семьи (по материалам поселений трипольской культуры) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС:Тез.докл. Суздаль, 1987. С.119.

Глава 4
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВСЕЛЕННОЙ

«...Без раскрытия древних религиозно-космогонических систем нельзя проникнуть в этническую конкретность древней истории».

В.Н.Даниленко

Процесс осмысления Вселенной как некой целостности, упорядоченности начался в глубокой древности. Природа – неосвоенное пространство в семантическом плане воспринималась как хаос, а освоенное, обжитое было осмысленно как культура, социальное пространство – космос. Ядро всей мифологической системы составляют космогонические мифы. Структура мироздания несет в себе два базовых противоположных начала – мужское и женское. Интеграция их в едином символизирует энергию Вселенной, позволяющую осуществить процесс творения нового. Архетипическая структура мира – это структура с сакральным центром.

«Космическое мироощущение» было универсальным, общечеловеческим феноменом, в рамках которого накапливались и систематизировались знания людей о природе, обществе и человеке. Древние люди верили, что в основах мироздания лежат не безличностные «законы природы», а таинственные личностные силы, с которыми можно вступить в общение. Для первобытного человека характерно стремление организовать заселенную территорию, ограничив ее в пространстве (дом, поселение). Наиболее распространенными пространственными символами стали круг, квадрат, прямоугольник и крест, которые лежали в основе жилищной архитектуры.

Поселение Андреевское озеро XIII имело форму почти правильного круга диаметром 60 м (56 х 60 м). Вход находился в северной стороне и был направлен в сторону озера. В отличие от других исследованных поселений ташковской культуры (Ташково II, Заводоуковское X, Иска III), оно

имело бо́льшую свободную площадь и менее плотную застройку. Несколько «выпадает» из круга жилище 5. Возможно, между жилищами 4 и 6 вначале предполагался южный вход на поселение, а позднее на этом месте было построено еще одно жилище. Неукрепленный вход и значительные расстояния между домами в южной части поселения снимают вопрос о какой-либо связи кольцевой планировки поселения с фортификацией.

Более предпочтительна точка зрения о соотнесении кольцевой планировки с представлениями о Вселенной. Круг образуют прямоугольные дома; стены трех жилищ – 3, 8, 17 – ориентированы по сторонам света, маркируя вместе с входом кардинальные направления пространства. В основу архитектурного канона были положены и круг, и крест. Круг – мандала – это граница между своим и чужим, хаосом и космосом. В мандале нашла отражение антропоцентрическая идея, когда поселение мыслилось центром Вселенной. Само сотворение мира начиналось с некоего сакрального центра – места жертвоприношений[1]. Таким центром на поселении, по всей вероятности, было кострище в северо-западной части замкнутого пространства. Судя по характеру заполнения слоя, оно образовалось в результате многократного разведения небольших костров. К северу от него зафиксированы ямы от столбов. Две ямы оказались на дне кострища. Они дают основание предполагать наличие столбов вблизи очагов, которые, по всей вероятности, были аналогом мирового древа и устанавливались в связи с каким-то важным календарным циклом.

О том, что столбы были аналогом мирового древа, «лестницей к небу» и возводились для жертвоприношений, свидетельствуют гимны Ригведы:

Возвышайся, о дерево, на поверхности земли!
Воздвигаемое прекрасным воздвиганием.
Придай блеск отвозящему жертву (РВ III, 8, 3)

Или:

Вы, кого вкопали мужи, стремящиеся к богам,
Или (кого) обтесал топор, о дерево,
Эти вставшие божественные столбы, –
Пусть захотят они создать нам сокровище, состоящее из потомства (РВ III, 8, 6).

Т.Я.Елизаренкова в комментариях к этим гимнам отмечает, что жертвенный столб вырубали из лесного дерева. В сопровождении жрецов врывали его в землю перед зажженным жертвенным костром[2]. Священный столб должен был поддерживать небо, быть опорой мира и связующим звеном между мирами.

В кострище найдены в основном фрагменты керамики и совершенно отсутствовали какие-либо свидетельства производственной деятельности. Можно с уверенностью предполагать, что это был культовый центр на поселении, а сам культ состоял в приношении жертвы, повторяющей акт сотворения мира.

У столбов и кострищ, по-видимому, производились регулярные жертвоприношения, о чем свидетельствует мощный очажный слой большого кострища. Найденные на поселении сосуды с различными семантически значимыми числовыми и геометрическими символами, вероятно, использовались в ритуале для возлияния священного напитка в огонь, что символизировало соединение двух первоначал, двух сущностей – воды и огня.

Отсутствие сложных сооружений, связанных с таинством культа, свидетельствует об ориентации населения поселка на открытость, на представление о доступности богов. Согласно представлениям индоиранцев, боги приглашались на жертвоприношения и могли быть незримыми участниками ритуала.

По-видимому, с жертвоприношением по случаю оставления поселения (сожжения) связаны некоторые вещи, оставленные в жилищах целыми или занимающие не свойственное им планиграфическое положение. В жилище 17 най-

ден целый тигель, оставленный у восточной стены (участок Ю–20). Особенно выделяется жилище 3 с ориентацией стен строго по сторонам света и расположенное напротив входа, в южной стороне поселения. У входа в жилище 3 найдены костные остатки собак (двух особей), вероятно, – преднамеренное захоронение. Согласно мифологическим представлениям, собака сопровождает в мир мертвых. У южной стены, в западной стороне – участок О–31 – находились скопление глиняных рыболовных грузил (21 экз.) и развалы трех сосудов. Один из них (№ 1) – с необычным «сотовым» орнаментом, возможно, символизирующим лабиринт. От второго сосуда (№ 2) найдено днище с придонной частью. На днище орнамент с календарной символикой: прямой крест делит круг на четыре сектора, в каждом из которых ямками обозначены числовые значения (7 – 7 – 7 – 9, что в сумме составляет число 30). Круг с крестом внутри мог быть символом лунных фаз. Полная смена фаз луны называется синодическим месяцем, продолжительность которого равна примерно 29,5 суток. По-видимому, полный лунный цикл (луна – символ женского начала, смерти) символизировал завершение цикла и неизбежность перехода в новое состояние. Третий сосуд (№ 68) был целым. Это один из самых больших сосудов, найденных на поселении. Он был опрокинут вверх дном. Орнамент его состоит из сочетания 12 горизонтальных поясов из шагающей гребенки и 12 поясов из ямок, сгруппированных в ряде случаев по 2, 3, 4, 5, 7 штук, при этом четвертый пояс из ямок разомкнут, а между четвертым и пятым поясами – знак из трех ямок, занимающий доминирующее положение в орнаментации сосуда. С числом 12 можно связать завершение годового цикла (12 отрезков года), а 3 – символ динамической целостности, основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации[3].

Топография жилища вместе с захоронением собак и сосудами с календарной символикой маркировала зону смерти

– юг. По-видимому, все вещи в жилище были специально оставлены и приурочены к моменту гибели поселения. Зоны пространственной и социальной топографии четко обозначались уже при строительстве поселения.

У индоевропейского населения юг связывают с понятием «низ», а север выступал сакрально значимой стороной и соотносился с понятием «верх»[4]. А.В.Подосинов отметил, что большинство южных культур имеет определенную склонность к северу. У народов Северной Евразии север почти повсеместно считался «низким», «задним», связанным с царством мертвых[5]. Южное расположение жертвенников погребального комплекса зафиксировано на Большекараганском (Аркаим) могильнике[6]. Согласно Ригведе, северо-восточное направление связано с богами, а южное – с царством мертвых.

Донецкими археологами произведены интересные наблюдения в отношении культовых комплексов на поселениях срубной культуры[7]. Их выводы во многом соотносятся с нашими наблюдениями.

Рядом с кострищем (участок М–16) найдена керамическая головка птицы; она хорошо обожжена и имеет красноватую окраску, вероятно, от втирания охры, кусочки которой были найдены рядом. Вероятно, окраска головки птицы в древности была более яркой. В Ригведе неоднократно упоминается прекрасная небесная (божественная) птица Гарутмант, которая отождествлялась с Солнцем:

Индрой, Митрой, Варуной, Агни (его) называют,
А оно, божественное, - птица Гарутмант (РВ I, 164, 46).

Т.Я.Елизаренкова отмечает, что в данном случае голова птицы – само Солнце, а ее след – луч Солнца[8]. Солнце ассоциировалось с желто-красным цветом:

...они радуются власти темно-красного (РВ III, 7, 5).

Связь образа птицы с огнем и металлургией устанавливается по сосудам с изображением птицы, фрагменты которых, как правило, использовались для изготовления тиглей и плавки металла. Прослеживается семантическая связь образа птицы с огнем, солнцем и металлургией. Такие сосуды или их фрагменты с изображением птиц найдены в жилищах 3, 6, 13. Возможно, именно в этих домах жили жрецы, которые были ответственны за разжигание священного огня для ритуала, а тигли могли служить не только для расплавки металла, но и быть своего рода алтарями для священного огня.

Поселение ЮАО-XIII намеренно сожжено обитателями, что, по всей вероятности, связано с представлениями о цикличности времени. Пожар должен был обновить мир. Обновляющая и очищающая сила огня рассматривалась в ведической космогонии как первопринцип Вселенной: священный огонь – первоисточник бессмертия (РВ VI, 7, 4).

У большинства первобытных народов существовало понятие нового года, связанное с понятием конца и начала некоторого временного периода, основанное на наблюдении за космическими ритмами. Любой новый год – это возобновление времени, т.е. повторение космогонии. Как отмечает М.Элиаде, время начала – это время священное и сильное, поэтому человек стремился приблизиться к исходному времени. Космогония (акт сотворения) служила образцовой моделью всякого созидания. Значение периодического скатывания мира к хаотическому состоянию – сожжение поселений – в том, что регулярно накапливался груз грехов, неудач, мир заполняли пороки и грязь. По убеждению архаического человека, жизнь нельзя исправить, ее можно только начинать сначала ритуализированным повторением космогонического акта. Только что созданный мир был чистым и безгрешным, поэтому нужно периодически очищать его, возвращая к исходной точке, чтобы он обретал нужную чистоту[9]. Схема-модель: «Сотворение – разрушение – со-

творение и т.д.» воспроизводилась до бесконечности. Это «вечное возвращение», вечное повторение основополагающего ритма Космоса[10].

Ориентированные по сторонам света жилища 3, 8, 17 вместе с выходом образуют крестообразную фигуру. Символ креста, как и другие символы, полисемантичен. Это и упорядоченное пространство, и система космических координат, и круговорот процессов и явлений в природе и общественной жизни. Пространственная структура поселения, по всей вероятности, воспроизводила структуру общества. Представления о кардинальных направлениях пространства, как правило, соотносятся со структурными подразделениями коллектива (общины)[11]. Согласно этому правилу, население поселка делилось на две половины условной осью, проходящей от входа к жилищу 3, а внутри этих половин можно выделить еще по две – четырехчастная структура мира и поселения. План поселения – это не только модель Вселенной, но и диаграмма, отражающая структуру общества.

Композиция из креста, вписанного в круг, неоднократно встречена на днищах сосудов. Следует принять во внимание, что сосуд, по-видимому, воспринимался как вертикальная модель мира: дно с придонной частью – небесная сфера; тулово – средний мир, а область венчика – нижний мир. Крест, вписанный в круг, по смыслу мог быть аналогом инь и ян: горизонтальная линия креста олицетворяла пассивное женское начало, а вертикальная – активное мужское. Вписанные в круг, они олицетворяли идею первопричины, саморазвития мира, как результат союза двух противоположных начал, символ вечного обновления и возрождения.

По-видимому, трактовка орнамента на днищах сосудов № 179 – жилище 9, 178 – жилище 12 и других также возможна как календарно-астрономическая. На дне сосуда № 178 – 72 ямки – это один из пяти периодов цикла в 360 дней.

На днище сосуда № 177 (участок С–7 –МЖП) три концентрические окружности замыкают центр из пяти линий. Число «3» в данном случае может быть символом трех миров – вертикальная модель Вселенной, а число «5» (геометрически – это крест) – горизонтальная модель Вселенной с четырьмя сторонами горизонта и центром. Числом 5 могут быть обозначены и времена года. На внутренней стороне донца орнамент из ямок – их 20 или 21 (фрагмент донышка не сохранился). Число 21 – «трижды семь» – в ведических текстах осмыслено как завершенное множество и как солнечный год: 12 месяцев, 5 времен года, 3 мира и 1 Солнце[12]:

Двадцать одним (слогом) достигают Солнца (Чханд. Уп. II, 10, 5).

На дне сосуда № 182 (участок Д–19, МЖП) круг разделен крестом на четыре сектора, а в центре – квадрат, выполненный ямками (4 x 4); на другом сосуде - № 184 (участок П–11, МЖП) – на внутренней стороне днища также знак из 4 линий. Принцип четырехчастности был важной вехой в познании мира, маркировал кардинальные направления пространства, и, вероятно, соотносился со структурой социума. Четыре – это и символ устойчивости (квадрат). При помощи чисел человек структурировал мир, разделяя его на части. Число для архаического человека являлось тайной, обладающей силой. Комбинация чисел имела магическое значение. Числа заключали в себе определенные «узлы отношений» Вселенной[13].

На поселении найдены два фрагмента керамических дисков с отверстием в центре; края их пришлифованы: один из жилища 7 имел диаметр 8 см, другой – из жилища 17 около 9 см. Вероятно, эти находки отражают поклонение Солнцу (культ Солнца).

Жизнь общества программировали смена времен года, восход и заход Солнца, изменение фаз Луны. Понимание зависимости от Вселенной (Природы) вызвало стремление активно воздействовать на окружающий мир путем покло-

нения стихиям (огонь), светилам (Солнцу) и жертвоприношений. Календари служили для установления регулярной и устойчивой связи между порядком небесной сферы и событиями на Земле. Нарушение порядка жертвоприношений, по мнению архаического человека, могло принести катастрофу – изменение последовательности смены сезонов, дня и ночи и т.д. Астрономические знания жрецов получили культовое направление. Пространство и время – наиболее общие формы существования реальности, их концептуализация стала необходимым компонентом мировоззрения. Ориентация предполагает бытие, основанное на знании космических координат. Мифологическое сознание обожествляло высоту – откуда исходят свет, тепло, влага, где помещаются боги. Пространственная вертикаль превращается в смысловую – «верх – низ», становится моделью социальной регуляции. Восток ассоциируется с активным мужским началом, а запад – с тьмой, пассивным началом. Восток противостоял Западу как рождение и смерть, правое и левое. Север и восток считались сферой богов, а юг – областью мертвых[14]. С мифологизацией пространства связаны и зоны социальной топографии. Качества пространства человек находил вне себя, в природе, социальных структурах. Пространство доступно чувственному восприятию, тогда как время не улавливается ни одним органом чувств. У первобытного человека имелись только некоторые временные ассоциации, которые разделяли время на интервалы. Мифологическое время всегда циклическое, повторяющееся.

Таким образом, археологические свидетельства позволяют в общих чертах воспроизвести представления о мире конкретного коллектива.

Архитектурный ансамбль типа мандалы – модель Вселенной. Само слово «мандала» восходит к Ведам. Внешняя линия круга разделяет Хаос и Космос.

Кардинальные направления пространства – горизонтальная модель Вселенной – маркированы домами со стенами, ориентированными по сторонам света, и входом.

Вкопанные на поселении столбы – отражение идеи центра, сакрального пространства, вертикальной модели Вселенной. Столб – связующее звено между Небом и Землей, космическая опора.

Сожжение поселения связано с идеей циклического восприятия жизни и бытия, с космогонической ролью огня.

Зафиксированы определенные правила организации пространства. Зону смерти, завершение цикла маркирует жилище 3. Оно расположено на юге поселения; в нем – захоронения двух собак, перевернутый вверх дном сосуд со сложной числовой символикой, сосуд (дно) с календарной символикой (полный лунный цикл).

Числовая символика дублирует структуру вселенной: 3 – вертикальная модель Вселенной, 4 – горизонтальная; 5 – горизонтальная модель с сакральным центром, через который проходит ось мира и в котором соединяются горизонтальная и вертикальная модели Вселенной. Числовая символика связана и с календарными циклами.

Археологические реалии находят соответствие в письменном источнике – ранних гимнах Ригведы. Изобразительная деятельность может рассматриваться как знаково-символическая система, которая обладает свойствами естественного языка. Каждая эпоха живет в пространстве своего мифа, который транслируется как вербальным, так и невербальным языками культуры, соотносящимися между собой. Игнорировать коммуникативный механизм духовной культуры неправомерно. Словесный язык не может транслировать всю полноту информации, которую необходимо передать друг другу для полноценной организации совместной жизни. Мифологические представления воплощались единством вербальных и невербальных способов.

[1] См.: **Элиаде М.** Космос и история. М., 1987. С.37, 43.

[2] См.: **Елизаренкова Т.Я.** Ригведа – великое начало. Примеч. // Ригведа: Мандалы I – IV. М., 1989. С.694.

[3] См.: **Топоров В.Н.** Числа // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1988. Т.2. С.630.

[4] См.: **Лужникова А.В.** Север и юг в представлениях индоиранских и финно-угорских народов // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Философия, литературоведение, культурология, лингвистика, искусствознание. М., 1996. С.253 – 259.

[5] См.: **Подосинов А.В.** Ex oriente lux! Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С.543.

[6] См.: **Зданович Д.Г.** Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С.51.

[7] См.: **Горбов В.Н., Мимоход Р.А.** Культовые комплексы на поселениях срубной культуры северо-восточного Приазовья // Древности северо-восточного Приазовья. Донецк, 1999. С.25 – 26.

[8] См.: **Елизаренкова Т.Я.** Ригведа – великое начало.С.648.

[9] См.: **Элиаде М.** Священное и мирское. М., 1994. С.53 – 54.

[10] См.: Там же. С.71.

[11] См.: **Евсюков В.В.** Мифология китайского неолита. Новосибирск, 1988. С.70, 78.

[12] См.: **Сыркин А.Я.** Комментарий // Чхандогья упанишада. М., 1992. Т.3. С.168.

[13] См.: **Маковский М.М.** Число // Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. С.388.

[14] См.: **Елизаренкова Т.Я.** Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V – VIII. М., 1999. С.475.

Глава 5
ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ДАТИРОВКИ И ЭТНИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ

Полностью раскопанное поселение на южном берегу оз. Андреевского – ЮАО-XIII – значительно пополнило источниковую базу для изучения ташковской культуры. В то же время обозначились новые проблемы, порой трудно разрешимые, прежде всего связанные со значительными различиями в комплексах поселений Ташково II и ЮАО-XIII, на котором нет керамики с валиками, наконечников сейминского типа, вызвавших у исследователей повышенный интерес.

Для ташковской культуры можно назвать ряд признаков, общих для всех исследованных поселений: кольцевая планировка, плоскодонная посуда, сочетание двух орнаментальных традиций – накольчатой и гребенчатой, намеренное сожжение поселений, наличие культовых мест и следов жертвоприношений, свидетельства металлообработки (тигли с каплями меди, слитки, обломки медных предметов и т.д.), широкое использование фрагментов керамики как сырья для различных изделий, в том числе орудий труда и др.

В то же время посуда с налепными валиками, за исключением поселения Ташково II, встречается единично или вообще отсутствует, как на ЮАО-XIII. Наконечники сейминского типа также редки. Таким образом, эти признаки в большей степени характеризуют отдельные комплексы, а не облик материальной культуры в целом.

Формирование новых культур происходит, как правило, по двум основным сценариям: на местной основе, путем плавной трансформации прежних стереотипов культуры под воздействием природно-климатического фактора, смены хозяйственной деятельности, технологического прогресса, внешних воздействий или в результате миграции нового населения и взаимодействия его с аборигенами, тогда неиз-

бежно появляется комплекс новых стереотипов культуры, отсутствующих в предшествующее время на этой территории.

Для энеолита Нижнего Притоболья (III тыс. до н.э.) исследователями выделено несколько культурных образований – андреевская, шапкульская, липчинская культуры, а также памятники сосновоостровского и постсосновоостровского типов. Для всех среднезауральских энеолитических поселений характерны: неупорядоченная планировка, остродонная и округлодонная форма посуды, орнаментация всей внешней поверхности сосудов, присваивающий тип экономики. Изделия из металла единичны.

Различаются названные культуры набором признаков, связанных с орнаментацией на керамике, характером каменной индустрии.

Для андреевской культуры характерна посуда с ямочно-гребенчатым орнаментом. Ямки различной формы наносились косопоставленным штампом, от глубоких вдавлений которого на внутренней поверхности оставались негативы – жемчужины. Узор плотно покрывал внешнюю поверхность, когда широкие горизонтальные пояса из ямочных вдавлений чередовались с лентами из наклонных линий гребенчатого штампа или шагающей гребенки. На поселениях обычны многочисленные находки глиняных рыболовных грузил. Ограниченная сырьевая база (как правило, кремень низкого качества и зеленокаменная порода), а также малое (на большинстве памятников единичное) количество изделий характеризуют каменную индустрию. В качестве заготовок орудий использовались пластины и плитки[1].

Специфику шапкульской культуры составляет керамика, орнаментированная по методу отступающей гребенки. Узор плотно покрывает всю поверхность, располагаясь горизонтальными зонами. На поселениях найдены единичные изделия из меди и большое количество изделий из камня

(разнообразные по цвету яшмы, кремнистые породы). Преобладает пластинчатая техника расщепления камня[2].

Своеобразна орнаментация посуды липчинского типа. Исследователи называют ее псевдоверевочной, ложношнуровой или чешуйчатой. И.В.Калинина и Е.А.Гаджиева пришли к выводу об использовании в качестве орнаментиров ребер или трубчатых костей, торцами которых наносились узоры по принципу «отступающей палочки». Посуда липчинского типа с гребенчатым орнаментом также специфична – длинный гребенчатый штамп с косой нарезкой зубцов, его оттиски как бы имитируют псевдоверевочную технику. Посуда богато орнаментировалась зонами из заштрихованных треугольников, ромбов, прямоугольников. Встречается узор в виде дуг, волнистых линий и т.д. На поселениях Тюменского Притоболья вместе с керамикой липчинского типа найдены единичные предметы из меди, глиняные рыболовные грузила в виде изогнутых уплощенных стержней с раздвоенными концами, каменные изделия на пластинах и отщепах[3].

Керамика сосновоостровского типа орнаментировалась узорами из «шагающей» гребенки в сочетании с геометрическими мотивами из оттисков гребенчатого штампа и пояска из ямок или жемчужин по краю сосуда. Каменный инвентарь в основном представлен изделиями из яшмы, кремня на пластинах и из зеленокаменной породы. Широко использовалась техника шлифования[4].

Сторонники концепции автохтонного генезиса ташковской культуры связывают ее формирование с трансформацией энеолитических культур Зауралья, допуская при этом воздействие импульса с юга. Т.М.Потемкина полагает, что традиция круговой планировки поселений ташковской культуры, как и синташтинской, восходит к круглоплановым энеолитическим памятникам типа святилища Савин I[5]. Высказано мнение о значительной роли липчинской культуры в формировании ташковской, особенно накольчатой

орнаментальной традиции[6]. К числу компонентов, возможно, имеющих местное происхождение, можно добавить присутствие на всех поселениях ташковской культуры глиняных рыболовных грузил в виде уплощенных стержней с раздвоенными концами («моталок»), сходство приемов обработки и некоторых типов каменных орудий, особенно на поселении ЮАО-XIII. В комплексах андреевской культуры встречены тигли на фрагментах керамики с налепными бортиками, аналогичные найденным на памятниках ташковской культуры.

Однако не эти признаки определяют специфику новой культуры. Они свидетельствуют прежде всего о хронологической близости зауральских энеолитических и ташковских древностей, а также о том, что одним из компонентов в формировании новой культуры был местный субстрат. Преемственность в орнаментации керамики ташковской культуры прослеживается с андреевской, липчинской, сосновоостровской и в меньшей степени – с шапкульской культурами. Но в целом для ташковской посуды характерна иная, своеобразная традиция орнаментации, напрямую несопоставимая ни с одним типом энеолитической керамики Зауралья. Не отрицая участия энеолитических культур Зауралья в формировании ташковской, А.Ф.Шорин отметил их проявление в орнаментации в сильно переработанном виде[7].

Для столь стремительной трансформации энеолитических культур в Нижнем Притоболье не было никаких серьезных оснований: ни значительных изменений климатических условий, ни перехода к производящей экономике, ни каких-либо крупных технологических достижений. Внезапное появление столь крупных поселений, как ЮАО-XIII, в условиях рыболовческо-охотничьего типа хозяйства было совершенно нерационально. На территории горно-лесного Зауралья в сходных условиях ничего подобного не произошло. Крупные круглоплановые поселения не известны к востоку от ареала ташковской культуры.

Такие поселки могли появиться только с притоком нового населения и ассимиляции им местного энеолитического. Трудно объяснить и внезапный переход к плоскодонной форме посуды, поскольку нет никаких переходных форм. Она предстает в уже сложившейся традиции.

Накольчатую орнаментальную традицию ташковской культуры трудно связать с липчинской. Во-первых, основной ее ареал – горно-лесное Зауралье. Во-вторых, стиль орнаментации совершенно различен. Для посуды липчинского типа характерны: вертикальное членение орнаментального поля, разреженность узора, совершенно иная знаковая система и манера нанесения орнамента. Орнаментация гребенчатым штампом с косой нарезкой зубцов ни разу не встречена на посуде в ташковских комплексах.

Многие орнаментальные мотивы можно найти на энеолитической посуде аборигенов, но в данном случае специфику культуры определяют редкие и единичные, которые никогда не встречались на энеолитической посуде Зауралья – это меандры, овалы, вертикальная «елочка», соты, спирали и др.

Не имеет местных корней и обычай преднамеренного сожжения поселений. Массовое вторичное использование керамики не характерно ни для одной из энеолитических культур региона. Обращает внимание и сокращение количества каменных орудий – в комплексах Ташково II и ЮАО-XIII трасологически определенных инструментов около 100 в каждом, а на поселении Иска III изделия из камня в буквальном смысле слова единичны. Существенно меняется и сырьевая база каменной индустрии. Скорее всего, эти факты свидетельствуют о существовании у населения ташковской культуры стратегии добычи и использования камня, отличной от местной энеолитической традиции.

Следует принять во внимание и уникальные находки, часто в большей степени, чем массовый материал, подчеркивающие своеобразие культуры – на поселении Иска III

найдены обломки глиняной булавы, обломок медного сосуда, фрагмент каменной булавы найден и на поселении Заводоуковское XIII[8].

Булавы, главным образом каменные, широко известны на неолитических и энеолитических поселениях юга и степной зоны Восточной Европы, а на памятниках азиатской части они более поздние[9]. Наконечники «сейминского» типа на поселении Ташково II, судя по сырью – цветные яшмы, – были принесены, по всей вероятности, с Южного Урала, но ни с востока, где нет яшм, как нет и цветных наконечников. Близкие не только типологически, но и по сырью изделия были найдены на Синташтинском поселении и в большом грунтовом могильнике[10]. В связи с этим можно допустить, что поселение Ташково II было несколько более поздним по отношению к ЮАО-XIII, и население его контактировало с ранним синташтинским.

Возможно и другое объяснение. При синхронном существовании поселений Ташково II занимало «столичное» положение, где религиозно-мифологическая картина мира в большей степени нашла отражение в вещной среде. Возможно, значительная часть наконечников стрел была связана с культовой практикой и маркировала социальный статус[11].

В системе сакральной жизни общества чрезвычайно важной является модель пространства. У индоиранского населения сакрально значимой стороной был север, а у финно-угорского (уральского) населения – юг[12].

Таким образом, этно- и культурообразующими признаками ташковской культуры являются не только наконечники «сейминского» типа и валики на сосудах, а прежде всего архитектура поселений, тип керамики и связанная с ней знаковая система, ярко выраженный культ огня, модель пространственной ориентации. Все эти признаки являются отражением духовных устремлений определенного этноса,

связанных с представлениями о мире, и все эти признаки не имеют местных корней.

Что касается энеолитического святилища Савин I, то в последних своих работах Т.М.Потемкина генезис архитектуры с круговой планировкой, а также и реконструированные ей представления о мире связывает не с местным, финно-угорским населением, а с индоевропейской языковой общностью. Этот вывод подтвержден антропологическими материалами – погребения во рву святилища дали южноевропейские формы черепов[13].

Сложнее установить регион, откуда шла миграция населения в Нижнее Притоболье. Нам пока трудно назвать какую-либо конкретную культуру или место, откуда пришло новое население в Притоболье. Можно лишь определить направление миграции – с юго-запада, из области культур европейской языковой общности. Типологически по форме посуды, технике орнаментации и знаковому комплексу ташковская керамика наиболее близка керамике поселения Тентексор Северного Прикаспия[14].

Миграции населения с накольчатым орнаментом на керамике в Нижнее Притоболье начались еще в V – IV тыс. до н.э., в результате которых сформировались кошкинская и боборыкинская культуры[15]. В Нижнем Притоболье именно к кошкинской и боборыкинской культурам восходят такие признаки керамики, как плоскодонность, накольчатая техника орнаментации, налепные валики, «змеиный» узор, вертикальный зигзаг («елочка») и др. В более позднее время посуда с валиками и ямочным орнаментом единично встречается на энеолитических памятниках Урала[16]. По-видимому, некоторые параллели в орнаментации и знаковой системе боборыкинской и ташковской керамики не случайны и отражают их этническое родство, некоторые общие представления о мире, направление миграционных потоков.

Исследователи отмечают значительное ухудшение климата в степной зоне Восточной Европы во второй поло-

вине III тыс. до н.э. Пик аридности приходится на рубеж III – II тыс. до н.э.[17] Вероятно, это одна из причин очередной миграции в Притоболье и формирования новой культуры путем колонизации мигрантами местного населения.

Неоднократно к анализу ташковских древностей обращался С.А.Григорьев, пытаясь вслед за В.И.Стефановым и О.Н.Корочковой показать связь таких культур, как елунинская, кротовская, ташковская, чирковская, с миграцией сейминско-турбинских популяций с востока[18]. Как уже указывалось, для включения поселения Ташково II в сейминско-турбинский хронологический пласт для С.А.Григорьева достаточно было двух образцов с присутствием олова по 0,5 и 1 % и нескольких наконечников стрел «сейминского» типа. Наконечники поселения Ташково II в одинаковой степени можно связать с миграцией как с юга, так и с юго-запада, тем более что подобные изделия найдены на памятниках синташтинской культуры, формирование которой не связывают с продвижением сейминско-турбинских племен.

В этой связи заслуживает особого внимания точка зрения Н.Б.Виноградова о возможном сильном влиянии синташтинской культуры на постэнеолитическое население лесостепного Зауралья. По его мнению, в результате быстрой структурной перестройки местного населения за короткий срок происходило формирование памятников петровского типа, ташковской культуры и др.[19] Действительно, в облике синташтинской и ташковской культур можно найти много общего. Однако влиянием синташтинской культуры на энеолитическое население Нижнего Притоболья объяснить происхождение ташковской культуры практически невозможно, тем более что она удалена от памятников синташтинско-аркаимского круга на значительное расстояние и непосредственных контактов, скорее всего, не было. Нами уже было отмечено, что внезапно комплекс новых стереотипов культуры в местной среде мог появиться только вместе с живыми носителями.

Более приемлема, на наш взгляд, точка зрения о миграции в Притоболье какой-то части синташтинского населения и ассимиляции им местного энеолитического. Этим можно многое объяснить: сходство а архитектуре поселений, находки наконечников «сейминского» типа на поселениях ташковской культуры, переход к плоскодонной форме посуды и многие новые мотивы в орнаментации керамики, в том числе и налепные валики. В настоящее время нами прорабатывается и такая версия, при этом механизм формирования ташковской культуры, как и ее этническая интерпретация, разрабатываемая нами ранее, только уточняется. При всей привлекательности такой точки зрения следует принять во внимание несопоставимость уровня металлургии ташковской и синташтинской культур, уровень камнеобработки, различный тип хозяйственной деятельности.

Можно предполагать миграцию населения в Нижнее Притоболье и Южное Зауралье двумя синхронными параллельными потоками или разновременными, но при этом мигранты принадлежали к единой языковой общности.

Металлургия ташковской культуры еще недостаточно изучена. По результатам спектрального анализа металла поселения Ташково II Е.Н.Черных лишь условно (со знаком вопроса) отнес его к группе ВК. К бесспорным фактам относятся отсутствие на поселениях плавки из руды и достаточно многочисленные свидетельства расплавки или переплавки медных слитков или металлического лома. Литейных форм, как и изделий, близких синташтинским или сейминско-турбинским, не найдено, хотя практически полностью раскопаны 4 поселения ташковской культуры. По сведениям старшего научного сотрудника Института металлургии УрО РАН Г.Ф.Казанцева, уральские руды иногда содержат олово до 3 – 5 % и более. Он же обратил внимание на несколько большее содержание серебра в ташковских образцах, не свойственное уральским рудным источникам. Найденному фрагменту медного сосуда с поселения

Иска III аналоги скорее можно найти в культурах юга, но не в сейминско-турбинских комплексах.

По-видимому, миграция в Зауралье на рубеже III – II тыс. до н.э. связана с распадом циркумпонтийской металлургической провинции, поскольку археологически фиксируемый новый комплекс стереотипов культуры своими истоками уходит на юго-запад.

Нам представляется, что ташковская культура вместе с памятниками логиновского, одиновского, вишневского типов является более ранней, чем синташтинская и кротовская. Этому не противоречит и абсолютный возраст поселений ташковской культуры.

При отсутствии антропологических свидетельств все же с достаточной уверенностью можно предполагать по меньшей мере двухкомпонентный состав населения ташковской культуры, отраженный в различных орнаментальных традициях на керамике, характере архитектуры, культах. Пришлый компонент мы связываем с индоевропейской языковой общностью, поскольку архитектурный стандарт поселений, основанный на сочетании квадрата и круга, культ огня являются общими для всей индоевропейской общности. При этом мы никогда не высказывали каких-либо мыслей об уральской прародине ариев или об их миграции в Индию. Мы не разделяем точки зрения об уральских истоках зороастризма и не считаем поселения с кольцевой планировкой протогородами или первогородами Сибири[20]. В своих работах мы привлекаем данные Ригведы, поскольку они во многом соотносятся с археологическими реалиями. Гимны Ригведы использованы в качестве семиотического ключа для того, чтобы расширить понимание людей архаической эпохи. В Ригведе исследователи выделяют три хронологических пласта – индоевропейский, индоиранский и индоарийский. Наиболее ранние гимны Ригведы, по мнению Т.Я.Елизаренковой, восходят к V – IV тыс. до н.э.[21] В них отражены представления о мире, культовая практика,

которая была общей для всей индоевропейской языковой семьи и распространялась на далекие расстояния вместе с их носителями. Духовные воззрения не могли не отложиться в материальной культуре. Устойчивость культуры и ее жизнедеятельность обусловлена наличием общей картины мира, единообразными правилами поведения. Чем более значимые сферы поведения, тем более жестко они регламентированы, тем сильнее контроль за соблюдением стандартов и образцов[22].

Урал оказался зоной встречи Востока и Запада, культур индоевропейского и финно-угорского населения. Проблема этнической идентификации населения любой археологической культуры является не менее сложной, чем ее генезис. Однако в данном случае имеются достаточно веские аргументы, чтобы предполагать миграцию в Зауралье индоевропейского, возможно уже индоиранского, населения.

[1] См.: **Ковалева В.Т.** Энеолит Среднего Зауралья: андреевская культура. Екатеринбург, 1995.

[2] См.: **Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М.** Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып.20. С.64.

[3] См.: Там же. С.61 – 64.

[4] См.: **Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю.** Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С.100 – 111.

[5] См.: **Потемкина Т.М.** О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Уральско-Западносибирском регионе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы науч. конф. Челябинск, 1995. Ч.5, кн.1. С.144 – 154.

[6] См.: **Волков Е.Н.** К вопросу об этнической атрибуции населения ташковской культуры // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999. С. 161 – 163.

[7] См.: **Шорин А.Ф.** Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999. С.94.

[8] См.: **Стефанова Н.К.** Отчет об исследованиях археологических памятников в Заводоуковском районе Тюменской области летом 1989 г. Екатеринбург, 1992 // Арх. ПНИАЛ УрГУ, ф.II, д.490. С.18. Рис.40–*4*.

[9] См.: **Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В.** Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986. С.22 – 23. Рис.12; **Барынкин П.П.** Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Там же. С.83. Рис.2, 9. С.89 – 90.

[10] См.: **Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** Синташта. Челябинск, 1992. Цв.вкл.9, 17 – 18.

[11] См.: **Ковалева В.Т., Шаманаев А.В.** О цветовой символике каменных наконечников стрел поселения Ташково II // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб., 1993. Ч.2. С.79 – 80.

[12] См.: **Лужникова А.В.** Север и юг в представлениях индоиранских и финно-угорских народов // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Филология, литературоведение, культурология, лингвистика, искусствоведение. М., 1996. С.258.

[13] См.: **Потемкина Т.М.** О факторах, предшествовавших сложению памятников типа Аркаим… С.153 – 154.

[14] См.: **Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В.** Поздненеолитическая стоянка Тентексор… С.12 – 19.

[15] См.: **Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.** Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // ВАУ. Екатеринбург, 1998. Вып.23. С.162 – 183.

[16] См.: **Шорин А.Ф.** Энеолит Урала и сопредельных территорий. С.172.

[17] См.: **Демкин В.А.** Палеоэкологические кризисы и оптимумы в Евразийских степях в древности и Средневековье // Комплексные общества Центральной Евразии в III – II тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск; Аркаим, 1999. С.304.

[18] См.: **Григорьев С.А.** Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999. С.133, 202 – 213.

[19] См.: **Виноградов Н.Б.** Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского века в Южном Зауралье // Вестн. Челяб. гос. пед. ин-та. Ист. науки. Челябинск, 1995, Вып.1. С.26.

[20] См.: **Кызласов Л.Р.** Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1999. № 3. С.128.

[21] См.: **Елизаренкова Т.Я.** Ригведа – великое начало // Ригведа. Мандалы I – IV. М., 1989. С.505 – 506.

[22] См.: **Байбурин А.К.** Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С.6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Археологии поселений» принадлежит ведущее место в изучении первобытных обществ. Любое раскопанное поселение оставлено некогда реально существовавшим коллективом. Задача исследователя – воссоздать целостное представление о жизнедеятельности конкретного социума. Без исторического осмысления полученного материала археологические сведения утрачивают смысл.

Не существует единых подходов к интерпретации археологических источников, как и однозначных решений моделирования процесса жизнедеятельности. В одних случаях первостепенное значение придается формализованному анализу материала, статистическим подсчетам, в других – исторической ретроспекции, при этом зачастую из археологии выхолащивается общечеловеческое содержание. В отечественной археологии интерпретация археологических материалов как научно-исследовательского направления успешно разрабатывается В.М.Массоном[1].

Мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой критерии правомерности модели кроются не в статистических подсчетах (они нужны для систематизации источника), а в целостном восприятии мира, диалектической взаимосвязи частей с целым; несводимости целого к сумме частей. Раздробленные артефакты необходимо превратить в связную целостность, реконструировать картину мира создателей изучаемого памятника. При «прочтении» знаковой системы использовались мифологические и письменные (Ригведа) источники, которые помогли уточнить значение того или иного образа. При этом авторы далеки от каких-либо вольных фантазий на археологические темы. Нам неоднократно приходилось выслушивать упреки своих коллег по поводу правомерности привлечения для реконструкции картины мира населения ташковской культуры данных мифологии и письменных источников.

Мы пришли к выводу, что соответствия археологических реалий и некоторых гимнов Ригведы увеличиваются по мере накопления источника, углубления в материал. Воспроизведенная нами картина мира не противоречит всем имеющимся фактам, при этом мы всегда готовы уточнить или изменить свою версию на более аргументированную. Жан-Клод Гарден в заключении своей «Теоретической археологии» признался, что наиболее ценными для него являются те исторические работы, которые несут на себе глубокий след личного, даже пристрастного, отношения автора к его теме[2]. Мы же признаемся в своем пристрастии к той эпохе, которая была так или иначе пронизана атмосферой богатейшей ведической культуры. Т.Я.Елизаренкова неоднократно отмечала, что религиозно-мифологические воззрения Ригведы дают уникальный материал для изучения не только культуры Древней Индии, древних цивилизаций Передней и Малой Азии, но и истории всей индоевропейской культуры[3].

Возвращаясь к выводам, основанным на данных археологии, следует еще раз отметить следующее: культуру зауральского энеолита и ташковскую нельзя представить в виде плавного эволюционного процесса, вытекающего одно из другого. Местные корни для многих явлений отсутствуют. Миграция в Нижнее Притоболье происходила с территории юго-западных районов. Аналоги многим новым стереотипам культуры найдены не комплексно, а в памятниках, относящихся к различным территориям и хронологическим пластам индоевропейской языковой общности. Принцип планировки поселений ташковской культуры во многом близок памятникам раннего бронзового века Передней Азии и Балканского региона. Сожжение поселков, приуроченное к переселению социумов на новое место, характерно для трипольской культуры. Накольчатой технике орнаментации в сочетании с плоскодонной формой посуды и новыми для Зауралья мотивами можно найти аналоги в керамике посе-

лений типа Тентексор в Северном Прикаспии. Наиболее ранние булавы также найдены на неолитических и энеолитических памятниках юга Европы, а в более позднее время они получили достаточно широкое распространение.

Ташковская культура была открыта 20 лет назад и совершенно естественно, что наши взгляды на некоторые вопросы претерпели за это время существенные изменения в связи с исследованием новых памятников.

Процесс познания, как правило, начинается с неопределенного множества образов, с неупорядоченных, отрывочных данных, поиска и отбора нужного материала, попыток связать его в определенные комбинации. Мысль рождается и закрепляется в виде отдельных фрагментов в процессе диалога между исследователем и его оппонентами. В начальной стадии этого диалога отбрасываются и большие «куски» материала, накопленного разнообразия.

По мере роста и переработки информации возникают новые идеи, которые все четче вырисовывают архитектуру исследуемого объекта. При поиске новых идей ясность понимания часто наступает внезапно, как бы случайно. Но чаще всего этому предшествуют целеустремленный поиск «на подходе», долгие месяцы и даже годы неустанных размышлений и отработки всевозможной информации[4].

В заключение мы благодарим наших коллег-археологов, которые в своих работах отразили те или иные аспекты в осмыслении ташковской культуры. Это особенно относится к Т.М.Потемкиной, непосредственно принимавшей участие в раскопках поселения ЮАО-XIII и в работе полевого симпозиума на Андреевском озере в 1991 г.[5] Ее стремление генетически связать памятники типа святилища Савин I и ташковские привело к некоторой эволюции взглядов как самой Т.М.Потемкиной, так и наших.

Мы с большим интересом относимся к новым концепциям бронзового века, предложенным С.А.Григорьевым, А.Ф.Шориным, в работах которых отмечены некоторые

особенности ташковских древностей, значимость и место ташковской культуры в изучении древней истории Урала.

Мы благодарны сотрудникам Тюменского областного краеведческого музея С.Ю.Пархимович и В.И.Семеновой, которые на протяжении всех лет раскопок на оз.Андреевском оказывали нам непосредственную помощь и содействие, а также студентам-практикантам Уральского университета и Нижнетагильского пединститута за бескорыстную помощь.

Коллекция поселения Андреевское озеро XIII передана на хранение в Тюменский областной краеведческий музей.

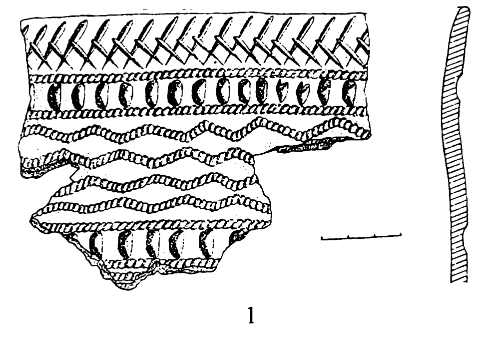
[1] См.: **Массон В.М.** Исторические реконструкции в археологии. Самара, 1996.

[2] См.: **Гарден Ж-К.** Теоретическая археология. М., 1983. С.264.

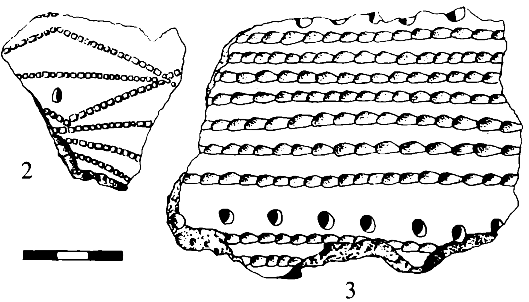
[3] См.: **Елизаренкова Т.Я.** Древнейшие памятники индийской литературы // Да услышат меня земля и небо. М., 1984. С.16.

[4] См.: **Абдеев Р.Ф.** Философия информационной цивилизации. М., 1994. С.111 – 112.

[5] См.: **Потемкина Т.М., Ковалева В.Т.** О некоторых проблемах эпохи неолита – ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала. По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991) // РА. 1993. Вып.1. С.250 – 260.

1

2

3

Рис.11. Поселение ЮАО-XIII, жилище 1.
Сосуды: *1* – №18; *2* – № 150; *3* – №160

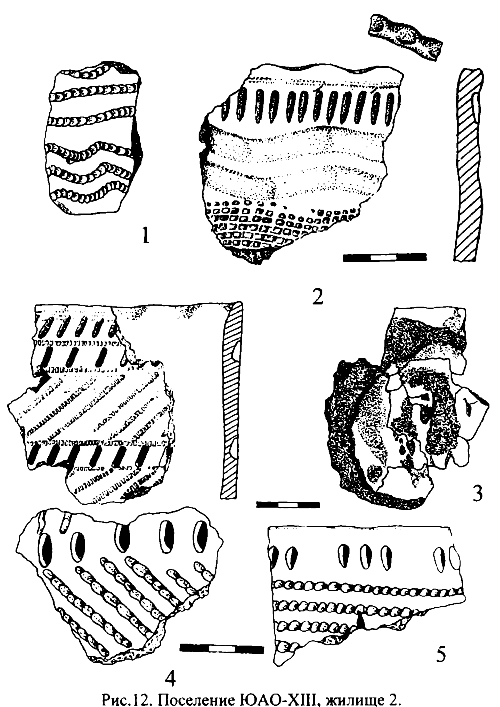

Рис.12. Поселение ЮАО-XIII, жилище 2.
Сосуды: *1* – № 157; *2* – № 153; *3* – № 152; *4* – № 154; *5* – № 148

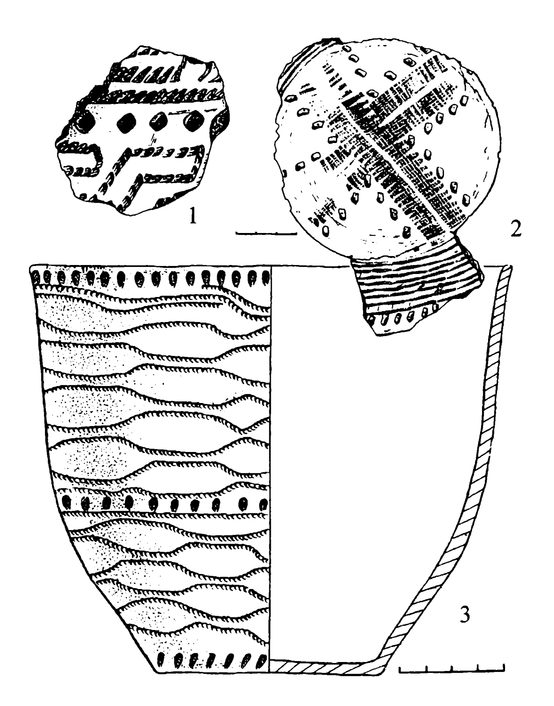

Рис.13. Поселение ЮАО-XIII, жилище 3.
Сосуды: *1* – № 174; *2* – № 2; *3* – № 1

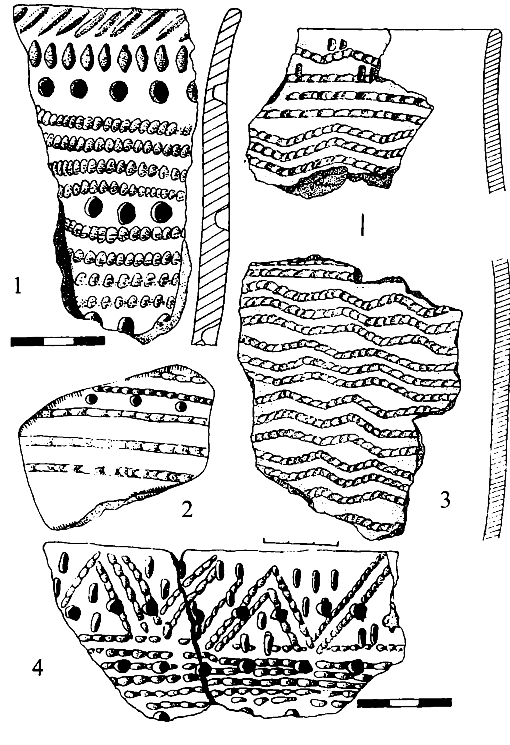

Рис.14. ЮАО-XIII, жилище 3.
Сосуды: *1* – № 29; *2* – № 7; *3* – № 111; *4* – № 17

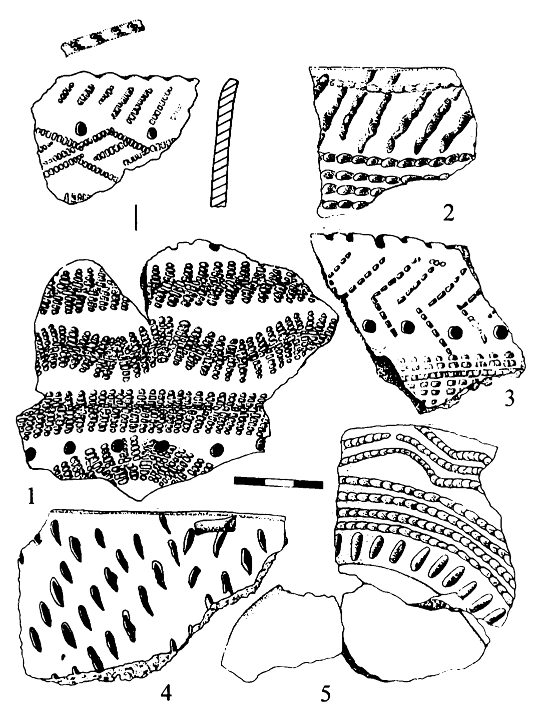

Рис.16. ЮАО-XIII, жилище 4.
Сосуды: *1* – № 8; *2* – № 37; *3* – № 28; *4* – № 10; *5* – № 186

1

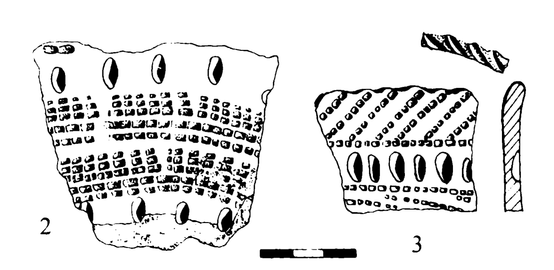

Рис. 17. Поселение ЮАО-XIII, жилище 5.
Сосуды: *1* – № 11; *2* – № 25; *3* – № 42

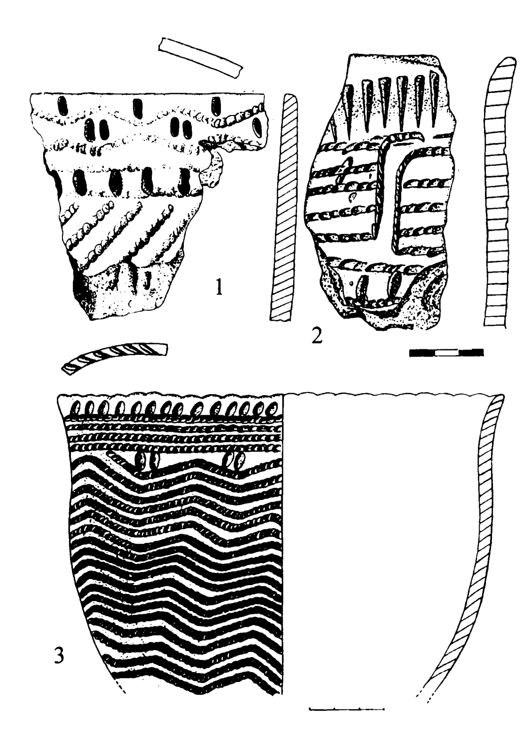
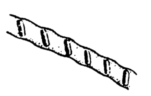
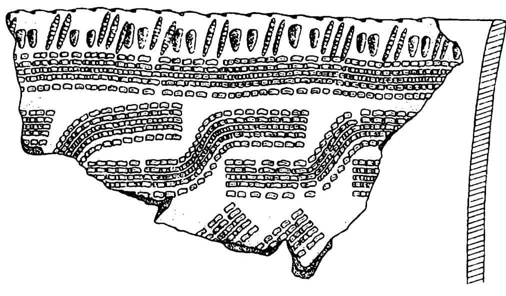

Рис.18. Поселение ЮАО-XIII, жилище 6.
Сосуды: *1* – № 188; *2* – № 63; *3* – № 54

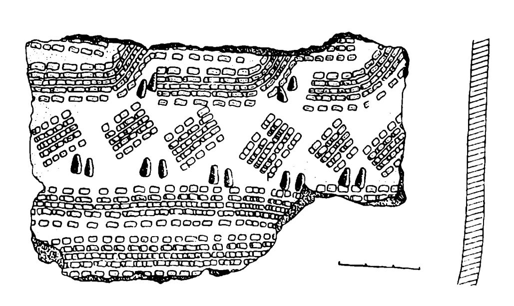

Рис.19. Поселение ЮАО-XIII, жилище 6, сосуд № 60

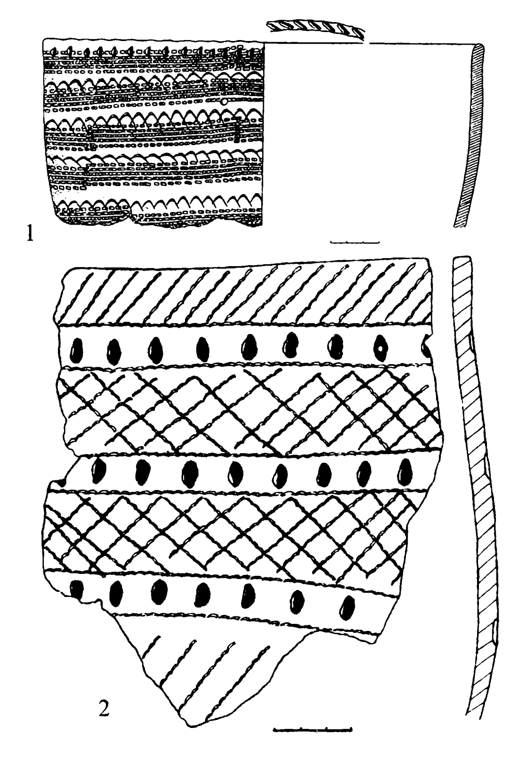

Рис.20. Поселение ЮАО-XIII. *1* – жилище 6 (*1*), жилище 7 (*2*).
Сосуды: *1* – № 51; *2* -- сосуд № 50

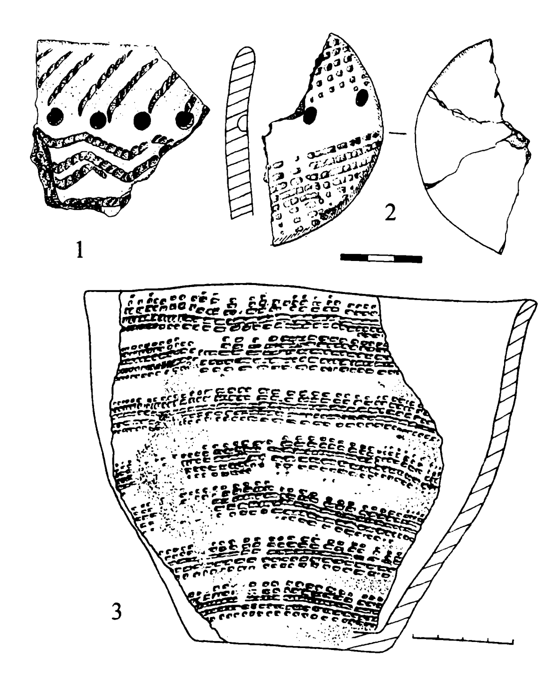
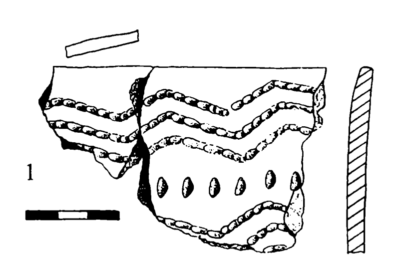

Рис.21. Поселение ЮАО-XIII, жилище 14 (*1*), жилище 7 (*2–3*). Сосуды: *1* – № 122; *2* – № 187; *3* – № 49

2

Рис.22. Поселение ЮАО-XIII, жилище 7.
Сосуды: *1* – № 66; *2* – № 53

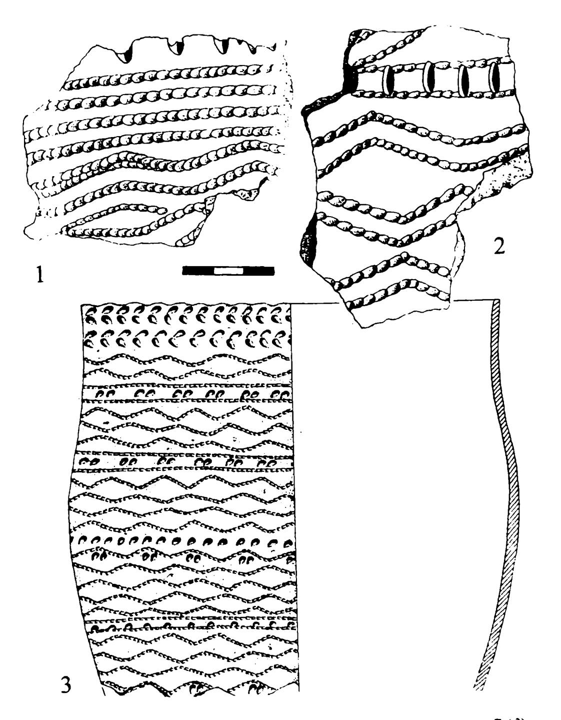

Рис.23. Поселение ЮАО-XIII, 1 – жилище 6 (*1 – 2*), жилище 7 (*3*). Сосуды: *1* – № 67; *2* – № 64; *3* – № 48

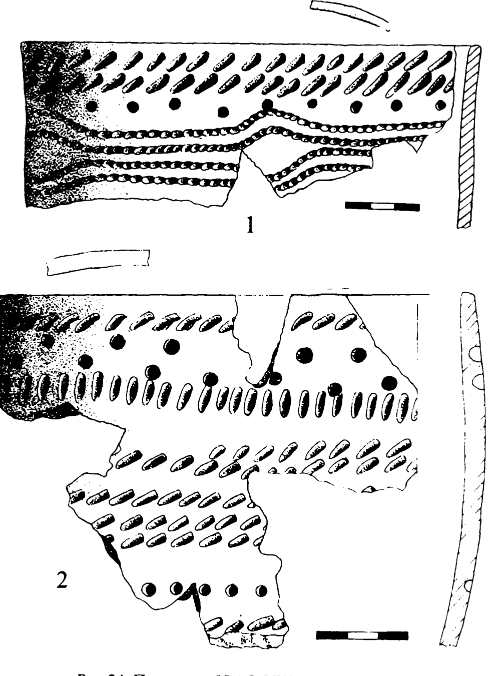

Рис.24. Поселение ЮАО-XIII, жилище 8.
Сосуды: *1* – № 83; *2* – № 84

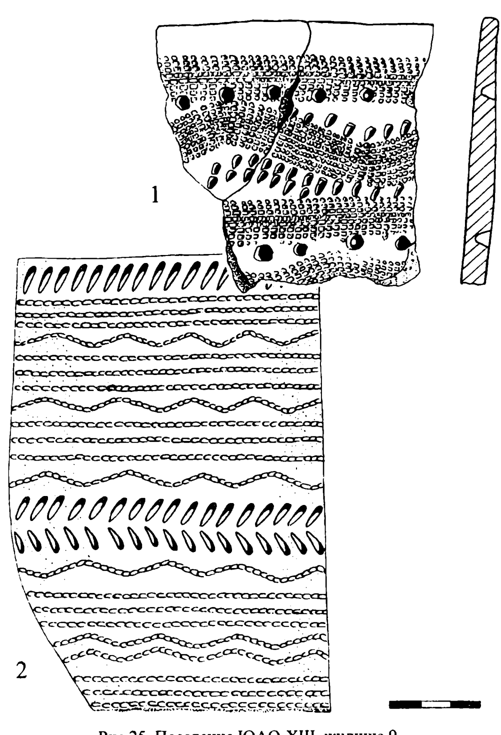

Рис.25. Поселение ЮАО-XIII, жилище 9.
Сосуды: *1* – № 87; *2* – № 85

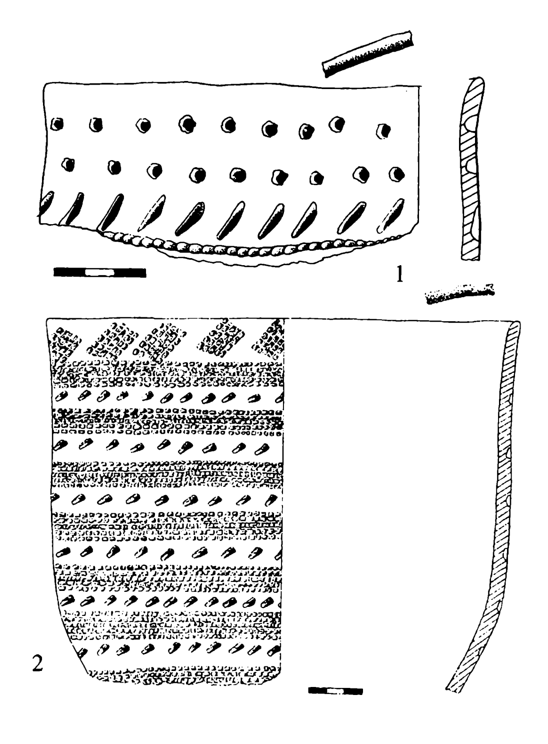

Рис.26. Поселение ЮАО-XIII, жилище 9.
Сосуды: *1* – № 95; *2* – № 76

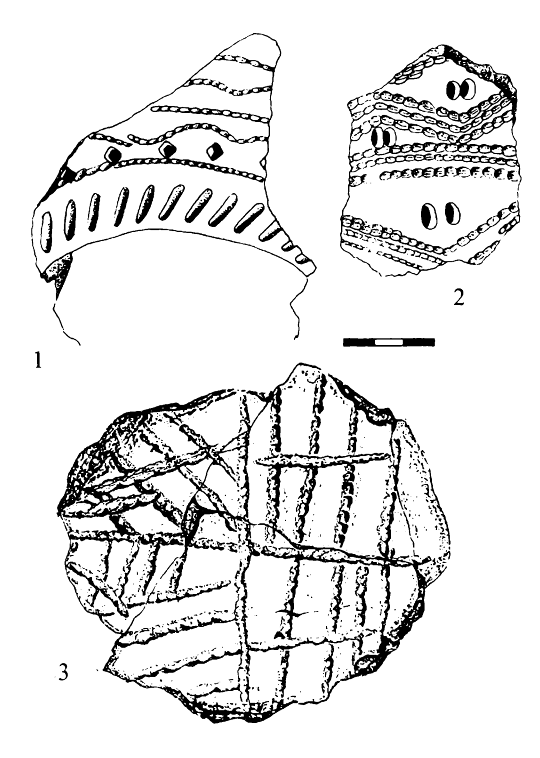

Рис.27. Поселение ЮАО-XIII, жилище 9.
Сосуды. *1* – № 86; *2* – № 189; *3* – дно сосуда № 179

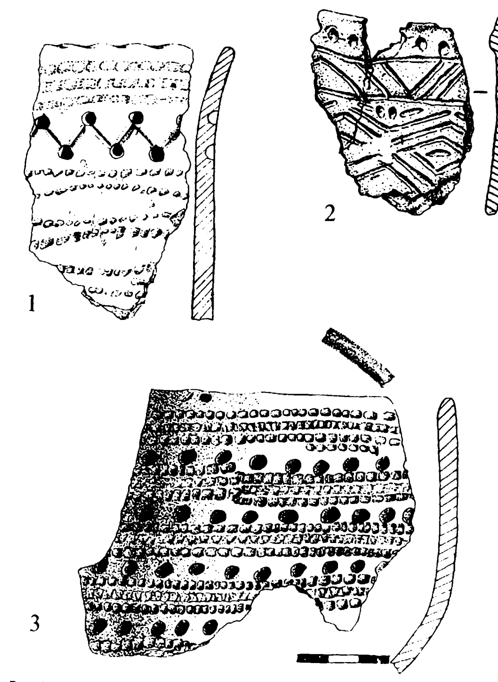

Рис.28. Поселение ЮАО-XIII, МЖП (*1*), жилище 10 (*2* – *3*)
Сосуды: *1* – № 72; *2* – № 162; *3* – № 80

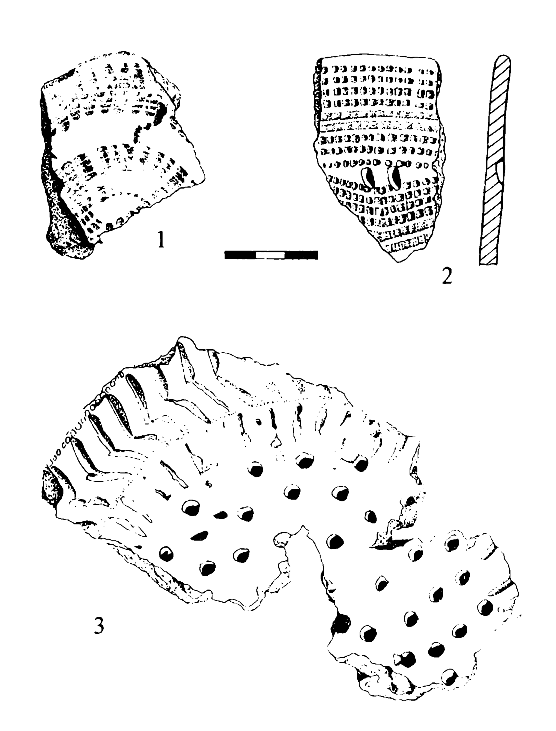
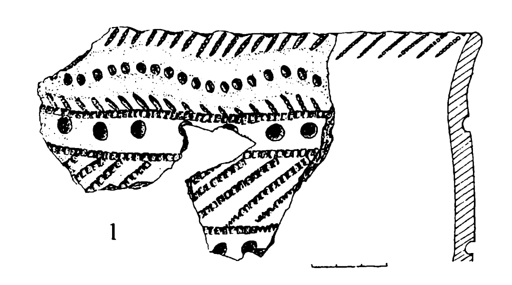

Рис.29. Поселение ЮАО-XIII, жилище 11.
Сосуды: *1,2* – № 82; *3* – № 181

2

Рис.30. Поселение ЮАО-XIII, жилище 11.
Сосуды: *1* – № 101; *2* – № 175

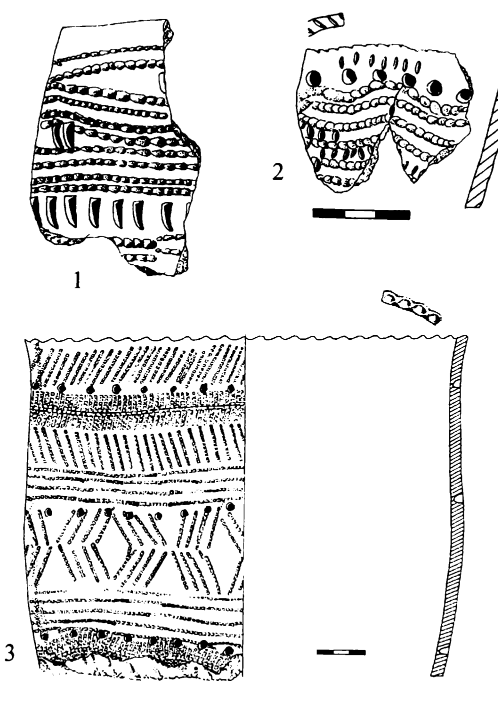

Рис.31. Поселение ЮАО-XIII, жилище 12.
Сосуды: *1* – № 88; *2* – № 91; *3* – № 74

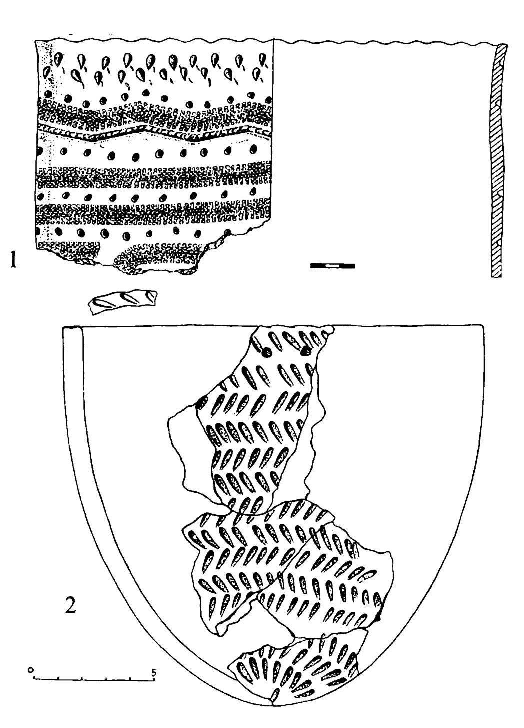

Рис.32. Поселение ЮАО-XIII, жилище 12.
Сосуды: *1* – № 77; *2* – № 98

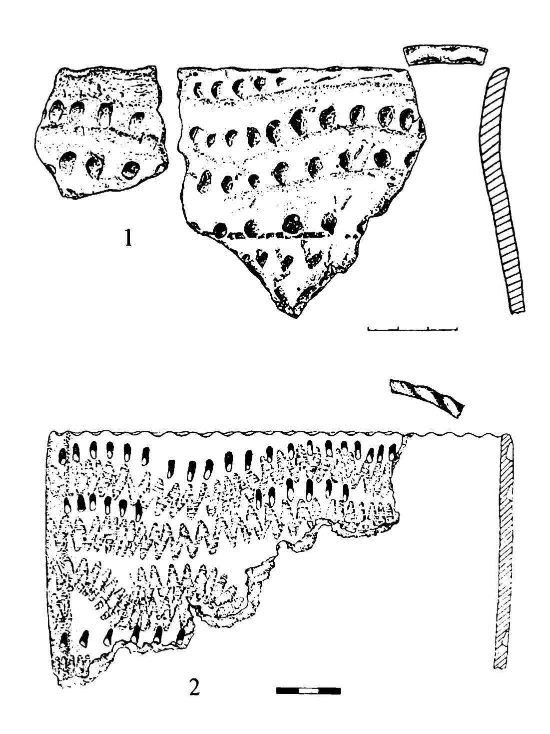

Рис.33. Поселение ЮАО-XIII, жилище 12.
Сосуды: *1* – № 102; *2* – № 79

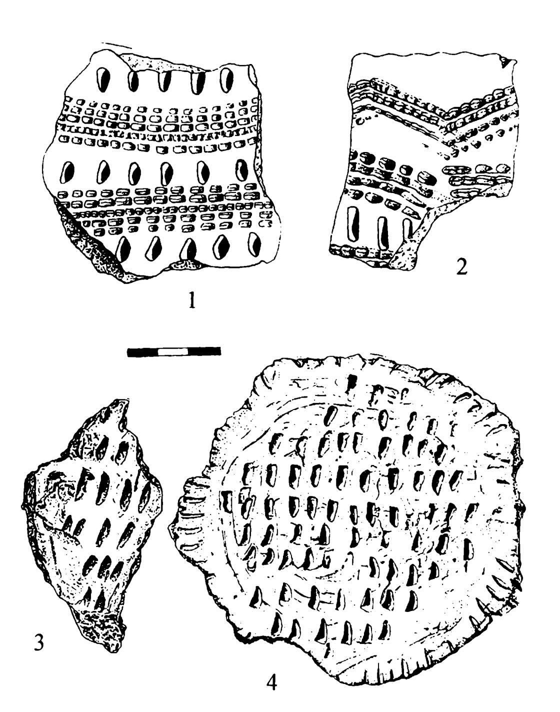

Рис.34. Поселение ЮАО-XIII, жилище 12.
Сосуды: *1* – № 108; *2* – № 109; *3* – № 176; *4* – № 178

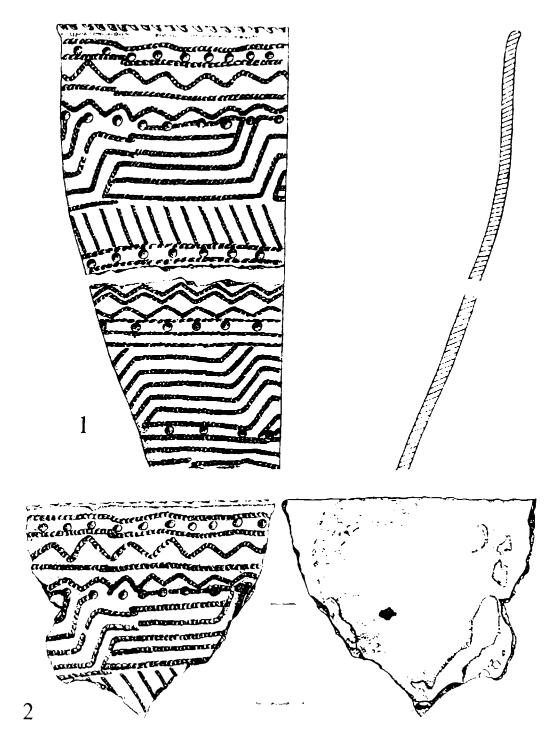

Рис.35. Поселение ЮАО-XIII, жилище 13.
Сосуд. *1,2* — № 89

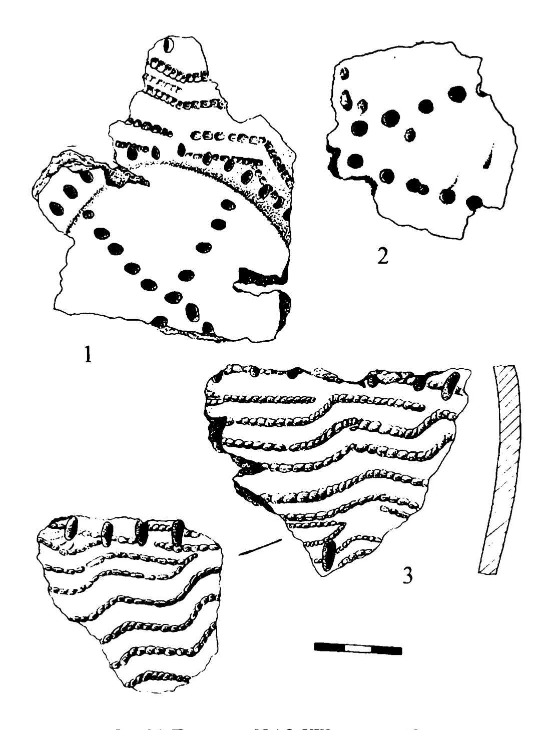

Рис.36. Поселение ЮАО-XIII, жилище 13.
Сосуды: *1* – № 180; *2* – № 208; *3* – № 114

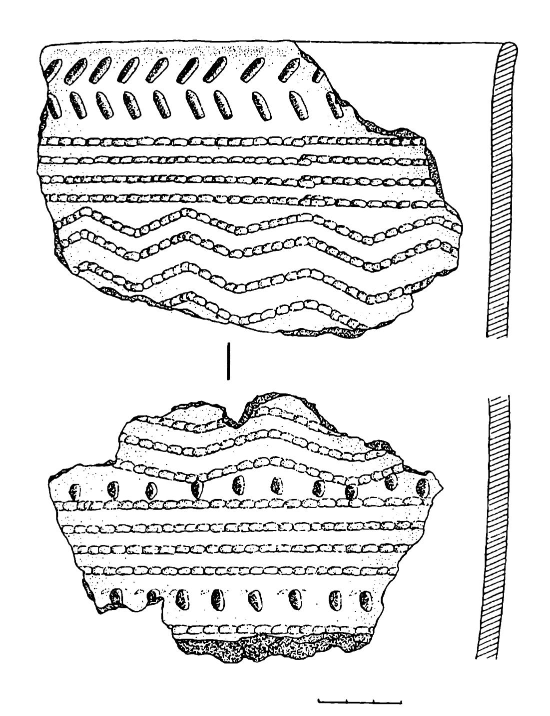

Рис.37. Поселение ЮАО-XIII, жилище 13.
Сосуд № 96

1

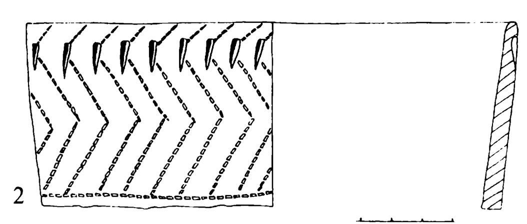

Рис.38. Поселение ЮАО-XIII, жилище 14.
Сосуды: *1* – № 44; *2* – № 93

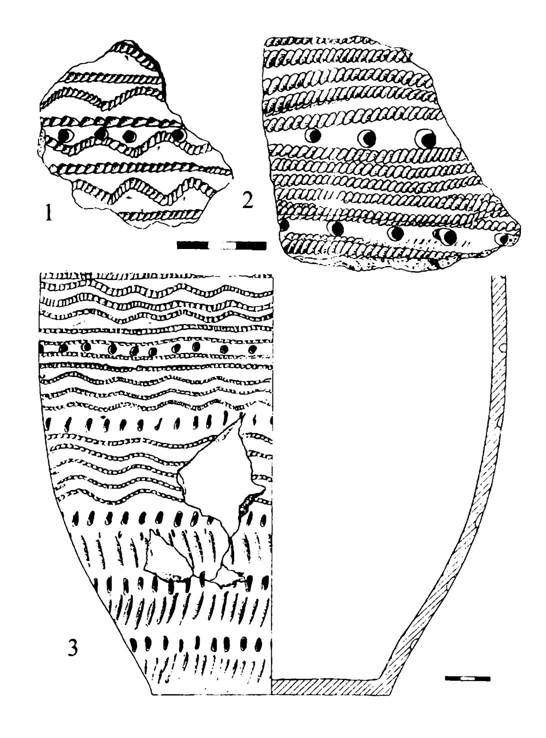

Рис.39. Поселение ЮАО-XIII, жилище 14 (*1; 3*), жилище 15 (*2*).
Сосуды: *1* – № 103; *2* – № 55; *3* – № 81

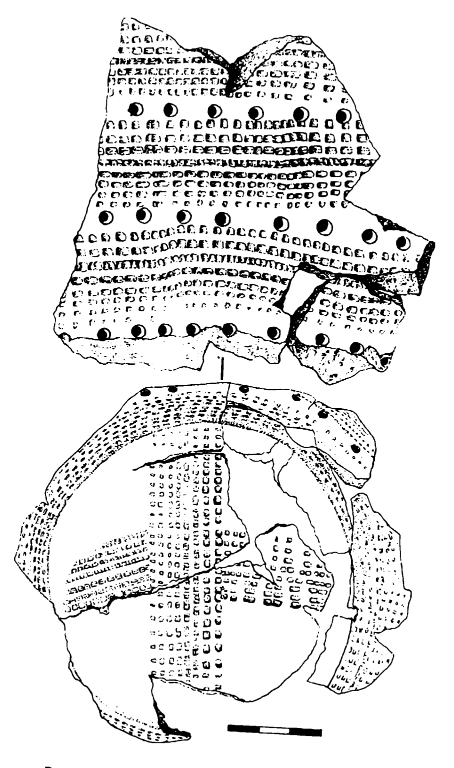

Рис.40. Поселение ЮАО-XIII, жилище 15.
Сосуд № 56

1

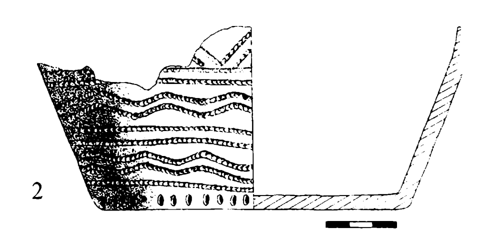

Рис.41. Поселение ЮАО-XIII, жилище 16.
Сосуды: *1* – № 61; *2* – № 70

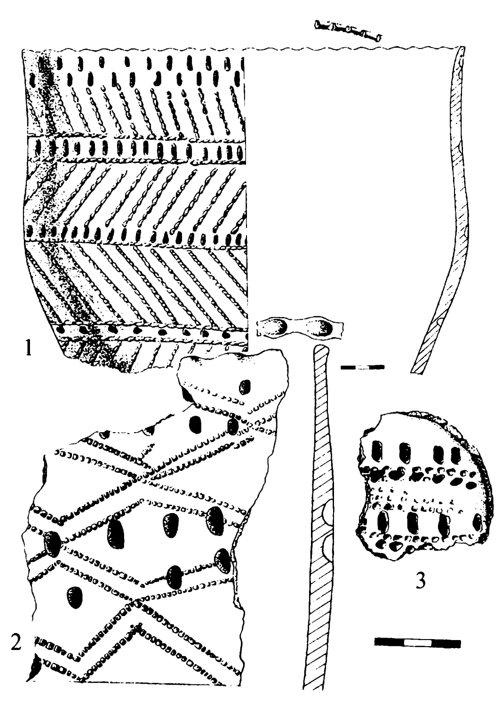

Рис.42. Поселение ЮАО-XIII, жилище 17.
Сосуды: *1* – № 16; *2* – № 14; *3* – № 204

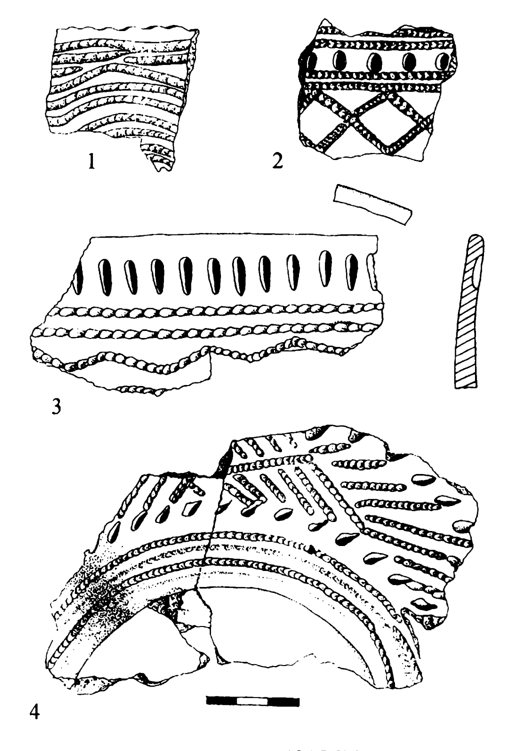

Рис.43. Поселение ЮАО-XIII,
межжилищное пространство (*1* – *3*), жилище 17 (*4*).
Сосуды: *1* – № 41; *2* – № 146; *3* – № 30; *4* – № 185

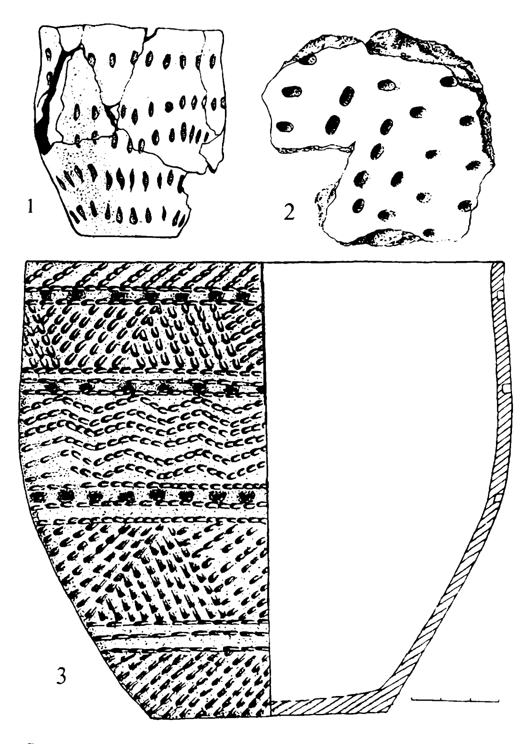

Рис.44. Поселение ЮАО-XIII, межжилищное пространство.
Сосуды: *1* – № 62; *2* – № 183; *3* – № 52

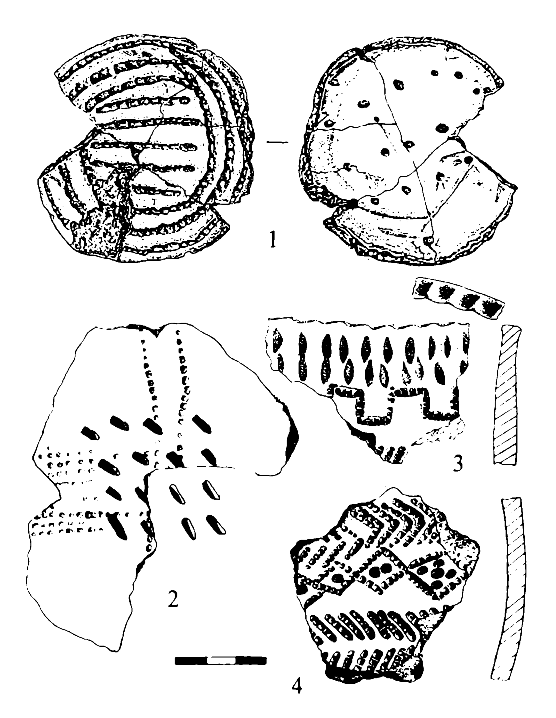

Рис.45 Поселение ЮАО-XIII, межжилищное пространство.
Сосуды: *1* – № 177, *2* – № 182, *3*, *4* – № 33

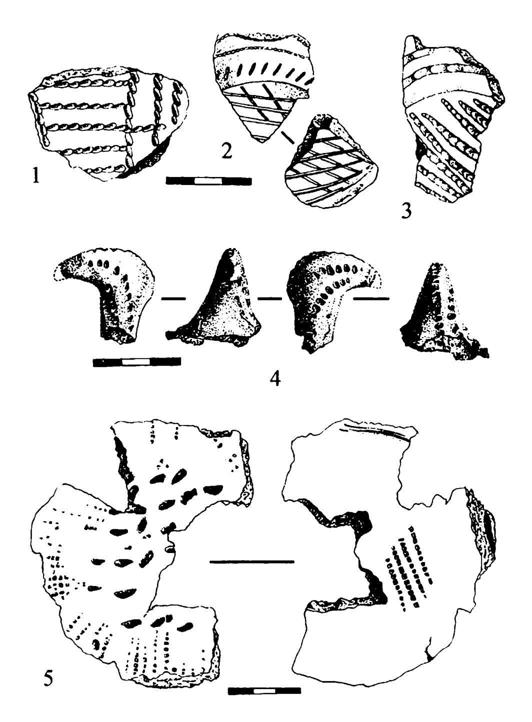

Рис.46. Поселение ЮАО-XIII,
межжилищное пространство (*1, 4–5*), жилище 15 (*2*).
Сосуды: *1* – № 207; *2* – № 205; *3* – № 206; *5* – № 184.
Изделие из глины: *4* – головка птички.

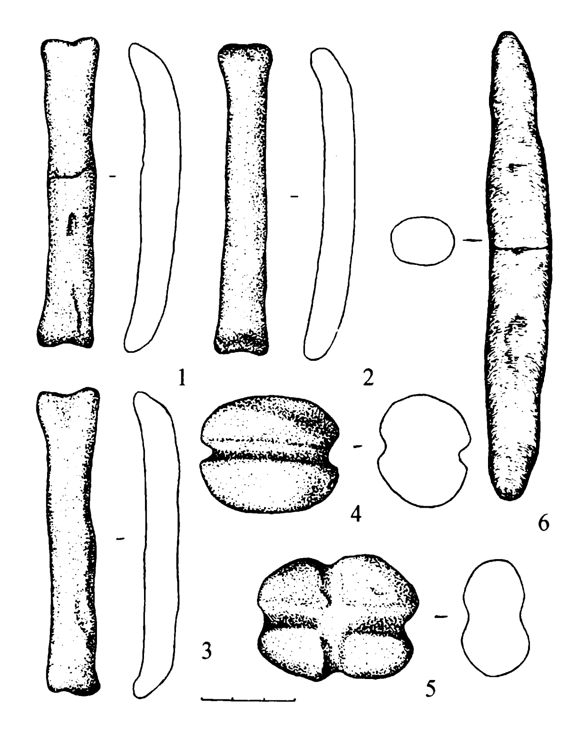

Рис.47. Поселение ЮАО-XIII:
1–5 – керамические рыболовные грузила

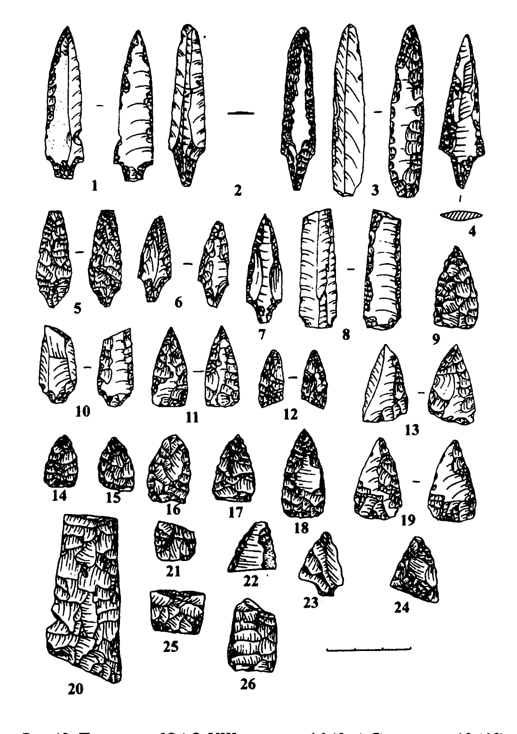

Рис.48. Поселение ЮАО-XIII, жилище 16 (*2, 4, 7*), жилище 13 (*12*), жилище 4 (*15, 22*), жилище 5 (*22, 24*).
Изделия из камня: *1 – 19, 21, 25* – наконечники стрел и их фрагменты; *20* – нож; *22 – 24, 26* – заготовки наконечников стрел

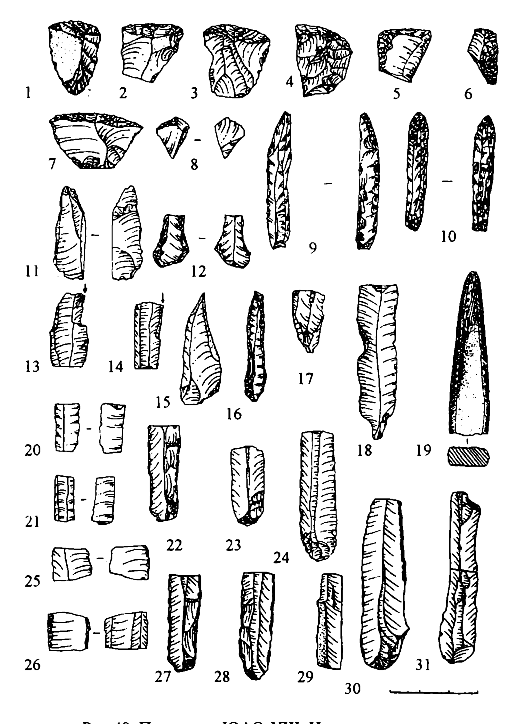

Рис.49. Поселение ЮАО-XIII. Изделия из камня:
1–8 – скребки; *9–11* – сверла; *12* – развертка; *13–14* – резцы;
15–16 – проколки; *17, 20–31* – пластины и сечения пластин с ретушью;
18 – пластина с выемкой; *19* – шлифованное орудие

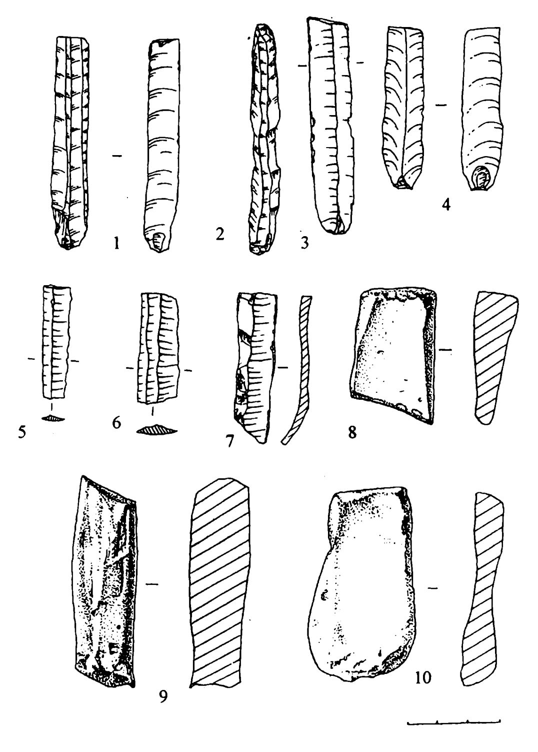

Рис.50. Поселение ЮАО-XIII. Изделия из камня:
1–7 – пластины и сечения пластин с ретушью; *8–10* – абразивы

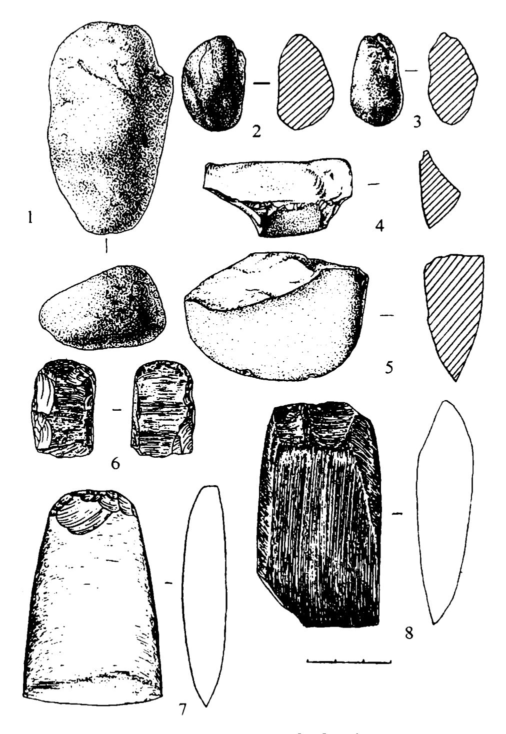

Рис.51. Поселение ЮАО-XIII.
Изделия из камня: *1–3* – отбойники;
4–8 - шлифованные орудия и их фрагменты

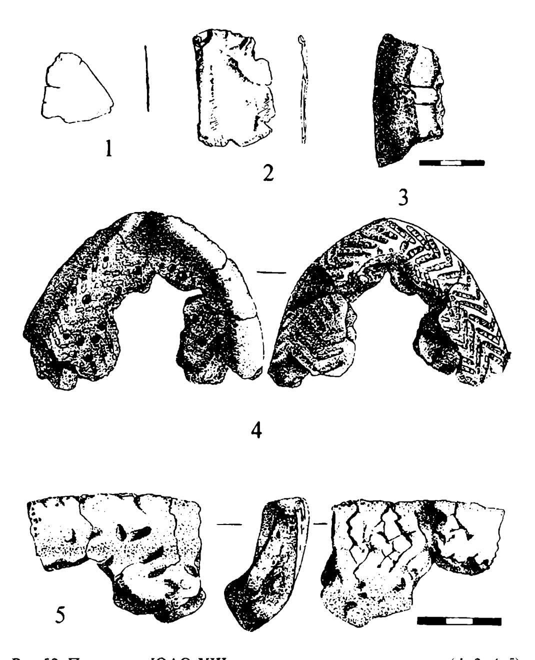

Рис.52. Поселение ЮАО-XIII, межжилищное пространство (*1*–*2*, *4*–*5*), жилище 3 (*3*). Изделия, связанные с металлообработкой: *1*–*2* – обломки медных изделий; *3*–*5* – фрагменты тиглей

Valentina Kovalyova, Olga Ryzkova, Andrey Shamanaev

Summary

Tashkovo culture was discovered at the beginning of the 80's. The settlements of Tashkovo culture occupy the territory of forest-steppes part of the Middle Trans-Urals (Lower Pritobolye). Tashkovo culture is dated to the beginning of the II millennium B.C. (Early Bronze Age of the given territory). Perhaps, formation of Tashkovo culture was connected with the penetration of the groups of Indo-Iranian population to Lower Pritobolye. So migrants assimilated aboriginals. As a result, a series of innovations in the sphere of material and spiritual culture appears. One of the most significant features of the new culture is the circular layout of the settlements with the area varying from 1000 m^2 to 3000 m^2. Besides, a new type of pottery shows up and metal-work begins to develop. The spiritual culture is characterized by the ideas wich are inherent in Vedic tradition.

The present book is devoted to publication and comprehension of data of the settlement Andreevskoe Ozero XIII. The site is situated not far from Tymen city, on the southern bank of Lake Andreevskoe. The excavations were held in 1990-1994 by the expedition of the Urals State University.

Chapter I. Historiography and State of the Problem

In the chapter we examine the debate concerning the problems of formation of Tashkovo culture and its connection with the population of other cultures of preceding and synchronous period in the Ural region. First of all the possibility of the correlation of the inhabitants of Tashkovo culture with Indo-Iranian's ethnic component is taken into account. The second important problem touches upon the extent of Indo-

Iranian's participation in formation of the culture. Some researchers consider the traditions of Tashkovo culture to be formed on the autochthonous basis. They stick to the opinion concerning the crucial influence of the newly come population.

Chapter II. Description of Settlement and Collection

The settlement Andreevskoe Ozero XIII is situated at the south bank of lake Andreevskoe in 18 km from Tymen city. It was excavated completely, with excavation area of 2 950 m^2. During the process of field investigation the remains of 17 dwellings were opened. These houses were from 43 till 54 m^2, corner-jointed. They were deepened in the ground down to 0,2 – 0,3 m. Besides, other objects were studied at the territory of settlements: storage pits, fire places, production zones. The remains of large fire place (4,6 x 5 m) are of particular interest. Most likely it was a sacral center of the settlement.

The assemblage of finds consists of pottery fragments belonging to 208 pots, 51 ceramic sinkers, 72 re-used pottery fragments and 1452 stone items.

The flat bottom pots were most popular type of vessels. As usually they were made by band principle (band wide – 5 – 8 cm). The pot surfaces were decorated by different variants of comb impressions or imprints of stick oval in cross section. Other ways of ornamentation were of minor importance.

On the whole 144 elements of ornament were determinated: with different combinations of direct, tilted lines, zigzag, rhombuses, triangles, meander-like motive among them.

Stone implements were investigated through the stereo microscope and 123 tools were determined in the collection (arrow points, hide scrapers, different tools for wood, bone, ceramic, stone and metal processing).

An interesting feature of assemblage is re-used pottery fragments, most of them being hide scrapers.

Some of the finds are show metalworking: crucibles,

fragments of metall goods, drops of metal. The population of the settlement used practically pure copper (admixtures were of natural origin).

Chapter III. Economy and Social Organization

Reconstruction of economic activities and social relationship on the site are presented in the given chapter. Hunting was of great importance in the economy. Osteological data let us admit that elks and rein-deer were main fur-bearing animals. Lake Andreevskoe is a part of well-drained lake system. Topography of the settlement created favourable conditions for fishing and getting aquatic birds. Perhaps, the population of Tashkovo culture was familiar with stock-breeding. Most likely that it was introduced by the newly come population and it became gradually degraded.

Metallurgy of the population of Tashkovo culture was on the stage of metal-working. Neither ore nor slags were found on the territory of the settlements. The main raw materials for producing metal goods were ingots and broken things. Metal melting was conducted in the open fire in ceramic crucibles or in crucibles on ceramic fragments.

On the basis of planigraphic, typological and use-wear analysis such domestic productions as processing of stone, wood, bone and hide were being reconstructed.

A community consisting of 17 families lived on the site. Each family took up a separate house and had a significant economic independence. The population of the settlement was about 100 people. The area of the floor of the house was taken as a basis for palaedemographic calculations. The analysis of the finds within the buildings allows us to consider the existence of social hierarchy of the inhabitants of the settlement. To begin with, we can also assume the existence of a special group which performed priestly functions.

Chapter IV. Notions of the Universe

The chapter is devoted to reconstruction of cosmogonical notions of the population of Tashkovo culture. The analysis was carried out taking into account studies of ornaments on pottery and architectural model of the settlement. The circular layout of the settlement is considered to be the analogue of the structure of the Universe. Most probably the layout can be related to Mandala, a sacred circle which is considered to be the model of the Universe.

The notions have close parallels in anthems of "Rigveda". A very considerable role for the inhabitants of the settlements was played by cults connected with fire. During the excavations a great number of testimonies proving the reverence for fire were discovered. First of all these are the remains of ritual bonfires on the inner area of the settlement.

All the settlements of circular layout were burnt down most probably by the settlers themselves. Burning of the settlements was connected with the idea of cyclic perception of life. Fire was considered to be a symbol of rebirth and purifying. A part of ornaments on pottery contains numerical and calendar symbols. Numerical symbols duplicate the structure of the Universe : 3 is a vertical model of the world, 4 is a horizontal one and 5 is a horizontal model with the sacred center.

Chapter V. Problems of Origin, Dates and Ethnic Specific Features

The authors carry out the analysis of the materials of Tashkovo culture, Eneolithic complexes and initial stages of the Bronze Age of the Urals.

Ornamentation and forms of vessels, the layout of the settlements the peculiarities of metallurgical production, the composition of raw materials and some types of stone goods, cosmogonical ideas don't let us connect the origin of Tashkovo

culture with local Eneolithic population.

The Newly come population which was Indo-Iranian by origin had a great influence on formation of this culture. Local population was only a component of the new culture. Perhaps, migration caused by climatic changes in steppe zone of West Europe on the brink of III – II millennia B.C. moved to Lower Pritobolye from south-west, from the sphere of cultures of European linguistic community with ornament on ceramics consist of imprints of stick oval in cross section.

Study of Tashkovo's culture settlements is the base for reconstruction of processes which took place at the territory of the Middle Trans-Urals during Early Bronze Age. Most likely the cultures of local Eneolithic and Tashkovo were not the parts of gradual evolutional process. There are no local backgrounds for most phenomena. Probably the migration come from south-west regions into Lower Pritobole. There are common features between new stereotypes and sites of different territories and chronological periods of Indo-European linguistic community. The principles of settlements lay-out are generally common with archaeological monuments of EBA of South–West Asia and Balkan region. The typical feature of Tripolie culture is firing of settlements before transmigration of population to the new place. The new type of ornamentation technique, flat bottoms pottery and new motives are in line with the pottery of settlement Tenteksor (Northern Caspian coast). Earliest maces were excavated at the Neolithic and Eneolithic sites of Southern Europe. As a whole archeological data correlates with written sources of Indo-European mythology (Rigveda).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАУ	–	Вопросы археологии Урала
МЖП	–	Межжилищное пространство
ПНИАЛ УрГУ	–	Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория Уральского госуниверситета
РА	–	Российская археология
ЮАО	–	Южный берег Андреевского озера

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.. 3
Глава 1. Историография и состояние проблемы....... 8
Глава 2. Характеристика поселения и находок......... 20
Глава 3. Хозяйство и социальная организация......... 71
Глава 4. Представления о вселенной..................... 85
Глава 5. Проблемы происхождения, датировки и этнической специфики....................... 96
Заключение... 108
Приложения.. 112
Summary.. 154
Список сокращений....................................... 159

Научное издание

Валентина Трофимовна Ковалева,
Ольга Васильевна Рыжкова,
Андрей Васильевич Шаманаев

Ташковская культура:
поселение Андреевское озеро XIII

Редактор В.И.Попова
Оригинал-макет, компьютерная верстка – А.В.Шаманаев
Художник Н.Ю.Гулягина

ЛР № 020257 от 22.11.96

Подписано в печать 19.12.00. Формат 60x80 1/16. Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная. Уч-изд.л. 6,51. Усл. печ.л.9,31. Тираж 250 экз. Заказ № 1525

Издательство Уральского университета им. А.М.Горького.
620083, Екатеринбург, ул.Тургенева, 4.

ОАО «Полиграфист». 620151, Екатеринбург, ул.Тургенева, 22.